

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук
(ИСл РАН)

На правах рукописи

Ерофеев Илья Дмитриевич

**Польская патриотическая идея в интеллектуальной среде Кракова
в конце XIX – начале XX вв.**

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история
(исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Аржакова Лариса Михайловна

Москва – 2026

Оглавление:

Введение	3
Глава 1. Истоки и содержание патриотической идеи в творчестве Мариана Здзеховского	44
1.1. Формирование мировоззрения Мариана Здзеховского.....	44
1.2. Патриотизм и христианская этика: польская национальная идея в трактовке Здзеховского.....	54
1.3. Патриотическая деятельность Здзеховского как культурное посредничество между Польшей, Россией и славянством	77
Глава 2. «Польское славянофильство» Феликса Конечного как отражение патриотической идеи	102
2.1. Становление Феликса Конечного как историка и публициста: биографический контекст	102
2.2. Концепция «польского славянофильства» как патриотическая идея в публицистике Феликса Конечного	107
2.3. Отношения поляков со славянскими народами в публицистике Феликса Конечного	126
Глава 3. Практическая деятельность краковских славянофилов: «Славянский клуб», «Славянский мир», «Славянское общество»	145
3.1. Институциональные формы краковского славянофильства: «Славянский клуб», журнал «Славянский мир» и «Славянское общество»	145
3.2. Историческая аргументация на страницах «Славянского мира» в защиту польского славянофильства как патриотической идеи.....	173
Заключение	182
Список источников и литературы.....	188

Введение

Актуальность темы исследования. Рубеж XIX–XX вв. стал для польского общества периодом особенно интенсивных размышлений о том, что значит быть патриотом в условиях утраченной государственности. На протяжении всего XIX столетия польская интеллектуальная среда стремилась выработать патриотическую идею, способную ответить на вызовы времени. Романтический мессианизм первой половины века предлагал мистическую трактовку польской идентичности, возлагая на Польшу роль «Христа народов». Однако после поражения Январского восстания 1863 г. эта мессианская идея стала казаться всё более призрачной. Позитивизм, пришедший на смену мессианизму, предпочел органический труд вооруженной борьбе. Однако к концу XIX в. ни одна из этих традиций уже не могла считаться достаточно эффективной, и польские интеллектуалы искали новые формы патриотической идеи, которая могла бы примирить историческое наследие с реалиями начала XX в.

Одним из явлений этого периода, до сих пор недостаточно изученным, стали краковский «Славянский клуб» (1901–1914) и его печатный орган – журнал «Славянский мир» (1905–1914). Вокруг них сложилась группа интеллектуалов, предложивших проект национальной идеологии, представлявший собой оригинальный синтез концепций польского патриотизма и идеи славянской взаимности. В историографии применительно к данной группе интеллектуалов зачастую применяется термин «краковские славянофилы»¹, который будет использоваться в этом значении и в рамках данного исследования. В отличие от романтического мессианизма и от краковского консерватизма, ориентированного на сотрудничество с властями Австро-Венгрии, они попытались соединить патриотическую идею с практической деятельностью, которая ориентировалась на идею славянской общности. Наиболее яркими представителями этого направления стали Мариан Здзеховский (1861–1938) и Феликс Конечный (1862–1949). Как справедливо отмечал польский историк Ежи Едлицкий, история интеллигенции –

¹ См. пример использования: Giza A. Neoslawizm i Polacy. 1906–1910. Szczecin, 1984. S. 74.

это «история [интеллектуальных] сообществ и связей между ними»². Такой подход позволяет увидеть, как патриотическая идея трансформировалась в процессе дискуссий: в салонах, в публицистике на страницах журналов, в художественной литературе, в деятельности общественных организаций.

Актуальность обращения к этой теме определяется несколькими обстоятельствами. В современных гуманитарных науках вновь обостряется полемика о соотношении национального и наднационального, об идентичностях и гражданской лояльности – и в этом контексте исторический опыт краковских славянофилов приобретает особую ценность. Они предлагали модель патриотизма, основанную на культурном диалоге и признании общих интересов с другими славянскими народами. Их попытка переосмыслить славянскую идею – отойти от доминировавшего отождествления концепции славянского единства с российским панславизмом и предложить польскую, «не имперскую» версию – представляла собой важный пример того, как национальное движение может выстраивать союзнические отношения и расширять своё влияние за пределами собственной этнической территории и группы.

Наконец, обращение к данной теме обусловлено и состоянием её историографической разработанности. Несмотря на значительное число исследований по истории польской общественной мысли феномен краковских славянофилов как целостного интеллектуального течения до сих пор не был предметом комплексного анализа в отечественной исторической науке. Специфический симбиоз польской национальной патриотической идеи и идеи славянской взаимности в интеллектуальной среде Кракова в конце XIX – начале XX вв. остается недостаточно изученным.

Таким образом, данное исследование обращается к комплексу сюжетов, которые до сих пор оставались на периферии историографии, и одновременно намечает историческую перспективу для осмысления современных вопросов эволюции национальной идентичности и роли межнационального диалога.

² *Jedlicki J. Problems with the intelligentsia // Acta Poloniae Historica. 2009. T. I. 100. S. 19.*

Исторический контекст.

Известно, что ключевым событием, определившим судьбу поляков более чем на столетие, стали разделы Речи Посполитой во второй половине XVIII в. между Россией, Пруссией и Австрией³. Потеря национальной государственности поставила перед поляками задачу сохранения идентичности, культуры. Польский народ, с одной стороны, приспосабливался к новым политическим условиям, стремясь выстроить отношения с имперскими центрами, а с другой не оставлял надежды на достижение независимости, в том числе вооруженным путем. Эта готовность привела к восстаниям, самые крупные из которых были в 1830–1831 гг. (Ноябрьское)⁴ и 1863–1864 гг. (Январское) против Российской империи⁵. Итогом поражения Ноябрьского восстания стала «Великая эмиграция», в ходе которой многие польские политики, военные, деятели культуры и прочие переехали в европейские страны, в первую очередь во Францию⁶. Разгром Январского восстания и последовавший за ним ряд репрессивных мер со стороны имперских властей привели к кризису романтической парадигмы и переосмыслению частью польских элит своего отношения к освободительной борьбе. Одним из важнейших феноменов стала идея «органического труда», предполагавшая отказ от вооруженных восстаний и переход к поэтапной работе в экономической, культурной и образовательной сфере.

³ О разделах Речи Посполитой см. подробнее: *Соловьев С.М.* История падения Польши. М., 1863; *Носов Б.В.* Разделы Речи Посполитой и русско-польские отношения второй половины XVIII века в зарубежной историографии (1970-е – начало 1990-х годов) // *Славяноведение*. 1993. № 5. С. 86–100; Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999; *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 2002.

⁴ О польском восстании 1831 г. см. подробнее, например: *Mochnecki M.* Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. T. 1–2. Paryż, 1834.

⁵ О польском восстании 1863 г. см. подробнее, например: *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г.: (Опыт статистического анализа). М., 1973; *Русский Сборник: исследования по истории России*. Том XV: Польское восстание 1863 года. М., 2013; *Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши*. М., 2014; *Bunt wolnych ludzi: 160. rocznica Powstania Styczniowego*. Warszawa, 2023.

⁶ О польской эмиграции после Ноябрьского восстания см. подробнее: *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб, 2017; *Бабоша И.А.* Секретный комитет высшего политического надзора в России и польская эмиграция (1837–1839) // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 5–17.

В этих условиях особое значение для поляков приобрела Галиция – австрийская часть польских земель, к которой после Краковского восстания 1846 г. была также присоединена территория Вольного города Кракова. После подписания Австро-Венгерского соглашения в 1867 г. польская элита Галиции предпочла ориентироваться на Вену, что привело к формированию союза между краковскими консерваторами и имперским центром.

Политическим ядром краковских консерваторов стала группировка «станьчиков», получивших свое наименование благодаря политическому памфлету «Папка станьчика»⁷. Поляки стали одной из опор австрийских властей, некоторые польские политики занимали министерские посты при императоре Франце Иосифе, культ которого стал активно пропагандироваться в Галиции⁸. В обмен на лояльность поляки получили широкую автономию. Ключевым органом автономии стал Галицийский краевой сейм, который рассматривал вопросы, связанные с местным управлением, образованием и культурой⁹. Должности галицийского наместника и министра по делам Галиции занимали поляки. В результате полученной автономии австрийская часть Польши стала средоточием польской культуры, получившей возможность развиваться относительно свободно.

Значимым явлением для польской интеллектуальной среды второй половины XIX в. стало оформление исторических школ: краковской, варшавской, львовской¹⁰.

⁷ О «станьчиках» подробнее см.: *Аржакова Л. М.* Группировка станьчиков как проявление (само)организации краковских консерваторов, ориентированных на Вену // *Славянский альманах*. 2018. №3-4. С. 40–52; *Ее же.* «Папка Станьчика»: рефлексия и/или политическая программа краковских консерваторов // *Центральноевропейские исследования*. 2020. Вып. 3(12). М.; СПб., 2021. С. 165–187.

⁸ *Шимчак Д.* «Мы друг друга понимаем...». Франц Иосиф и поляки в Галиции // *Славяноведение*. 2017. № 5. С. 3–13.

⁹ См. подробнее например: *Ястребов Н.В.* Галиция накануне Великой Войны 1914 года. Петроград, 1915; *Dziadzio A.* Galicyjski Sejm Krajowy wobec namiestnictwa w początkach ery konstytucyjnej w Austrii // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2016. Vol. 25. N 3. S. 261–276; *Waldoch J.* Kształtowanie polskiego aparatu administracji w b. Galicji. Wydział Krajowy oraz Namiestnictwo wobec projektów ustaw o ustroju administracji publicznej z 1919 r. // *Krakowskie Studia z Historii Państwa i Prawa*. 2025. N 18 (2). S. 235–246.

¹⁰ *Smoleński W.* Szkoły historyczne w Polsce: główne kierunki poglądów na przeszłość. Warszawa, 1898; *Wierzbicki A.* Wokół „czarnej legendy” historiografii krakowskich konserwatystów // *Kwartalnik Historyczny*. 1997. № 2. S. 63–87; *Grabski A. F.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2000. S. 126–136; *Swakoń R.* Józefa Kazimierza Plebańskiego krytyka tzw. krakowskiej szkoły historycznej // *Klio Polska. Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej*. 2020. T. 12. S.

Представители краковской исторической школы (Валериан Калинка¹¹, Юзеф Шуйский¹², Станислав Смолька¹³, Михал Бобжиньский¹⁴) в отличие от романтической традиции и варшавской исторической школы усматривали причины кризиса Речи Посполитой XVIII в. в ее внутренних политических проблемах: кризис центральной власти, вырождение шляхетской демократии. Данное историографическое направление было идеологическим фундаментом для краковских консерваторов, зачастую некоторые историки были также активными политическими деятелями¹⁵. Так, Станислав Тарновский¹⁶ был одним из авторов «Папки станьчика», избирался в Галицийский сейм, Михал Бобжиньский также был депутатом сейма, а впоследствии стал наместником Галиции (1908–1913).

Галиция вместе с тем была не только польским, но и русинским регионом, который делился на западную часть, преимущественно польскую, и восточную, преимущественно русинскую. Однако Львов, являвшийся административным центром Галиции и находившийся в ее восточной части, был преимущественно польским. Русины в конце XIX – начале XX вв. переживали период национального подъема, шло развитие культуры и науки, а также складывались организованные политические движения, что неизбежно вело к польско-русинскому противостоянию. Оно выражалось в борьбе за контроль над Львовским университетом, за пространство использования русинского языка. В русинской

51–71: *Банашикевич М.* Рецепция взглядов краковской исторической школы в публицистике петербургской газеты «Край» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 11. С. 6–11.

¹¹ Валериан Калинка (1826–1886) – польский священник, историк, деятель консервативного крыла польской эмиграции.

¹² Юзеф Шуйский (1835–1883) – польский политик, историк, публицист, один из лидеров группировки «станьчики». – О Шуйском см.: *Аржакова Л.М.* Образ власти в прошлом и настоящем в трудах Юзефа Шуйского // Центральноевропейские исследования. 2022. Т. 2022. № 5 (14). С. 195–222.

¹³ Станислав Смолька (1854–1924) – польский историк, ректор Ягеллонского университета (1895–1896)

¹⁴ Михал Бобжиньский (1849–1935) – польский историк, политический деятель, наместник Королевства Галиции и Лодомерии (1908–1913).

¹⁵ О краковских консерваторах как политической группировке см. подробнее: *Булахтин М.А.* Краковские консерваторы и демократические вызовы в начале XX века // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 145–151.

¹⁶ Станислав Тарновский (1847–1917) – польский историк литературы, публицист, профессор и ректор Ягеллонского университета.

среде в XIX в. сложились два национальных движения, по-разному смотревших на будущее: одни видели его в единении с русским народом и Россией (москвофилы), другие – в развитии собственной украинской идентичности (украинофилы)¹⁷.

Рубеж XIX – XX вв. ознаменовался новой волной интереса к идее славянской взаимности, что нашло свое отражение в неославистском движении. Неославизм – идейное течение в славянской общественной мысли, которое стремилось к культурному, экономическому и политическому сближению славянских народов¹⁸. Его лидером и главным идеологом выступал Карел Крамарж¹⁹. Его отличало стремление выстроить взаимовыгодные отношения между славянскими фракциями в австрийском парламенте, кроме того он видел в сближении России и Австро-Венгрии противовес германской экспансии. Осознание угрозы со стороны Германии и желание добиться улучшения положения поляков в Российской империи вовлекли в неославистское движение лидера польской Национально-демократической партии Романа Дмовского²⁰. Главным событием неославистского движения стал Славянский съезд в Праге в 1908 г., где акцент был сделан на культурном и экономическом сближении славян. Однако вскоре неославизм вошел в кризис, в связи с противоречиями в славянском мире. Съезд в Софии 1910 г., на котором отсутствовали поляки фактически стал его последней заметной акцией. Хотя неославистское движение охватило в первую очередь славянских интеллектуалов Австро-Венгрии, к нему проявляли интерес также политические и общественные деятели в России. Так, одним из рупоров неославизма стал

¹⁷ О русинах смотри: *Клопова М.Э.* Русины, русские, украинцы: Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016; *Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки.* М., 2018. С. 178–182; *Парфирьев Д.С.* Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. М., 2023.

¹⁸ *Ненашева З.С.* Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX вв. Чехи, словаки и неославизм, 1898–1914. М., 1984; *Сератионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006; *Болдин В.А.* К вопросу о дихотомии «панславизм-неославизм» в отечественной науке // *Геополитический журнал.* 2017. № 2-3(18). С. 76–82.

¹⁹ Карел Крамарж (1860–1937) – чешский политический и государственный деятель, лидер младочехов.

²⁰ Роман Дмовский (1864–1939) – польский политический деятель, лидер Национально-демократической партии.

русскоязычный журнал «Славянский век»²¹ (1901–1904) под редакцией Д.Н. Вергуна²².

В предшествовавший период разные русские авторы не раз обращались к панславистским идеям, хотя они могли приобретать различный характер²³. Так, Ф.И. Тютчев²⁴, Н.Я. Данилевский²⁵ были наиболее яркими выразителями «имперского» панславизма, они видели его суть в объединении славян под властью России, акцентировали внимание на противостоянии России и Запада, что во многом было результатом рефлексии после Крымской войны. В то же время В.И. Ламанский²⁶ выступал за культурный панславизм, считая, что именно культурное сближение должно быть в приоритете, отводя в этом вопросе важное место роли общего языка²⁷.

В польской общественной мысли идея славянской взаимности также имела давнюю традицию. К ней обращались мыслители в эпоху Просвещения и в период

²¹ О «Славянском веке» см. подробнее: *Болдин В.А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. М., 2018; *Его же.* Контент-анализ заголовков статей журнала «Славянский век» (1900–1904) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 67. С. 107–112.

²² Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951) – галицко-русский общественный деятель, редактор журнала «Славянский век».

²³ *Павленко О. В.* Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15; *Ее же.* Панславизм реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023; *Григорьева А. А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX — начало XX века). Иркутск, 2013; *Рокина Г. В.* Из истории трактовки термина «Панславизм» в работах отечественных и зарубежных авторов XIX века // Запад–Восток. 2010. № 3. С. 92–102; *Чуркина И. В.* Русские панслависты 1860–1870-х годов // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 2013. С. 85–105; *Тесля А.А.* Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно: рецензия на книгу Бориса Прокудина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 11. № 2. С. 177–185.

²⁴ Федор Иванович Тютчев (1803–1873) – русский поэт, публицист и дипломат.

²⁵ Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) – русский публицист, социолог, естествоиспытатель, идеолог панславизма.

²⁶ Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) – русский славист, историк, профессор Санкт-Петербургского университета.

²⁷ См. подробнее: *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. М., 2010; *Робисон М.А.* Регионы Европы в историософском трактате В.И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славяноведение. 2019. № 3. С. 4–12; *Панченко А.Б.* Наднационализм в эпоху национализма: цивилизационный подход от Н.Я. Данилевского до В.И. Ламанского // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 121–134; *Волкова Е.А.* В.И. Ламанский: славяноведение, славянофильство, панславизм // Вече. 2020. № 32. С. 164–178; *Селиверстов С.В.* «Истинный славизм» раннего В.И. Ламанского и полемика с позицией А.С. Пушкина (конец 1850-х годов) // Славяноведение. 2021. № 3. С. 94–103.

романтизма²⁸. Однако после поражения Январского восстания славянская идея в польском обществе была дискредитирована, поскольку ассоциировалась именно с российским «имперским» панславизмом.

К концу XIX – началу XX вв. в польской общественной мысли сложился комплекс предпосылок, определивших появление и особенности краковского славянофильства. Отсутствие национальной государственности и переосмысление парадигмы освободительной борьбы ставили вопрос о поиске новых форм и моделей патриотической идеи. Автономия Галиции создавала уникальные возможности для развития польской культуры и интеллектуальной жизни, а краковская историческая школа и позиция краковских консерваторов формировали идейный фон, в котором действовали Здзеховский, Конечный и их коллеги. Польско-русинский конфликт, русско-польский спор, неославистское движение требовали от поляков выработки собственной позиции по славянской проблематике. Все эти факторы непосредственно влияли на условия возникновения и развития краковского славянофильства и их попытки синтеза польской патриотической идеи с идеей славянской взаимности.

Степень разработанности проблемы.

В историографии проблемы отчётливо выделяются две группы исследований. К первой группе относятся труды, в которых изложены общие теоретические подходы к пониманию феномена патриотизма. Ко второй – труды о главных представителях краковского славянофильства Мариане Здзеховском и Феликсе Конечном, а также работы, анализирующие организационные формы и виды деятельности этого направления («Славянский клуб», журнал «Славянский мир», «Славянское общество»).

Понятие «патриотизм» (при всей кажущейся очевидности его значения) – любовь к родине, преданность отечеству²⁹, – в действительности оказывается

²⁸ О славянской идее в польской общественной мысли см. подробнее, например: *Moroz-Grzelak L. Bracia Słowianie. Wizje wspólnoty a rzeczywistość. Warszawa, 2011.*

²⁹ Большая российская энциклопедия дает следующее определение. Патриотизм – это осознанная любовь к родине, своему народу, его традициям. – Патриотизм // Большая Российская энциклопедия: в 35 т. Т. 25. М., 2014. С. 456. – В энциклопедическом словаре Ф.А.

содержательно более сложным. Как справедливо замечает историк М.М. Кром «патриотизм как и другие формы идентичности имеет дискурсивную природу»³⁰, то есть патриотизм – это не только чувство, но и способы его описания и выражения. В таком случае под патриотическим дискурсом следует понимать формы осмысления людьми вещей и явлений, касающихся, с их точки зрения, родины, ее прошлого, настоящего и будущего.

Стоит также заметить, что чувство любви и привязанности к родным местам, близким людям, является у человека исконным или, как минимум, очень древним, но в то же время собственно понятие «патриотизм» сравнительно молодое, и в обиход большинства европейских языков оно вошло в XVIII в.³¹, что, естественно, не говорит об отсутствии у европейцев в предшествующие века чувства, которое можно было бы выразить с помощью этого понятия. Однако его появление и распространение скорее говорит об изменениях в общественной жизни, которые требовали нового способа выразить свое чувство любви к родной земле, государству или нации.

В настоящем исследовании понятия «патриотизм» и «патриотическая идея» используются как взаимозаменяемые. Это не означает, что они всегда тождественны по смыслу. Однако предметом нашего интереса является именно та сторона патриотизма, которая связана с его осмыслением, формулированием и обсуждением в интеллектуальной среде. Важно подчеркнуть, что практика при этом не исключается из рассмотрения: деятельность «Славянского клуба» и его печатного органа анализируется именно как форма реализации патриотической идеи.

Патриотизм в историческом контексте как научная проблема недостаточно изучен. Одно из немногих исследований по этой теме было написано немецким

Брокгауза и И.А. Ефрона автором статьи о патриотизме был русский философ В.С. Соловьев, который проанализировал изменение природы патриотического чувства от Древнего мира до Нового времени. – *Соловьёв В.С. Патриотизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 22А (44). С. 479–480.*

³⁰ Кром М.М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб., 2020. С. 12.

³¹ Там же. С. 9.

социологом Робертом Михельсом³² еще до Второй мировой войны, его труд задумывался как введение к социологическому анализу патриотизма, однако этот замысел не получил развития в полной мере.

Особое внимание обращает на себя то, что понятие «патриотизм» неразрывно связано в историографии с понятием «национализм», они часто сопоставляются и противопоставляются друг другу, и именно в рамках *nationalism studies* патриотизм становился одним из предметов изучения.

Современные российские историки указывают, что в советский период понятия «патриотизм» и «национализм» обычно носили оценочный характер, первое имело позитивный оттенок, а второе – негативный, по аналогии с противопоставлением интернационализма космополитизму³³. Однако стоит заметить, что разделение на «плохой» национализм и «хороший» патриотизм было характерно и для многих западных исследователей. Георгиос Варуксакис, автор статьи о патриотизме в «Энциклопедии национализма» под редакцией Афины Леусси, указывал, что «в результате негативных коннотаций, которые “национализм” приобрел в течение XX в., “патриотизм” стал его приемлемым аналогом»³⁴. Варуксакис вместе с тем подчеркивал, что схожее разграничение «патриотизма» и «национализма» было свойственно интеллектуалам еще в XIX в.³⁵

В середине XX в. в западных социальных науках наблюдается всплеск интереса к теме национализма, а само понятие становится все-таки преимущественно нейтральным, что усложняет проведение смысловой границы между «патриотизмом» и «национализмом». Один из первых крупных специалистов по этой теме Карлтон Хэйес³⁶ наметил основные этапы распространения национализма вширь, что впоследствии получило развитие в трудах Мирослава

³² Michels R. Der Patriotismus: Prolegomena zu seiner soziologischen Analyse. Berlin, 2013.

³³ Миллер А.И. Национализм как теоретическая проблема (Предварительные итоги) // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994. С. I–II.

³⁴ Encyclopaedia of nationalism / Ed. Athena S. Leoussi. New Brunswick, London, 2001. P. 239.

³⁵ Ibidem. P. 240.

³⁶ Hayes C. Essays on Nationalism. New York, 1926.

Гроха³⁷. А другой классик – Ханс Кон³⁸ – предпринял попытку создать типологию видов национализма, выделил «западный» (рациональный, гражданский) и «восточный» (органический, иррациональный), основываясь на социальном составе носителей идей национализма и соотношении нации и государства. Во многом именно Хейес и Кон заложили базу для дальнейшей разработки проблематики национализмов. Патриотизм же оставался скорее вспомогательным понятием в рамках данного направления исследований.

В работах такого классика национализма как Эрик Хобсбаум³⁹ трудно вывить различия между двумя упомянутыми понятиями. В свою очередь Эрнест Геллнер предложил считать национализм особым видом патриотизма, «который становится повсеместным и доминирующим только при определенных социальных условиях, которые преобладают в современном мире»⁴⁰. Такой взгляд на соотношение этих двух понятий определялся модернистской теорией национализма, которой придерживался Геллнер, где национализм был подчинен экономическим требованиям индустриализации. Категоричную модернистскую концепцию Геллнера оспаривал Энтони Смит⁴¹, доказывая, что этническое самосознание могло существовать в домодерный период. Смит подчеркивал важность для нации исторических и культурных констант: мифов, символов, коллективной памяти, которые начинали складываться еще до появления современных наций.

Другой виднейший исследователь национализма Бенедикт Андерсон, который придерживался иных взглядов на природу национализма, рассматривая его как культурную систему, схожую с религией, защищал национальное чувство от нападок со стороны «прогрессивных интеллектуалов-космополитов», заявляя, что национализм основан не на страхе и ненависти, а на любви⁴². Культурные продукты

³⁷ *Groch M. Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations. Cambridge, 1985.*

³⁸ *Kohn H. The Idea of Nationalism. New York, 1944.*

³⁹ *Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.*

⁴⁰ *Gellner E. Nations and nationalism. Oxford, Cambridge, 1983. P. 138.*

⁴¹ *Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.*

⁴² *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. С. 236–237.*

национализма (поэзия, проза, музыка) почти всегда выражают любовь, самопожертвование и преданность. Главу, посвященную анализу культуры, порожденной национализмом, он назвал «Патриотизм и расизм», наделяя понятие «патриотизм» безусловно положительным смыслом, хотя оно, как и у Геллнера, выполняет лишь вспомогательную функцию.

В западной историографии предпринимались также попытки дать более конкретное определение понятию «патриотизм». Так, Эли Кедури рассматривал патриотизм (как и ксенофобию) в качестве естественного, присущего человеку чувства, которое «не требует особой антропологии и не утверждает особой доктрины государства или отношения к нему индивида»⁴³. Луи Снайдер в своей «Энциклопедии национализма» также разводил данные понятия, опираясь на труд психолога Леонарда Дуба «Патриотизм и национализм: их психологическая основа». Снайдер согласен считать патриотизм естественным чувством любви и преданности определенной группе или месту, однако он подчеркивал, что, несмотря на естественную природу этого чувства, оно также во многом формировалось под влиянием образования и воспитания⁴⁴.

Можно отметить и стремление дать универсальную дефиницию патриотизма. Так, нидерландский историк Йохан Хёйзинга определял патриотизм как «волю к сохранению и защите того, что принадлежит человеку и ценится им»⁴⁵. Абстрактность этого определения, фиксирующего патриотизм как чувство, а не как доктрину, позволяет рассматривать его как понятие, наполняющееся конкретным содержанием в зависимости от исторического контекста, социальной среды и политических условий.

В советской историографии знаковым этапом в изучении национальных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе стала серия коллективных трудов «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к

⁴³ Кедури Э. Национализм. СПб., 2010. С. 73.

⁴⁴ Snyder Louis L. Encyclopedia of nationalism. New York, 1990. P. 322.

⁴⁵ Encyclopaedia of nationalism... P. 240.

капитализму. Проблемы истории и культуры»⁴⁶, издававшаяся Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в 1970–1980-х гг. Как отмечал один из редакторов серии И.С. Миллер, этот обширный ареал характеризовался «устойчивыми чертами взаимосвязанности развития, в значительной степени общностью исторических судеб населявших его народов»⁴⁷. Таким образом, тема патриотизма и национального самосознания народов рассматривалась в серии в региональном контексте. Во введении к сборнику «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе» (1981) И.С. Миллер выделил следующие особенности: отставание в капиталистическом развитии, отсутствие национальных государств и наличие национально-освободительных движений⁴⁸. Особый интерес для изучения патриотической идеи представляют статьи, посвященные роли языка и национального самосознания в формировании наций⁴⁹. В сборнике «Социальная структура общества в XIX в.» (1982) В.Р. Лейкина-Свирская анализировала проблему исторической роли интеллигенции, однако определяла ее как преимущественно российский слой общества, не характерный для других народов Европы⁵⁰.

⁴⁶ Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; *Мыльников А.С.* Эпоха просвещения в чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977; Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. М., 1980; Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981; Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981; Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982; У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. М., 1984; Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII – 60-е годы XIX в. М., 1984.

⁴⁷ *Миллер И.С.* Формирование наций: комплексное изучение и сопоставительный анализ // Формирование наций в центральной и Юго-Восточной Европе: исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981. С. 6.

⁴⁸ Там же. С. 6–16.

⁴⁹ См. например: *Смирнов Л.Н.* О языковом аспекте формирования наций // Формирование наций в центральной и Юго-Восточной Европе: исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981. С. 95–102; *Мыльников А.С.* К вопросу о формировании самосознания в период складывания наций в Центральной и Юго-Восточной Европе // Формирование наций в центральной и Юго-Восточной Европе: исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981. С. 222–247.

⁵⁰ *Лейкина-Свирская В.Р.* Формирование и историческая роль интеллигенции как исследовательская проблема (историографический обзор) // Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982. С. 44–55.

Эта традиция комплексного изучения соседних европейских народов получила свое развитие в монографии А.С. Мыльникова 1997 г., где автор проанализировал пути развития идей патриотизма у народов Центральной Европы: «от этатистских и преимущественно локальных (“земских”) форм к формам преимущественно этническим»⁵¹.

В современной российской историографии ведутся исследования национализма с учетом опыта западных *nationalism studies* и «новой имперской истории».

Колоссальный рост интереса к западным исследованиям наблюдался уже в 1990-е гг. Так, в 1994 г. вышел сборник статей «Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции»⁵², где коллектив авторов проанализировал подходы основных западных исследователей, работавших над проблемой национализма в предшествовавшие годы. Многие участники сборника в дальнейшем продолжили работу в направлении изучения национализма и патриотизма. Так, В.В. Коротеева в монографии «Теории национализма в зарубежных социальных науках»⁵³ представила развернутый анализ трудов ведущих западных авторов и предложила собственную классификацию теорий национализма. В 2000 г. вышла книга О.В. Хавановой «Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года»⁵⁴, где патриотизм рассматривался как ранняя форма национального самосознания. В 2002 г. вышла ее статья «Этничность, нация, "любовь к стране" в Европе раннего Нового времени». В ней Хаванова на основе анализа разных подходов к изучению домодерных идентичностей показала их сложность, придя к заключению о том, что национализм не являлся прямым продолжением домодерного патриотизма⁵⁵.

⁵¹ Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII – XIX вв. СПб., 1997. С. 112.

⁵² Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994.

⁵³ Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.

⁵⁴ Хаванова О. В. Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.

⁵⁵ Хаванова О. В. Этничность, нация, "любовь к стране" в Европе раннего Нового времени // Политическая наука. 2002. № 4. С. 5–24.

Одним из наиболее авторитетных российских авторов в области *nationalism studies* является специалист по методологии теории национализма в контексте модернизации XIX в. А.И. Миллер⁵⁶, занимающийся национальными движениями в Центральной и Восточной Европе в XIX – начале XX вв.

В 2020 г. М.М. Кром выпустил книгу «Патриотизм или Дым Отечества» в серии «Азбука понятий»⁵⁷. В ней он рассмотрел понятие «патриотизм» в разных исторических контекстах, а также проанализировал проблему соотношения понятий «патриотизм» и «национализм» в историографии.

В современной польской историографии сложилось несколько направлений в изучении патриотизма. **Первое направление** представлено теоретическими работами, среди которых важнейшее место занимает очерк Анджея Валицкого «Три патриотизма»⁵⁸. В нем автор выделил три польские патриотические концепции, которые хотя отличаются между собой, но способны друг с другом сосуществовать. Первая концепция, по Валицкому, определяет патриотизм как верность «воле народа», проявляющуюся в стремлении к внутреннему и внешнему суверенитету, она связана с периодом шляхетской демократии. Вторая определяет патриотизм как верность «идеи народа», находившей свое отражение в языке, традициях и обычаях; она связана с периодом романтизма. Третья определяет патриотизм как защиту «реалистично» понимаемых национальных интересов и связана с деятельностью польской национально-демократической партии (эндеков). С точки зрения Валицкого, все три концепции не сменяли, а дополняли друг друга, продолжая влиять на современное польское политическое мышление.

Об отсутствии статичности понятия «патриотизм» говорила также Магда Строиньска. Кроме того, исследовательница справедливо отмечала, что для поляков оно имело гораздо более весомое историческое значение, чем для

⁵⁶ См. например: Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2010.

⁵⁷ Кром М.М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб., 2020.

⁵⁸ Walicki A. Trzy patriotyzmy. Trzy tradycje polskiego patriotyzmu i ich znaczenie współczesne. Warszawa, 1991.

некоторых западных народов ⁵⁹. Стroińskiej принадлежит, в частности, утверждение о значительной роли религиозного фактора в польском патриотизме, а также утверждение о противоречивости использования слова «патриот» в период Польской Народной республики (ПНР), когда оно употреблялось официальной пропагандой исключительно в значении поддержки коммунистического режима. Содержательный анализ практики использования понятий «патриотизм» и «национализм» в польском идеологическом дискурсе был предпринят Малгожатой Бжозовской ⁶⁰.

Полемика вокруг интерпретации определения «патриотизм» не затихает и в современном польском интеллектуальном пространстве, что находит отражение в академических спорах ⁶¹.

Второе направление польской историографии сосредоточено на изучении домодерного патриотизма. Его предметом является преимущественно шляхетский патриотизм XVII–XVIII вв., однако некоторые исследователи обращаются также к взглядам и деятельности польской буржуазии ⁶². Работы этого направления важны для понимания того, как патриотическая идея функционировала до формирования

⁵⁹ *Stroińska M.* Patriotism and Nationalism in the Polish Context: How the meanings of these words kept changing // *Warsaw East European Review*. 2011. Т. 1. Р. 185.

⁶⁰ *Brzozowska M.* Patriotyzm i nacjonalizm w polskim dyskursie ideologicznym // *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. 2009. Т. 21. S. 103–120.

⁶¹ Например, полемика между Енджеем Станиславеком и Робертом Борохом. См.: *Boroch R.* Patriotism Concept by Jędrzej Stanisławek // *Kultura i Wartości*. 2021. Р. 187–204.

⁶² См. например: *Grześkowiak-Krwawicz A.* Citizen, fatherland and patriotism in the political discourse of the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Whose love of which country?: composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe*. Leiden, Boston, 2010. Р. 255–281; *Idem.* Polska myśl polityczna lat 1772–1792 o systemie władzy absolutnej // *Kwartalnik Historyczny*. 1987. Т. 94. N 3. S. 41–58; *Roszak S.* Forms of patriotism in the early modern Polish-Lithuanian Commonwealth // *Whose love of which country?: composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe* / Ed. Trencsényi B., Zászkaliczky M. Leiden, Boston, 2010. Р. 443–460; *Augustyniak U.* Two patriotisms? Opinions of townsmen and soldiers on duty to the fatherland in seventeenth-century Poland // *Whose love of which country?: composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe*. Leiden, Boston, 2010. Р. 461–496; *Kostkiewiczowa T.* Reflections on patriotism in Polish literature in the second half of the eighteenth century // *Whose love of which country?: composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe*. Leiden, Boston, 2010. Р. 689–710; *Stasiak A. M.* Republican and monarchical patriotism in Polish political thought during the Enlightenment // *Whose love of which country?: composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe*. Leiden, Boston, 2010. Р. 711–733.

модерных наций – в условиях сословного общества, где «нация» отождествлялась преимущественно с привилегированными слоями. Они показывают, что патриотический дискурс в Речи Посполитой имел глубокие корни и не сводился к романтическим или современным формам, что позволяет проследить эволюцию патриотической идеи на протяжении столетий.

Третье направление польской историографии сосредоточено на изучении патриотизма как культурной практики – через сохранение традиций, языка, исторической памяти и обрядовости. В центре внимания исследователей оказывается польское общество XIX в., разделенное между тремя империями, где патриотическая идея не могла выражаться в открытых политических формах и потому находила воплощение в символических практиках: траурных церемониях, особой одежде, религиозных знаках-предметах (образках, патриотических украшениях), а также в традициях воспитания молодого поколения⁶³. Работы этого направления (Б. Едынак, Р. Кантор, А. Колодзейчик и М. Палашевска, Я. Тышкевич и др.) показывают, как патриотическая идея сохранялась и транслировалась в условиях отсутствия национальной государственности, пронизывая повседневную жизнь. Тем самым они дополняют историю патриотической мысли анализом ее бытового и обрядового измерения, которое нередко оставалось за пределами исследований политической и интеллектуальной истории.

Четвертое направление польской историографии сосредоточено на изучении патриотизма в контексте национально-освободительных движений XIX в.⁶⁴

Пятое направление составляют исследования, сосредоточенные на патриотической идее в творчестве и деятельности отдельных мыслителей. Стоит отметить работы В. Войтылы и М. Вожневской-Дзялак, посвященные философии

⁶³ См. например: *Jedynak B.* Z historii obyczaju patriotycznego w czasach Oświecenia // *Niepodległość i Pamięć*. 2000. N. 16. S. 15–23; *Kołodziejczyk A., Pałaszewska M.* Tradycje patriotyczne na obrazkach religijnych // *Niepodległość i Pamięć*. 1998. N. 10. S. 121–133; *Kantor R.* Krakowskie pogrzeby – budowanie przestrzeni narodowej : z dziejów obrzędowości patriotycznej w okresie zaborów // *Niepodległość i Pamięć*. 1998. N. 10. S. 95–110; *Tyszkiewicz J.* Biżuteria patriotyczna w Polsce XIX-wiecznej // *Niepodległość i Pamięć*. 1998. N. 10. S. 111–120.

⁶⁴ См. например: *Kulecka A.* Patriotyzm, poświęcenie, jedność. Społeczeństwo 1863 roku w dokumentach powstania. Warszawa, 2021.

патриотизма Кароля Либelta, а также исследование Л. Людоровского о патриотическом служении Генрика Сенкевича⁶⁵. Эти работы важны для понимания того, как патриотическая идея преломлялась в индивидуальном сознании и творчестве ключевых фигур польской культуры, каждая из которых предлагала свою трактовку патриотического долга и национальной идентичности.

Если теоретические работы задают понятийную рамку для изучения патриотической идеи, то для понимания ее конкретных форм в интеллектуальной среде Кракова необходимо обратиться к исследованиям, посвященным отдельным мыслителям – в первую очередь Мариану Здзеховскому и Феликсу Конечному.

В польской историографии одним из первых к религиозно-философскому наследию Здзеховского после его смерти в 1938 г. обратился поэт Чеслав Милош, написавший в 1943 г. очерк «Религиозность Здзеховского»⁶⁶. Однако в Польской народной республике в период 1950–1960-х гг. имя Здзеховского почти не упоминалось, что, вероятно, связано с политическими взглядами профессора, негативно относившегося к социалистической идеологии.

Возрождение интереса к наследию Здзеховского в 1970-е гг. произошло в среде, связанной с католической интеллигенцией, – прежде всего на страницах ежемесячника «Znak» и в рамках деятельности варшавского «Клуба Католической Интеллигенции». В марте 1973 г. вышел специальный номер «Znak», целиком посвященный польскому мыслителю⁶⁷; в феврале 1980 г. в клубе прошла научная сессия, материалы которой были опубликованы в том же журнале⁶⁸, среди ее участников были Станислав Стомма, Ян Скочиньский, Зофья Моцарска, Марчин Крул, Анджей Валицкий, Кшиштоф Дыбчак. В том же году Моцарска и Стомма выступили с докладом о Здзеховском в варшавском ПЕН-Клубе. Кульминацией

⁶⁵ См. например: *Wojtyła W.* Miłość ojczyzny i wychowanie patriotyczne w ujęciu Karola Libelta (1807–1875) // *Studia Elckie*. 2019. 21. N 3. S. 429–439; *Woźniewska-Działak M.* Patriotyzm w filozofii praktycznej Karola Libelta. Wokół rozprawy O miłości ojczyzny // *Studia Philosophiae Christianae*. 2020. 56. N 2. S. 163–191; *Ludorowski L.* Patriotyczno-obywatelska służba Henryka Sienkiewicza dla Ojczyzny // *Niepodległość i Pamięć*. N 25/1 (61). S. 105–130.

⁶⁶ Краткое изложение опубликовано в журнале «Новая Польша»: *Милош Ч.* Религиозность Здзеховского (Отрывки) // *Новая Польша*. 2003. № 7/8. С. 57–58.

⁶⁷ *Znak*. 1973. N 3.

⁶⁸ *Znak*. 1981. N 4/5.

этого интереса стала Всепольская научная сессия «Мариан Здзеховский (1861–1938)», прошедшая в Кракове в ноябре 1984 г., на которой было зачитано девятнадцать докладов. Отчет о сессии был составлен Марианом Зачиньским и опубликован в «Знаке»⁶⁹. Зачиньский подчеркивал актуальность исследования наследия Здзеховского и даже говорил о развитии своего рода «здзеховскологии». Судя по опубликованным материалам, основное внимание участников было сосредоточено на религиозных и философских взглядах мыслителя, а также на изучении деталей его биографии.

В 1983 г. Ян Скочиньский опубликовал одну из первых крупных работ, посвященных Здзеховскому как философу, – монографию, в которой подробно охарактеризовал его философский пессимизм⁷⁰.

Период 1990-х гг. отмечен выходом двух важнейших исследований, посвященных Здзеховскому, на что, возможно, повлияла популяризация его фигуры в предыдущую эпоху, а также новая политическая ситуация. В 1995 г. Базыли Бялокозович опубликовал переписку Здзеховского и Л.Н. Толстого⁷¹, снабдив ее обширными комментариями, в которых подробно охарактеризовал контекст их корреспонденции и условия формирования мировоззрения польского писателя. Этой монографии предшествовал ряд статей Бялокозовича, изданных еще в 1960-е гг., в которых уже была частично представлена переписка Здзеховского с Толстым⁷², а также с молодым Г.В. Чичериным⁷³. Книга Бялокозовича дала импульс его коллегам к дальнейшему изучению взаимоотношений Здзеховского с Толстым и русской интеллектуальной средой в целом.

В этом смысле особого внимания заслуживает вышедшая в 1996 г. книга Збигнева Опацкого «В пространстве Польши, России и славянства: мировоззрение

⁶⁹ *Zaczyński M.* Odkrywanie Zdziechowskiego // *Znak*. 1984. N 5/6. S. 775–784.

⁷⁰ *Skoczyński J.* Pesymizm filozoficzny Mariana Zdziechowskiego. Wrocław, 1983.

⁷¹ *Białokozowicz B.* Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj. Białystok, 1995. S. 313.

⁷² *Białokozowicz B.* Korespondencja Mariana Zdziechowskiego z Lwem Tołstojem // *Slavia Orientalis*. 1966. N 4. S. 435–452.

⁷³ *Białokozowicz B.* Listy Gieorgija Cziczierina do Mariana Zdziechowskiego // *Slavia Orientalis*. 1965. N 1. S. 101–115.

и общественно-политическая деятельность Мариана Здзеховского до 1914 года»»⁷⁴, которая вплоть до настоящего времени остается наиболее полным исследованием как жизни польского философа, так и его идейного наследия. Опацкий разделил монографию на пять глав, каждая из которых сочетает описание определенного этапа жизни Здзеховского с анализом одного из аспектов его деятельности или взглядов, что позволяет поместить биографию мыслителя в широкий культурный и политический контекст, опираясь на архивные материалы Польши, Беларуси и Литвы.

Продолжив изучение жизни и деятельности Здзеховского, в 2006 г. Опацкий выпустил книгу «Между универсализмом и партикуляризмом. Мировоззрение и общественно-политическая деятельность Мариана Здзеховского в 1914–1938 гг.». В ней историк обратился к событиям в Польше и обстоятельствам судьбы Здзеховского в период Первой мировой войны и межвоенного времени⁷⁵. Помимо монографий Опацкому принадлежат статьи, в которых он на основе архивных материалов детально анализирует отдельные эпизоды биографии ученого, в том числе его переписку с Б.Н. Чичериным и взаимоотношения с В. Ледницким⁷⁶, что позволило реконструировать не только интеллектуальную, но и личную историю его контактов с русской средой.

Импульс, заданный работами Бялокозовича и Опацкого, определил устойчивое внимание исследователей к Здзеховскому в XXI в.

В 2000–2010-е гг. рос интерес к Здзеховскому как к философу. В этом предметном поле продолжает работать Ян Скочиньский, выпустивший, в частности, в соавторстве с Артуром Вроньским биографию Здзеховского к 70-

⁷⁴ *Opacki Z.* W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny: myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego do 1914 roku. Gdańsk, 1996.

⁷⁵ *Opacki Z.* Między uniwersalizmem a partykularyzmem. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego w latach 1914–1938. Gdańsk, 2006.

⁷⁶ *Opacki Z.* Z archiwum Mariana Zdziechowskiego. List Borisa Cziczierina do Mariana Zdziechowskiego // Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 2002. S. 247–250; Опацкий З. Мариан Здзеховский – Вацлав Ледницкий. Из истории дружбы двух ученых (у истоков польской русистики) // *Rach Latina & Rach Orthodoxa*. Славистические исследования: история, культура, литература: В честь 80-летия со дня рождения Александра Владимировича Липатова. М., 2017. С. 187–206.

летию со дня его смерти⁷⁷. В этой работе авторы, опираясь на широкий круг источников, сумели обобщить предшествующие исследования и представили судьбу Здзеховского в контексте его эпохи.

Историк философии Лешек Гавор предложил оригинальную интерпретацию взглядов Здзеховского, характеризуя их как «катастрофизм»⁷⁸ – пессимистическую оценку современной цивилизации и кризиса европейской культуры. Гавор также рассматривал наследие Здзеховского в контексте общепольской философской традиции первой половины XX в., показывая, как его взгляды были связаны с идейными поисками других польских мыслителей⁷⁹. Кроме того, Гавор активно разрабатывает историю польского неомессианизма конца XIX – начала XX вв., определяя перспективы дальнейших исследований.⁸⁰

Литературоведческий и философский аспекты творчества Здзеховского анализировали Якуб Пыда⁸¹, Станислав Галковский⁸² и Павел Поляк⁸³. Пыда сосредоточился на рецепции Здзеховским творчества Красиньского, показав, как философские искания польского мыслителя влияли на его интерпретацию романтического наследия. Поляк, в свою очередь, рассмотрел интеллектуальную деятельность Здзеховского именно в период его пребывания в Кракове. Роль Здзеховского в русско-польских контактах изучали Йоанна Пиотровская⁸⁴, Анна

⁷⁷ Wroński A., Skoczyński J. Marian Zdzichowski 1861–1938: w 70 rocznicę śmierci. Kraków, 2009.

⁷⁸ Gawor L. Katastrofizm konsekwentny. O poglądach Mariana Zdzichowskiego i Stanisława Ignacego Witkiewicza, Lublin, 1998.

⁷⁹ Gawor L. Polska myśl historyzoficzna I połowy XX wieku: Analiza wybranych poglądów. Rzeszów, 2005.

⁸⁰ Gawor L. Galician neomessianism // Galicja. Studia i materiały. Rzeszów. 2019. N. 5. S. 13–39.

⁸¹ Pyda J. Marian Zdzichowski jako czytelnik twórczości Zygmunta Krasińskiego. O filozoficznych uwikłaniach dziejów recepcji // Tekstualia. 2017. N 3 (50). S. 85–100.

⁸² Gałkowski S. „Pesymizm jako siła twórcza”. Idee wychowawcze Mariana Zdzichowskiego // Polska Myśl Pedagogiczna. 2022. N 8. S. 193–207.

⁸³ Polak P. The historical and philosophical context of Marian Zdzichowski's intellectual activities in Krakow // Studies in East European Thought. 2025.

⁸⁴ Piotrowska J. Marian Zdzichowski and Leo Tolstoy: on true Christianity and Polish patriotism // Studies in East European Thought. 2024.

Разьны⁸⁵, Витольд Василевский⁸⁶ и Генрик Папроцкий⁸⁷. Отношение Здзеховского к украинскому вопросу было подробно представлено в трудах Мариана Зачиньского⁸⁸ и Ольги Ких-Маслей⁸⁹. Здзеховский как представитель католического модернизма рассматривается в работах Магдалены Гавлик⁹⁰ и Михала Рогальского⁹¹. Монография Рогальского 2018 г. является первым развернутым исследованием католического модернизма в Польше, а центральным героем его книги стал именно Здзеховский.

Среди современных польских ученых отдельного упоминания достойна краковская исследовательница Тереза Оболевич, изучающая отношения между польской и русской интеллектуальной средой первой половины XX в., в которых Здзеховский играл важнейшую роль⁹². Одной из крупных заслуг Оболевич было издание вместе с Г.Е. Аляевым переписки Здзеховского с Е.Н. Трубецким⁹³, которая было также снабжена обширными комментариями, проливавшими свет на перипетии взаимоотношений Здзеховского с русским обществом в 1900–1910-е гг. Как показали Аляев и Оболевич, переписка является уникальным документом, фиксирующим драматическую эволюцию взглядов Здзеховского – от надежд на «земскую Россию» как союзника в решении польского вопроса к осознанию

⁸⁵ *Разьны А.* Россия в глазах Мариана Здзеховского // *Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание* / Сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. М., 2000. С. 155–161.

⁸⁶ *Wasilewski W.* Marian Zdziechowski wobec myśli rosyjskiej XIX i XX wieku. Warszawa, 2005.

⁸⁷ *Paprocki H.* Marian Zdziechowski i rosyjski renesans religijny // *Karto-Teka Gdańska*. 2020. N 1(6). S. 49–58.

⁸⁸ *Zaczyński M.* Trudne drogi porozumienia polsko-ukraińskiego. Marian Zdziechowski i sprawy ukraińskie // *Poszukiwanie realności. Literatura – dokumenty – kresy*, red. S. Gawliński i W. Ligęza. Kraków, 2009. S. 75–88.

⁸⁹ *Kich-Maslej O.* Ukraine from the perspective of Cracow at the turn of the nineteenth and twentieth centuries and the activities of Marian Zdziechowski in the field of ukrainian studies // *Politeja*. 2008. N 10/1. P. 143–164.

⁹⁰ *Gawlik M.* Marian Zdziechowski (1861–1938) wobec modernizmu katolickiego // *Roczniki Teologiczne*. 2007. T. LIII–LIV. N 7. S. 165–176.

⁹¹ *Rogalski M.* Producenti margaryny? Marian Zdziechowski i polski modernizm katolicki. Kraków, 2018.

⁹² *Оболевич Т.* Польские философы и Петербург: Фома Парчевский и другие // *Соловьевские исследования*. 2015. Вып. 2(46). С. 130–158.

⁹³ *Аляев Г.Е. Оболевич Т.* «С польским вопросом мы, русские, вообще недостаточно знакомы...». Евгений Трубецкой и Мариан Здзеховский. Зелена Гура, 2025.

фатальной несовместимости польских национальных интересов с российской имперской логикой.

В отличие от многочисленных трудов о Здзеховском, историография о Феликсе Конечном долгое время была сосредоточена лишь на его философском наследии 1920–1930-х гг. – прежде всего на его цивилизационной теории, – в то время как его ранняя публицистика и патриотическая деятельность в «Славянском клубе» оставались на периферии научного внимания. Между тем именно этот период представляет наибольший интерес для изучения патриотической идеи в интеллектуальной среде Кракова.

Среди первых исследователей цивилизационной теории Конечного были его ученики – Антон Хилькман и Енджей Гиртыч, которые в 1962 г. издали английский перевод его главного труда «О множестве цивилизаций» (*On the Plurality of Civilisations*)⁹⁴, чем заложили основу для знакомства западной академической аудитории с его идеями. Хилькман и Гиртыч воспринимали Конечного прежде всего как оригинального теоретика цивилизаций. В польской эмигрантской среде в 1970-е гг. их деятельность способствовала всплеску интереса к наследию Конечного. Гиртыч основал «Общество имени Романа Дмовского», которое публиковало труды Конечного⁹⁵. В 1970 г. в лондонском еженедельнике «Ведомости» (*Wiadomości*) вышла статья Ежи Брауна «Феликс Конечный – создатель науки о цивилизациях» (*Feliks Konieczny, twórca nauki o cywilizacji*)⁹⁶, носившая апологетический характер.

В Польской Народной Республике исследования биографии и творчества Конечного практически не публиковались, что было обусловлено политическими условиями⁹⁷.

⁹⁴ *Koneczny F. On the plurality of civilisations. London, 1962.*

⁹⁵ См. например: *Koneczny F. O ład w historii. Z dodatkami o twórczości i wpływie Feliksa Koniecznego. Londyn, 1977.*

⁹⁶ *Braun J. Feliks Konieczny, twórca nauki o cywilizacji // Wiadomości. 1970. T. 25. N 10. S. 3.*

⁹⁷ Одним из немногих исключений являлась статья К. Куровской. *Kurowska K. Feliksa Koniecznego nauka o wielości cywilizacji // Przegląd Humanistyczny. 1978. T. 22. N 7-8. S. 75–90.*

С 1990-х гг. в посткоммунистической Польше фигура Конечного стала вызывать интерес как специалистов, так и в широких кругах польского общества, о чем говорит, например, современное переиздание написанной им еще в 1900-х гг. книги «История для молодежи»⁹⁸. Идейное наследие Конечного было предметом изучения историков и философов⁹⁹.

К мировоззрению Конечного в своих работах не раз обращались авторы, занимавшиеся вместе с тем изучением наследия Здзеховского. В этом смысле стоит отметить труды Лешека Гавора¹⁰⁰ и Яна Скочиньского¹⁰¹.

К жизни и творчеству Конечного, пожалуй, чаще других обращается историк Петр Билиньский¹⁰². Он автор нескольких статей, касающихся академической карьеры Конечного и его деятельности в 1880–1900-е гг.

С 2022 г. в Кракове ежегодно проводится конференция «Жизнь и мировоззрение Феликса Конечного», в которой принимают участие философы и историки, однако доклады посвящены в основном цивилизационной теории польского ученого. Эти конференции организовываются Фондом Ежеквартального журнала «Отверженные» («Wyklęci»), при котором также был создан Центр патриотического воспитания им. профессора Феликса Конечного¹⁰³. Кроме того, как отмечает Ярослав Томашевич, его цивилизационная теория, согласно которой Польша принадлежала к латинской цивилизации с католицизмом как

⁹⁸ *Koneczny F.* Dzieje Polski opowiedziane dla młodzieży. Kraków, 2024.

⁹⁹ *Bukowska S.* Feliks Koneczny – indukcyjna nauka o cywilizacji a prawa Dziejowe // *Folia Philosophica*. 1991. N 8. S. 201–215; Janusz K. Konfrontacje Rosja – Zachód. Wokół myśli Feliksa Konecznego. Komorówi, 1997; Polak R. Dzieje Polski w ujęciu Feliksa Konecznego na podstawie jego syntez historycznych // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. 2013. T. 9. S. 303–321.

¹⁰⁰ *Gawor L.* O Wielości Cywilizacji Filozofia Społeczna F. Konecznego. Lublin, 2002.

¹⁰¹ *Skoczyński J.* Koneczny: teoria cywilizacji. Warszawa, 2003.

¹⁰² *Biliński P.* Feliks Koneczny (1862–1949) – szkic biograficzny // *Arcana*. 2000. N 3. S. 187–212; *Idem.* Feliks Koneczny jako badacz dziejów Rosji i Europy Wschodniej // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2003. N 38. S. 227–246.

¹⁰³ URL: <https://kwartalnikwykleci.pl/otwarcie-nowej-siedziby-fundacji-kwartalnika-wykleci-oraz-inauguracja-dzialan-centrum-edukacji-patriotycznej-im-prof-feliksa-konecznego-w-krakowie/> (дата обращения: 10.09.2026).

основополагающим элементом, стала важной составной частью идеологии правых неозндецких группировок¹⁰⁴.

Хотя деятельность Конечного накануне Первой Мировой войны оставалась на периферии научных изысканий, значительный интерес к его личности побуждал авторов обращаться ко времени работы Конечного на посту главного редактора «Славянского мира»¹⁰⁵. И тем не менее, справедливо будет сказать, что патриотическая деятельность Конечного в 1900–1910-е гг., его взгляды на идею славянской взаимности и публицистика, связанная с журналом «Славянский мир», остаются недостаточно изученными.

Институциональные формы краковского славянофильства – «Славянский клуб», журнал «Славянский мир» и «Славянское общество» – изучены фрагментарно. Комплексных работ, рассматривающих все три структуры в их взаимосвязи и эволюции, в историографии до сих пор нет.

В польских исторических исследованиях «Славянский клуб» кратко упоминался еще в межвоенный период – в монографии Вильгельма Фельдмана «История польской политической мысли 1864–1914», где цель данного объединения ограничивалась автором культурными контактами¹⁰⁶.

В период ПНР ученые обращались к краковским славянофилам эпизодически. Ева Славенцка в своей статье проанализировала место русской культуры в деятельности «Славянского клуба», показав, что интерес к России был одним из важных, хотя и не единственным, направлением работы объединения¹⁰⁷. В 1974 г. историк Барбара Ярошевич-Кляйндиенст, занимавшаяся изучением польско-чешских контактов, опубликовала статью о деятельности «Славянского общества»

¹⁰⁴ *Tomasiewicz J.* Ugrupowania neoendeckie Trzeciej Rzeczypospolitej (1989–1997) // *Dzieje najnowsze*. 2003. T. 35. N 3. S. 122–123.

¹⁰⁵ *Nadolski Ł.* Wątki historyczne w publicystyce Feliksa Konecznego, na łamach ‘Świata Słowiańskiego’ // *Feliks Koneczny dzisiaj*. Kraków, 2000. S. 59–63; *Biliński P.* Feliks Koneczny a “Świat Słowiański” // *Slovanství a věda v 19 a 20 století. Práce z Archivu Akademie věd ČR*. Praha, 2005. S. 15–39; *Ćuk A.* Idea słowiańska w ujęciu Feliksa Konecznego // *Studia z Filozofii Polskiej*. 2009. T. 4. S. 261–275.

¹⁰⁶ *Feldman W.* Dzieje polskiej myśli politycznej. 1864–1914. Warszawa, 1933. S. 327.

¹⁰⁷ *Sławęcka E.* Literatura i kultura rosyjska w działalności krakowskiego Klubu Słowiańskiego (1901–1914) // *Slavia Orientalis*. 1971. N 3. S. 281–298.

в Кракове¹⁰⁸. Наиболее основательной попыткой проанализировать идейное содержание и общественно-политический облик журнала «Славянский мир» остается статья¹⁰⁹ Ежи Кохана 1979 г. Автор поставил перед собой цель наполнить конкретным содержанием понятие «польское славянофильство» и, несмотря на характерную для своего времени марксистскую методологию, которая предопределила характеристику взглядов краковских сторонников славянской взаимности как «консервативных» и «феодално-буржуазных», Кохан предложил одну из первых развернутых трактовок польского славянофильства как идейного явления. Именно поэтому его работа остается важнейшим ориентиром для последующих исследований по данной теме.

В современной Польше изучение деятельности краковских славянофилов также ограничивается отдельными сюжетами. Ежи Ружевиц и Анна Груца в своих работах сосредоточились на «Славянском обществе» (1912–1939), проанализировав его издательскую и популяризаторскую деятельность¹¹⁰. Дорота Казьмерчак в статье 2002 г. обратилась к ранней истории «Славянского клуба», определив его генезис и основные задачи¹¹¹. Другие исследователи анализировали отдельные тематические направления на страницах «Славянского мира»: Александр Чук и Томаш Яцек Лис – южнославянскую проблематику¹¹², Ярослав

¹⁰⁸ Jaroszewicz-Kleindienst B. Towarzystwo Słowiańskie w Krakowie. Zarys działalności // Pamiętnik Słowiański. 1974. T. 24. S. 151–170.

¹⁰⁹ Kochan J. Oblicze ideowo-polityczne «Świata Słowiańskiego» // Kwartalnik Historii Prasy Polskiej 18. 1979. N 2. S. 41–62.

¹¹⁰ Różewicz J. Towarzystwo Słowiańskie w Krakowie // Towarzystwa naukowe i upowszechniające naukę działające w przeszłości na ziemiach polskich. T. 2. Cz. 1 / red. nauk. B. Sordylowa. Wrocław – Warszawa, 1990. S. 231–237; Gruca A. Towarzystwo Słowiańskie (1912–1939) w Krakowie, jego działalność wydawnicza i popularyzatorska w zakresie literatur słowiańskich // Książka, biblioteka, informacja. Między podziałami a wspólnotą / pod red. J. Dzieniakowskiej. Kielce, 2007. S. 91–99.

¹¹¹ Казьмерчак Д. Слов'янський Клуб у Кракові: генеза, мета і засади // Проблеми слов'янознавства. 2002. Вип. 52. С. 40–46.

¹¹² Čuk A. Słowiańszczyzna południowa na przełomie wieków XIX i XX z perspektywy Klubu Słowiańskiego // Galicja. Studia i materiały. 2019. N. 5. S. 57–68; Lis T. J. Polish-Croatian relations in the context of the activities of the Krakow Slavic Society at the beginning of the twentieth century // Studia lexicographica. 2024. Vol. 18. N 34. P. 83–99.

Рубаха – болгарскую¹¹³. Эти работы важны как первый шаг к изучению конкретных сюжетов, но остаются фрагментарными и не дают целостной картины.

Отдельного упоминания заслуживают исследования Ежи Мыслиньского, чьи монографии и глава в «Истории польской прессы» 1976 г. остаются основным источником знаний по истории галицийской прессы¹¹⁴. Системный подход Мыслиньского, рассматривавшего прессу как социальный и культурный институт, позволил охватить типологию, географию, политический контекст и читательскую аудиторию галицийских изданий.

Материалы «Славянского мира» являлись важным источником в двух фундаментальных работах Антони Гизы о польско-чешских отношениях в XIX – начале XX вв.¹¹⁵ и участии поляков в неославистском движении¹¹⁶. В его исследованиях «Славянский мир» предстает как источник для анализа польского взгляда на славянскую взаимность, что особенно ценно для понимания патриотической идеи краковских славянофилов.

К изучению наследия краковских славянофилов обращались ученые, занимавшиеся философией Здзеховского и Конечного, например, Лешек Гавор одну из своих статей посвятил содержанию «Славянского мира»¹¹⁷.

В российской историографии явление краковского славянофильства изучено достаточно слабо. В более широком контексте русско-польских культурных связей фигура Здзеховского рассматривается в работах В.А. Хорева и Л.С. Лыкошиной¹¹⁸. Однако наиболее весомый вклад в изучение его наследия внесла В.М. Дианова,

¹¹³ *Rubacha J.* Tematyka bułgarska w działalności naukowej słowianofilów krakowskich (1901-1914) // *Bułgarystyka: tradycje i przyszłość*. 2020. S. 251–266.

¹¹⁴ *Myśliński J.* Studia nad polską prasą społeczno-polityczną w zachodniej Galicji 1905–1914. Warszawa, 1970; *Idem.* Prasa w Galicji w dobie autonomicznej 1867–1918 // *Prasa polska w latach 1864–1918* / pod red. J. Łojka. Warszawa, 1976. S. 213–329.

¹¹⁵ *Giza A.* Stosunki polsko-czeskie, 1795–1920. Szczecin, 1995.

¹¹⁶ *Giza A.* Neoslawizm i Polacy. 1906–1910. Szczecin, 1984.

¹¹⁷ *Gawor L.* Świat Słowiański [1905–1914] // *Sofia*, 2004. N 4. S. 342–347.

¹¹⁸ *Хорев В.А.* Россия и русская литература в польском сознании // *Россия и русский человек в восприятии славянских народов* / отв. ред. А.В. Липатов, Ю.А. Созина. М., 2014. С. 69–83; *Лыкошина Л.С.* Образ России в польской общественной мысли // *Современная Россия в оценках восточноевропейцев*. 2009. С. 8–43.

которой принадлежит ряд работ о биографии и мировоззрении мыслителя¹¹⁹. Она же в соавторстве с Я.Г. Скочиньским написала единственную в российской науке статью¹²⁰ о научно-просветительской деятельности «Славянского клуба» в 1901–1912 гг., а также обращалась к наследию Феликса Конечного – правда, как и польские коллеги, преимущественно к его цивилизационной теории межвоенного периода¹²¹. Значительный вклад в изучение связей Здзеховского с русской религиозной средой вносит И.В. Воронцова, специалист по истории движения за церковное обновление в России начала XX в., которая пишет о католическом модернизме польского мыслителя и его контактах с русскими религиозными философами¹²².

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на значительное число работ, посвященных отдельным представителям (Здзеховскому, Конечному), институциям краковских славянофилов («Славянский клуб», «Славянский мир»,

¹¹⁹ Дианова В.М., Скочиньский Я. Г. Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 82–92; Дианова В. М. Пограничье в судьбе и творчестве Мариана Здзеховского // Русский логос – 2: Модерн – границы контроля. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2019 г. СПб., 2019. С. 689–690; Dianova V.M., Rybas A.E. Interethnic Relations in Russian Publicism by M.E.Zdziechowski // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 436–444.

¹²⁰ Дианова В. М., Скочиньский Я. Г. «Славянский клуб» в Кракове: научно-просветительская деятельность в 1901–1912 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. Т. 36. Вып. 4. 2020. С. 709–720.

¹²¹ Дианова В.М. Теория цивилизация Феликса Конечного: своеобразие и смысловые параллели // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2015. № 1(6). С. 154–164.

¹²² Воронцова И. В. «Неокатолик» М.Э. Здзеховский и Л.Н. Толстой: история знакомства и эволюция отношения М. Э. Здзеховского к «христианскому анархизму» Л.Н. Толстого // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 114. С. 66–82; Ее же. «Мы живем на повороте мировой истории...»: Вопросы христианского модернизма в переписке «неохристиан» и «неокатолика» М.Э. Здзеховского // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 2 (39). С. 35–47; Ее же. Статья «неокатолика» М.Э. Здзеховского «Модернистское движение в Р.-К. Церкви» как источник по римо-католическому модернизму: опыт критического анализа // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 140–153; «Между нами не может быть ни малейшего спора...»: Письма С.Н. Булгакова М.Э. Здзеховскому о необходимости церковного обновления / публ. и предисл. И.В. Воронцовой // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 101–111; Ее же. Церковный модернист профессор М.Э. Здзеховский и его апология христианской веры. По материалам сочинений и корреспонденции 1890–1908 годов // Вопросы теологии. 2025. № 2. С. 304–322; Ее же. Польский модернизм, которого «не было»: особенности, направления, участники // Российский журнал истории церкви. 2025. № 6(1). С. 51–61.

«Славянское общество») и конкретным сюжетам (русско-польские связи, католический модернизм, польско-чешские отношения), целостного исследования, в котором бы анализировалась сущность патриотической идеи как ключевой категории, связывающей творчество и деятельность краковских интеллектуалов, до сих пор не предпринималось.

Объектом исследования выступает польская общественная мысль конца XIX – начала XX вв., а **предметом изучения** – патриотическая идея в интеллектуальной среде Кракова в конце XIX – начале XX вв.

Цель диссертации – реконструировать модель польского патриотизма, выработанную галицийскими интеллектуалами в конце XIX – начале XX вв.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- выявить истоки польской патриотической идеологии в среде краковских славянофилов;
- реконструировать патриотическую концепцию Мариана Здзеховского, неотъемлемой частью которой являлась христианская этика;
- проанализировать направления деятельности Мариана Здзеховского, ориентированной на поиск русско-польского «согласия» и укрепление контактов поляков с другими славянскими народами;
- показать особенности интерпретации Феликсом Конечным идеи славянской взаимности как защиты польских национальных интересов;
- раскрыть суть концепции «польского славянофильства» Феликса Конечного;
- исследовать проявление концепции «польского славянофильства» Феликса Конечного в его публицистике, посвященной польско-чешским отношениям и русинскому вопросу в Галиции;
- обосновать основные этапы деятельности «Славянского клуба» и «Славянского общества», оценить публицистическую активность журнала «Славянский мир» с точки зрения формирования и трансляции польской патриотической идеи;

– рассмотреть роль исторической аргументации в публицистике «Славянского мира» с точки зрения легитимации славянской идеи как составной части польского патриотизма.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1880-х гг. по 1914 г. Нижней хронологической границей можно считать 1887 г. – выход труда М. Здзеховского «Очерки из психологии славянского племени». Верхняя граница – 1914 г., начало Первой мировой войны, которая привела к прекращению деятельности краковского «Славянского клуба» и его журнала «Славянский мир», а также к кардинальному изменению политической конъюнктуры, в условиях которой формировались взгляды краковских славянофилов.

Территориальные рамки исследования включают, прежде всего, Галицию и город Краков как место проживания основных рассматриваемых представителей польской интеллектуальной среды, а также отчасти прочие земли Австро-Венгерской монархии (в контексте взаимодействия краковских интеллектуалов с другими славянскими народами) и Российскую империю (как место формирования мировоззрения Мариана Здзеховского).

Методологическая основа диссертации. Исследование выполнено на стыке интеллектуальной истории, истории общественной мысли и политической истории. Работа опирается на принципы историзма, предполагающие рассмотрение эволюции идеологии представителей краковских славянофилов в контексте конкретно-исторических условий Галиции на рубеже XIX–XX вв.

Историко-генетический метод позволяет проследить формирование и изменение взглядов каждого из мыслителей на трактовку польского патриотизма.

Сравнительно-исторический метод используется при сопоставления позиций Здзеховского и Конечного в отношении к Российской империи, германской экспансии, концепции славянской взаимности.

Биографический метод необходим для выявления взаимосвязи идейных поисков с обстоятельствами личной жизни краковских деятелей.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней впервые в отечественной историографии польская патриотическая идея рубежа XIX–XX вв.

рассматривается как предмет коллективного осмысления в конкретной интеллектуальной среде. Анализ патриотической идеи через призму взглядов и деятельности краковских славянофилов является во многом новым и для польской историографии, где история «Славянского клуба» и его печатного органа изучались преимущественно фрагментарно. В этом контексте выявлено своеобразие краковского варианта польской патриотической идеологии, соединявшего религиозно-философскую традицию (Мариан Здзеховский) и политический прагматизм (Феликс Конечный). Показана эволюция патриотических концепций в творчестве обоих мыслителей: от надежд на культурное посредничество и русско-польское примирение к разочарованию в российской политике и переориентации на Австро-Венгрию. Впервые реконструирована институциональная история краковских славянофилов («Славянский клуб», журнал «Славянский мир», «Славянское общество»).

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что ее заключения позволяют расширить представления об истории и типологии польской национальной идеологии, неомессианизме и трактовке идеи славянской взаимности в польской общественной мысли в конце XIX – начале XX вв.

Выводы диссертации имеют **практическую значимость** и могут быть использованы: при подготовке обобщающих трудов по истории польской общественной мысли, истории русско-польских отношений и истории славяноведения; в учебных курсах по истории Центральной и Восточной Европы, истории национальных движений, истории славянской идеи; для дальнейшего изучения интеллектуальной среды Кракова и сравнительного анализа польского и русского славянофильства.

Основу **источниковой базы** исследования составляют опубликованные повествовательные (нарративные) источники, которые можно разделить на четыре группы. Первую группу составляют научные и научно-популярные трактаты, книги, а также эссе; вторая группа представлена периодической печатью; третья и четвертая относятся к источникам личного происхождения, однако их разделение обусловлено разными исследовательскими задачами: эпистолярное наследие

(третья группа) позволяет проследить эволюцию взглядов авторов в процессе их интеллектуальной коммуникации, зафиксировать полемику и неформальные оценки, которые не попадали на страницы печатных трудов; мемуары (четвертая группа), напротив, дают возможность реконструировать общий контекст интеллектуальной среды Кракова, атмосферу и ключевые события, уже осмысленные авторами постфактум.

1. Научные и научно-популярные труды и эссеистика.

Мариан Здзеховский оставил после себя обширное творческое наследие, на основе которого можно реконструировать его общественно-политические и патриотические взгляды.

К трудам, в которых Здзеховский формулировал и развивал свои концепции, можно отнести несколько работ. В 1887 г. на русском языке была опубликована книга Здзеховского «Очерки из психологии славянского племени. Славянофилы»¹²³, спустя год в Кракове вышло польское издание этой работы под названием «Мессианисты и славянофилы. Очерки из психологии славянских народов» (*Mesjanisci i słowianofile. Szkice z psychologii narodów słowiańskich*)¹²⁴, которое было более обширным, нежели русскоязычный вариант. Этот труд важен для понимания раннего этапа эволюции формирования патриотической концепции Здзеховского, в нем он формулирует понятие «мистический патриотизм», рассматривая его как общеславянское явление. Спустя более 20 лет, в 1912 г., в Кракове вышла вторая книга Здзеховского на ту же тему – «Основы мессианизма. Новые очерки из психологии славянских народов» (*U opoki mesjanizmu. Nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich*)¹²⁵.

В 1896 г. в Лейпциге была опубликована брошюра «Религиозно-политические идеалы польского общества»¹²⁶, содержащая предисловие Л.Н. Толстого. Данная

¹²³ Урсин М. Очерки из психологии славянского племени. Славянофилы. СПб., 1887.

¹²⁴ Zdziechowski M. Mesjanisci i słowianofile : szkice z psychologii narodów słowiańskich. Kraków, 1888.

¹²⁵ Zdziechowski M. U opoki mesyanizmu : nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich. Lwów, 1912.

¹²⁶ Урсин М. Религиозно-политические идеалы польского общества. Лейпциг, 1896.

брошюра является важнейшим источником для понимания патриотической концепции Здзеховского. В ней он не только выделял три этапа в эволюции польского патриотизма, но и вступал в полемику с Л.Н. Толстым, что позволяет увидеть, как Здзеховский отстаивал совместимость патриотизма с христианской этикой. Кроме того, предисловие Толстого, включенное в лейпцигское издание, делает этот источник уникальным свидетельством русско-польского интеллектуального диалога. «Очерки из психологии славянского племени» и «Религиозно-политические идеалы» были изданы Здзеховским и получили известность под псевдонимом М. Урсин.

В 1900 г. в Варшаве было опубликовано собрание очерков Здзеховского о литературе и религии¹²⁷, содержащее критику позитивизма и оценку современных автору направлений в европейской культуре.

В брошюре «О польском религиозном сознании» (1915)¹²⁸, написанной на русском языке в разгар Первой мировой войны, Здзеховский развил тезисы, заложенные в «Религиозно-политических идеалах», но с учетом изменившейся политической конъюнктуры. Если в 1896 г. он стремился убедить русскую публику в совместимости польского патриотизма с христианской этикой, то теперь его аргументация приобрела более острый характер, он прямо связывал будущее Польши с религиозным обновлением, обращаясь к русскому читателю как к потенциальному союзнику в этом процессе.

В период до 1915 г. вышли еще несколько трудов Здзеховского, которые также существенны для понимания его взглядов. Двухтомник «Байрон и его время. Сравнительно-литературные исследования» (*Byron i jego wiek. Studia porównawczo-literackie*)¹²⁹ вышел в 1894 и 1897 гг. и являлся результатом исследований Здзеховского по теме романтизма в европейской и прежде всего славянских литературах, которой он занимался в краковский период жизни. Исследование

¹²⁷ Zdziechowski M. Szkice literackie. Warszawa, 1900.

¹²⁸ Здзеховский М. О польском религиозном сознании. М., 1915.

¹²⁹ Zdziechowski M. Byron i jego wiek: studia porównawczo-literackie. T. 1. Europa Zachodnia. Kraków, 1894; Idem. Byron i jego wiek: studia porównawczo-literackie. T. 2. Czechy, Rosya, Polska. Kraków, 1897.

польского романтизма было продолжено Здзеховским в труде «Взгляды Красиньского» (*Wizja Krasińskiego*)¹³⁰ (1912).

В 1902 г. была опубликована книга «Возрождение Хорватии в XIX в.» (*Odrodzenie Chorwacyi w wieku XIX*), раскрывавшая интерес и симпатию Здзеховского к хорватскому народу и южным славянам в целом¹³¹.

В брошюре 1915 г., посвященной Зыгмунту Милковскому (*Zygmunt Miłkowski (T. T. Jeż) a idea słowiańska w Polsce*)¹³², Здзеховский обратился к биографии деятеля, с которым был лично знаком еще с 1880-х гг. и которого высоко ценил как «неутомимого борца за независимую и демократичную Польшу». Обращение к наследию Милковского позволило Здзеховскому показать, что славянская идея не была чужда польской эмиграции и могла сочетаться с практической деятельностью по восстановлению польской государственности.

В труде 1899 г. «Политическая этика в России» (*Etyka polityczna w Rosyi*)¹³³, написанном под псевдонимом «Владислав Каровский», Здзеховский предпринял анализ идей ключевых фигур русской общественной мысли – М.Н. Каткова, И.С. Аксакова и Б.Н. Чичерина. Противопоставляя Каткова и Аксакова, ответственных, по его мнению, за антипольскую политику, – Чичерину, в котором он видел образец нравственного подхода к польскому вопросу, Здзеховский стремился показать полякам неоднородность русского общества и наличие в нем сил, с которыми можно вести диалог.

Аналогичные вопросы поднимались автором в работе «Русское влияние на польскую душу» (*Wpływy rosyjskie na duszę polską*)¹³⁴, которая носила более личный характер. В ней Здзеховский обратился к собственным воспоминаниям, чтобы показать, как русская культура не смогла поколебать его польской идентичности.

¹³⁰ *Zdziechowski M. Wizja Krasińskiego: ze studiów nad literaturą i filozofią polską. Kraków, Warszawa, 1912.*

¹³¹ *Zdziechowski M. Odrodzenie Chorwacyi w wieku XIX: illiryzm. Stanko Vraz. Iwan Mažuranič. Piotr Preredović. Kraków, 1902.*

¹³² *Zdziechowski M. Zygmunt Miłkowski (T. T. Jeż) a idea słowiańska w Polsce. Piotrogród, 1915.*

¹³³ *Karowski W. Etyka polityczna w Rosyi. Kraków, 1899.*

¹³⁴ *Zdziechowski M. Wpływy rosyjskie na duszę polską. Kraków, 1913.*

После войны он переработал брошюру в полноценную книгу ¹³⁵, что свидетельствовало о сохранявшейся для него актуальности этой темы.

Поскольку для Здзеховского христианство и патриотизм были неразрывно связаны, особое значение для понимания его патриотической концепции имеют его работы по религиозной тематике. В брошюре 1905 г. «Возбудитель чумы. К вопросу о современных направлениях католической философии» (*Pestis perniciosissima. Rzecz o współczesnych kierunkach myśli katolickiej*)¹³⁶ он выступил в поддержку либерального направления в католицизме, полемизируя с консервативными действиями традиционного костела. Эти идеи были развиты в двухтомнике «Пессимизм, романтизм и основы христианства» (*Pesymizm, romantyzm a podstawy chrześcijaństwa*)¹³⁷ (1915)

Для понимания того, как Конечный выстраивал свою историческую аргументацию в пользу «польского славянофильства», необходимо обратиться к его историческим трудам. В «Истории Силезии» (*Dzieje Śląska*, 1897)¹³⁸, «Истории Польши во времена Пястов» (*Dzieje Polskiza Piastów*, 1902)¹³⁹ и «Истории Польши во времена Ягеллонов» (*Dzieje Polski za Jagiellonów*, 1903)¹⁴⁰ он подробно обосновал тезисы и аргументы, которые затем использовал в публицистике на страницах «Славянского мира».

2. *Периодическая печать* занимает особое место в источниковой базе исследования, поскольку именно на страницах журналов патриотическая идея не просто излагалась авторами, но и становилась предметом коллективного обсуждения, полемики и пропаганды.

Наиболее важным в рамках исследования источником данной группы является журнал «Славянский мир» (*Świat Słowiański*), издававшийся в 1905–1914 гг.

¹³⁵ Zdziechowski M. Wpływy rosyjskie na duszę polską. Kraków, 1920.

¹³⁶ Zdziechowski M. Pestis perniciosissima: rzecz o współczesnych kierunkach myśli katolickiej. Warszawa, 1905.

¹³⁷ Zdziechowski M. Pesymizm, romantyzm a podstawy chrześcijaństwa. T. 1. Kraków, 1915; Idem. Pesymizm, romantyzm a podstawy chrześcijaństwa. T. 2. Kraków, 1915.

¹³⁸ Koneczny F. Dzieje Śląska. Bytom, 1897.

¹³⁹ Koneczny F. Dzieje Polski za Piastów. Kraków, 1902.

¹⁴⁰ Koneczny F. Dzieje Polski za Jagiellonów. Kralów, 1903.

Исключение составляет последний, «дополнительный» выпуск за 1914 г., который вышел только в 1916 г. и содержал материалы, связанные с событиями Первой мировой войны, в частности некролог Эдмунда Колодзейчика (1888–1915), погибшего в мае 1915 г. Таким образом, этот номер не был просто задержанным изданием, а представлял собой осмысленное дополнение, отразившее новые реалии.

«Славянский мир» имел подзаголовок, отражавший его содержание: «Ежемесячный журнал, посвященный славяноведению и обзору славянских дел с польской точки зрения». Журнал не имел постоянного издателя, так в разное время его выпускали: издательство В.Л. Анчица и Спупки, издательство В. Корнецкого и К. Войнара, литературное издательство в Кракове.

Журнал содержит информацию о «Славянском клубе» в Кракове, о его ранней истории периода 1901–1904 гг., а также отчеты о его заседаниях. В журнале публиковались заметки и статьи многих представителей «Клуба», среди которых были Мариан Здзеховский и главный редактор журнала Феликс Конечный, а также сторонние авторы.

«Славянский мир» выполнял функцию главного, программного печатного органа краковских славянофилов. На его страницах концепция польского патриотизма и идеи славянской взаимности являлись предметом коллективного обсуждения, согласования и пропаганды.

Журнал позволяет проследить эволюцию взглядов отдельных авторов этого времени (1905–1914), а также изменение позиции краковских сторонников славянской взаимности в целом. Кроме того, на его страницах нашли свое отражение полемика, которую вели польские славянофилы со своими оппонентами, и их непосредственная реакция на текущие политические события: Русская революция 1905–1907 гг., Боснийский кризис 1908–1909 гг., Балканские войны, внутриполитические процессы в Австро-Венгрии и др.

Данное периодическое издание стало «площадкой», где историк и главный редактор журнала Феликс Конечный стремился сформулировать польский взгляд на идею славянской взаимности, именовавшийся им «польским славянофильством» или «славянофильством без уступок».

Помимо «Славянского мира» как основного источника, необходимо упомянуть и другие использовавшиеся нами периодические издания.

Важным дополнением к польскому журналу стала российская периодика, на страницах которой Здзеховский публиковал свои статьи, адресованные российской аудитории. В 1895 г. в «Северном вестнике» вышла его программная статья «Религиозно-политические идеалы польского общества» (под псевдонимом Урсин). Наиболее интенсивным было его сотрудничество с «Московским еженедельником» (1906–1910) под редакцией Е.Н. Трубецкого, где он выступал главным корреспондентом по польским делам: на его страницах Здзеховский излагал свое видение польской патриотической идеи, комментировал революционные события и русинский вопрос. Перелом в его настроениях – от надежд на диалог к разочарованию – зафиксирован в статьях, опубликованных в журнале «Новое звено» (1913–1914). Кроме того, для реконструкции раннего этапа деятельности «Славянского клуба» привлекался панславистский «Славянский век» (1901–1904), содержащий информацию о первых годах работы объединения.

О вовлеченности Здзеховского в более широкое славянское интеллектуальное пространство свидетельствуют его публикации в чешском журнале «Новы живот» (*Nový život*) и словенском «Час» (*Čas*). В первом он выступал как сторонник католического модернизма, во втором – как публицист, освещавший русско-польские отношения. Эти издания, ориентированные на разные славянские аудитории, показывают, что Здзеховский стремился донести свои идеи до читателей-славян за пределами Галиции и России, сознательно используя славянскую периодику как инструмент для распространения своих взглядов.

3. *Эпистолярное наследие* составляет третью группу источников, использованных в диссертации. Переписка Здзеховского и Конечного с их русскими и славянскими корреспондентами служит прямым свидетельством их личных связей, а также позволяет проследить, как патриотическая идея становилась предметом живого интеллектуального обмена. В отличие от опубликованных трудов, письма фиксируют неформальные оценки и полемику,

которые не попадали на страницы печатных работ, и тем самым дополняют картину интеллектуальной жизни краковских интеллектуалов.

Важное место в источниковой базе занимает переписка Здзеховского с русскими корреспондентами. Базыли Бялокозович опубликовал его письма к Л.Н. Толстому¹⁴¹, в которых полемика вокруг патриотизма стала центральной темой, а также переписку с молодым Г.В. Чичериным¹⁴², отражавшую интерес русской интеллигенции к польской культуре.

И.В. Воронцова ввела в научный оборот письма Здзеховского к С.Н. Булгакову¹⁴³, а Г.Е. Аляев и Тереза Оболевич – к Е.Н. Трубецкому¹⁴⁴. Эти публикации позволили проследить, как вопросы католического модернизма и русско-польского согласия обсуждались в личном общении между мыслителями.

При реконструкции личных связей краковских славянофилов с представителями чешской интеллектуальной среды использовалась опубликованная совместными усилиями польских и чешских историков переписка Здзеховского с Адольфом Черным¹⁴⁵ и Конечного с Ярославом Бидло¹⁴⁶.

4. Мемуары и автобиографические сочинения представлены воспоминаниями Мариана Здзеховского, вошедшими в состав книг «Призрак будущего» (*Widmo przyszłości*)¹⁴⁷ и «В преддверии конца» (*W obliczu końca*)¹⁴⁸, в которых он описывал свое детство, учебу в Минской гимназии, Дерптском университете, а также обстоятельства создания «Славянского клуба» и свои контакты с русскими мыслителями.

¹⁴¹ Białokozowicz B. Marian Zdzichowski i Lew Tołstoj. Białystok, 1995.

¹⁴² Białokozowicz B. Listy Gieorgija Cziczierina do Mariana Zdzichowskiego // *Slavia Orientalis*. 1965. N 1. S. 101-115.

¹⁴³ «Между нами не может быть ни малейшего спора...»: Письма С.Н. Булгакова М.Э. Здзеховскому о необходимости церковного обновления / Публ. и предисл. И.В. Воронцовой // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 101–111.

¹⁴⁴ Аляев Г.Е. Оболевич Т. «С польским вопросом мы, русские, вообще недостаточно знакомы...». Евгений Трубецкой и Мариан Здзеховский. Зелена Гура, 2025.

¹⁴⁵ Biliński P., Durčanský M., Skrzyński T. Nieznana korespondencja Mariana Zdzichowskiego z Adolfem Černým // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 2007. N 2. S. 7–50.

¹⁴⁶ Biliński P., Durčanský M. Korespondencja Feliksa Koniecznego z Jaroslavem Bidlo // *Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej*. 2016. T. LXVI. S. 45–68.

¹⁴⁷ Zdzichowski M. *Widmo przyszłości : szkice historyczno-publicystyczne*. Wilno, 1939.

¹⁴⁸ Zdzichowski M. *W obliczu końca*. Wilno, 1938.

Для реконструкции интеллектуальной среды Кракова конца XIX – начала XX вв. привлекаются мемуарные свидетельства Адама Гжималы-Седлецкого¹⁴⁹ (*Niepospolici ludzie w dniu swoim powszednim*), Казимира Моравского¹⁵⁰ (*Kraków przed trzydziestu laty*), Михала Бобжиньского¹⁵¹ (*Z moich pamiętników*).

В качестве вспомогательных источников также использовались опубликованные делопроизводственные материалы, а именно отчет о ходе работы Второго съезда славянских журналистов в Кракове в 1899 г.¹⁵² и отчет о деятельности краковского «Славянского общества»¹⁵³.

Положения, выносимые на защиту:

1. Краковское славянофильство органично вписывалось в феномен польского неомессианизма рубежа XIX–XX вв. Здзеховский тяготел к религиозно-философской версии неомессианизма, видя в христианской этике основу польского патриотизма и «спасение» от материализма позитивизма. В свою очередь такие представители краковского славянофильства, как Феликс Конечный, Эдмунд Колодзейчик, Эдвард Воронецкий обращались к польскому прошлому, доказывая исконность польского славянофильства и его независимость от русского влияния, что являлось формой неоромантической легитимации их патриотической концепции.

2. Польская патриотическая идея в трактовке Здзеховского основывалась на христианской этике. Он находил подтверждение своему тезису в творчестве поэтов-мессианистов (прежде всего Красиньского и Мицкевича), а также в позиции «станьчиков», которые отказались от романтических иллюзий в пользу «органического труда». Несмотря на принципиальные различия этих двух направлений польской общественной мысли, Здзеховский видел в них единую нравственную христианскую основу.

¹⁴⁹ Grzymala-Siedlecki A. Niepospolici ludzie w dniu swoim powszednim. 1962.

¹⁵⁰ Morawski K. Kraków przed trzydziestu laty. Warszawa, 1932.

¹⁵¹ Bobrzyński M. Z moich pamiętników. Wrocław; Kraków, 1957.

¹⁵² II Zjazd dziennikarzy słowiańskich w Krakowie. Kraków, 1900.

¹⁵³ Towarzystwo Słowiańskie w latach 1912–1913. Kraków, 1914.

3. Концепция польского славянофильства Феликса Конечного представляла собой синтез идеи славянской взаимности и патриотической идеи, которая понималась как активное участие поляков в жизни славянских народов, а славянская взаимность трактовалась как магистральная линия польской общественной мысли на протяжении веков. Конечный сознательно дистанцировался от русского панславизма и неославизма, противопоставляя им принцип «славянофильства без уступок» как польский вариант программы сближения славян.

4. Краковские славянофилы сознательно отказывались от партийной борьбы, позиционируя славянскую идею как надпартийную и общенациональную. Эта установка нашла отражение в институциональной эволюции их движения, прошедшей три этапа: от элитарного «Славянского клуба» (1901) через создание журнала «Славянский мир» (1905) как печатного органа до более многочисленного «Славянского общества» (1912).

5. Краковским славянофилам не удалось преодолеть устойчивое и глубокое недоверие польского общества к славянской идее, которая по-прежнему ассоциировалась с российским панславизмом и воспринималась как угроза национальной идентичности. Их проект проигрывал в конкурентной борьбе другим национальным программам.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации получили отражение в 6 публикациях, из них 3 в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, по паспорту специальности 5.6.2. Всеобщая история. Некоторые положения диссертации были представлены на 5 научных конференциях, материалы по итогу трех конференций были опубликованы.

Структура работы определена проблемно-хронологическим принципом и выстроена согласно поставленным цели и задачам. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и цель исследования, формулируются его цель и задачи, хронологические и

территориальные рамки, методологическая основа. В этом разделе также представлен анализ историографии (западной, польской и российской) и характеристика источниковой базы (научные труды, публицистика, эпистолярное наследие, мемуары). Кроме того, во введении излагаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также положения выносимые на защиту.

В первой главе рассмотрено содержание патриотической идеологии в творчестве Мариана Здзеховского. В первом параграфе реконструируются этапы его биографии – влияние семьи, образование в Минской гимназии, университетские годы в Петербурге и Дерпте, переезд в Краков. Во втором параграфе раскрывается его понимание польской патриотической идеи, полемика с Л.Н. Толстым, а также его отношение к мессианизму, позитивизму и католическому модернизму. Третий параграф посвящен патриотической деятельности Здзеховского как культурного посредника между Польшей, Россией и славянским миром.

Вторая глава посвящена жизни и деятельности Феликса Конечного. Первый параграф содержит основные вехи его биографии и характеристику его научного наследия. Во втором параграфе анализируется его концепция «польского славянофильства» как формы патриотической идеи. Третий параграф освещает его отношение к польско-чешским контактам и русинскому вопросу в Галиции.

В третьей главе дана характеристика институциональных форм патриотической деятельности краковских славянофилов. В первом параграфе прослеживается история «Славянского клуба», создание и содержание журнала «Славянский мир», а также возникновение «Славянского общества». Во втором параграфе анализируется историческая аргументация на страницах «Славянского мира» на примере работ Эдмунда Колодзейчика и Эдварда Воронецкого.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы о характере патриотической идеи в краковской интеллектуальной среде, об особенностях взглядов ее представителей и об их значении для истории польской общественной мысли.

Глава 1. Истоки и содержание патриотической идеи в творчестве Мариана Здзеховского

1.1. Формирование мировоззрения Мариана Здзеховского

Истоки идеологий и мировоззрений во многом следует искать в окружении и воспитании их носителей – в семье, в окружении, в среде формирования, в событиях, которые они пережили в детстве. Семья Мариана Здзеховского принадлежала к шляхетскому сословию, он родился в собственном имении родителей – Раков (входил тогда в Минский уезд Минской губернии), в крае, где польская, белорусская и русская культуры сосуществовали, а память о Январском восстании была ещё жива¹⁵⁴.

Мариан Здзеховский родился в 1861 г. в обеспеченной дворянской семье. Его отец, Эдмунд Здзеховский, был крупным землевладельцем и активным участником местной общественной жизни. Он происходил из старинного шляхетского польского рода Здзеховских (герба Равич), его предок генерал Вавжинец Здзеховский обосновался в Ракове в 1804 г., когда выкупил поместье у фельдмаршала Н.И. Салтыкова¹⁵⁵.

О политических взглядах отца Мариана подробной информации нет, однако известно, что в период Январского восстания он вслед за многими земляками ушел со своего места в канцелярии Минского шляхетского собрания. Этот шаг был реализацией призыва Национального правительства к литовской шляхте с целью демонстрации солидарности с ней. Тем не менее, вскоре власти края собрали протестовавших в Шляхетском доме в Минске и принудили их подписать верноподданническое прошение. Большинству представителей польского дворянства пришлось согласиться на требование, а отказавшиеся были лишены своих владений и сосланы¹⁵⁶. Эдмунд Здзеховский, сохранивший свое имущество,

¹⁵⁴ О польском восстании 1863 г. см. подробнее, например: Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши. М., 2014.

¹⁵⁵ *Opacki Z.* W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny: myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego do 1914 roku. Gdańsk, 1996. S. 13.

¹⁵⁶ *Ibidem.* S. 18–19.

был среди тех, кто пошел на компромисс с властями, однако подобное решение, вероятно, стоит рассматривать как стремление не потерять свою свободу и положение, и вряд ли его можно считать проявлением искренней лояльности в отношении российских властей. Более того, спустя несколько лет после восстания Эдмунд расширил свои земельные владения путем выкупа, несмотря на введенные ограничения на продажу земли лицам католического вероисповедания¹⁵⁷.

В условиях усиления контроля за публичной сферой сохранение традиций и национально-патриотическое воспитание становилось делом в первую очередь семьи и домашнего образования¹⁵⁸. В семейном кругу была возможность поддерживать память о Январском восстании. Мемуарист Станислав Мянковский, родившийся в 1889 г., спустя 26 лет после событий, писал: «Мое детство прошло в период, когда воспоминания о Январском восстании были еще очень яркими, и с детства я воспитывался в духе патриотизма, осознавая, что я поляк и придавая большое значение изучению истории Польши»¹⁵⁹.

Мариан Здзеховский в детском возрасте ощущал последствия событий Январского восстания непосредственно. Он помнил арест отца жандармами¹⁶⁰, которые, впрочем, спустя некоторое время были вынуждены отпустить его из-за отсутствия доказательств связей с повстанцами¹⁶¹. Среди погибших и сосланных в Сибирь были близкие друзья семьи, а также Ян Здзеховский, двоюродный брат Эдмунда¹⁶². Все это неизбежно способствовало формированию негативного образа России, Мариан вспоминал, как вместе со своим кузеном Витольдом Наркевичем-Йодко играл «в генералов, изгонявших москалей из Польши»¹⁶³. В окружении

¹⁵⁷ Ibidem. S. 16–17

¹⁵⁸ О семейном воспитании в польских землях см. подробнее: *Nawrot-Borowska M.* Nauczanie domowe na ziemiach polskich w II połowie XIX i początkach XX wieku – zapatrywania teoretyczne i praktyka. Bydgoszcz, 2011; *Jakubiak K.* Polskie tradycje edukacji domowej // *Studia Paedagogica Ignatiana*. 2017. T. 20. N 3. S. 19-30.

¹⁵⁹ Цит. по: *Nawrał-Borowska M.* Tradycje powstania styczniowego i ich rola w wychowaniu patriotycznym młodego pokolenia (w świetle wspomnień z zaboru rosyjskiego) – w 150. rocznicę zrywu niepodległościowego z 1863 roku // *Przegląd Pedagogiczny*. 2013. N. 1. S. 64.

¹⁶⁰ *Zdziechowski M.* Widmo przyszłości: szkice historyczno-publicystyczne. Wilno, 1939. S. 22.

¹⁶¹ *Opacki Z.* W kręgu Polski... S. 19–20.

¹⁶² *Zdziechowski M.* Widmo przyszłości... S. 22.

¹⁶³ Ibidem. S. 23.

молодого Здзеховского был также старый наполеоновский «служака», являвшийся живым примером давней борьбы поляков с Россией в рядах армии Наполеона¹⁶⁴.

С юношеских лет Здзеховский интересовался польской поэзией эпохи романтизма. Среди плеяды великих польских поэтов-мессианистов, оказавших влияние на молодого Мариана, стоит отдельно отметить Зыгмунта Красиньского¹⁶⁵, чья драма «Иридион» была для Здзеховского одним из самых ярких художественных воплощений судьбы польского народа, и к которой он неоднократно обращался в своих рассуждениях о польском патриотизме¹⁶⁶.

Среднее образование Мариан Здзеховский получил в Минской гимназии, которую окончили многие известные поляки, выходцы из Северо-Западного края. Самым известным выпускником, вероятно, следует считать юриста В.Д. Спасовича¹⁶⁷, который стал для Здзеховского покровителем и авторитетом. Спасович был угодником, то есть сторонником польско-русского примирения («угоды»), поэтому можно говорить о том, что Здзеховский на своем пути посредника между поляками и русскими ориентировался, в том числе, на опыт своего земляка. Кроме того, Здзеховского со Спасовичем также объединял интерес к славянской филологии¹⁶⁸.

Польский язык, преподавание на котором было ограничено еще в период между восстаниями, теперь упразднялся в средних учебных заведениях как школьный предмет¹⁶⁹. Тем не менее, несмотря на общую атмосферу подавления польской

¹⁶⁴ *Opacki Z. W kręgu Polski...* S. 28.

¹⁶⁵ Зыгмунт Красиньский (1812–1859) – польский поэт и драматург эпохи романтизма.

¹⁶⁶ В формировании отношения Здзеховского к Красиньскому весомую роль сыграл краковский историк литературы Станислав Тарновский (1837–1917). Здзеховский вспоминал, что когда ему было 17 лет, бабушка привезла из Львова два тома Красиньского с предисловием Тарновского, о дне прочтения этого предисловия он написал: «Я без преувеличения скажу, что этот день отложился в моей памяти как один из самых счастливых в моей жизни». – *Zdziechowski M. Wizyta Krasiniewskiego. Ze studyów nad literaturą i filozofią Polską. Kraków, 1912. С. VI.*

¹⁶⁷ Владимир Данилович Спасович (1829–1906) – российский юрист, адвокат, общественный деятель, как и Здзеховский, был родом из Минской губернии.

¹⁶⁸ Спасович в соавторстве с А.Н. Пыпиным написал «Историю славянских литератур» в двух томах. *Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. Т. 1–2. СПб., 1879–1881.*

¹⁶⁹ *Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 150–151.* В первые годы правления Александра II были попытки смягчения русификаторской политики в отношении польского населения края, и в конце 1856 г. император

культуры в стенах гимназии, преподавательский состав ее, как принято считать, был на довольно высоком уровне. В дальнейшей судьбе Здзеховского большую роль сыграл учитель латыни и греческого Николай Андерсон, который параллельно с преподаванием в гимназии занимался исследовательской деятельностью в области сравнительной лингвистики¹⁷⁰. От Андерсона Здзеховский узнал о праиндоевропейском языке и древней культуре «арийцев», что побудило юного школьника задуматься о том, как менялись народы в процессе расселения. Здесь, как вспоминал о своих юношеских чувствах Здзеховский, его «лингвистический романтизм подал руку романтизму патриотическому», и уже в те годы он сделал для себя вывод: «чтобы воспитать народ, нужно знать его характер, чтобы познать его, нужно дотянуться до самых истоков народа»¹⁷¹. Итогом юношеских увлечений стало поступление на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

Школьный опыт знакомства польской молодежи с русской культурой на примере Здзеховского, вероятно, превышал любые «русификаторские» ожидания имперской администрации: «Я начинал учиться в гимназии с вынесенной из дома неприязнью, почти отвращением к русскому языку и литературе; оканчивая ее, я был этой литературой очарован. Ни один поэт не очаровывал меня так, как Лермонтов [...] Романы Тургенева и Толстого, воссоздававшие прошлое старого дворянства, внешне похожее на наше, будили во мне симпатии к русскому обществу»¹⁷². Зародившийся в гимназии интерес к русским писателям Здзеховский пронес сквозь годы, занимаясь русистикой и историей литературы.

Среда, в которой происходило интеллектуальное становление Здзеховского, отличалась провинциальным характером, ее можно было бы назвать контактной зоной: там сильно было влияние Варшавы – основного центра польской мысли и

дал согласие на введение польского языка в качестве предмета в средние школы, хотя и с существенными ограничениями. – Там же. С. 149.

¹⁷⁰ *Opacki Z. W kręgu Polski...* S. 30.

¹⁷¹ *Zdziechowski M. Wychowanie a religia // Nasza Przyszłość: wolna trybuna zachowawczej myśli państwowej. Warszawa, 1932. T. 25. S. 17.*

¹⁷² *Zdziechowski M. Widmo przyszłości...* S. 25.

культуры в империи, и крупных русских городов, в первую очередь столичных. Здзеховский в связи с этим писал: «Мы с нетерпением ждали конца мая и университетских каникул. Площади и улицы Минска были тогда оживленными и шумными. Писарев и Добролюбов, Лавров и запрещенная газета “Вперед”, Маркс и Лассаль, Бебель и Либкнехт – это имена и названия, которые носились в воздухе; мы с восторгом смотрели на лица и жесты тех, кто их произносил. Петербуржцы стояли перед нами, словно из высшего мира, по которому мы тосковали в нашей глуши»¹⁷³. Желание польской молодежи западных окраин узнать о новшествах в общественно-политической сфере толкала их к более тесному знакомству с русскими идейными течениями, в том числе и революционного социалистического характера.

В 1879 г. Здзеховский начал учиться на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Среди его преподавателей были видные российские ученые: востоковеды-индологи К.А. Коссович (1814–1883) и И.П. Минаев (1840–1890), историк К.Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897), однако определяющую для дальнейшего пути Здзеховского роль сыграли историки литературы А.Н. Веселовский (1838–1906) и О.Ф. Миллер (1833–1889). Оба петербургских профессора занимались изучением русского былинного эпоса¹⁷⁴, что несомненно повлияло на зарождавшиеся научные интересы Здзеховского, который, уже переведясь в Дерптский университет, написал работу о легендарном богатыре Добрыне Никитиче¹⁷⁵.

В Санкт-Петербурге Здзеховский отучился всего один год, после чего в связи с состоянием здоровья был вынужден перевестись в Дерптский университет¹⁷⁶. Это учебное заведение занимало особое место в российской образовательной системе. В «Акте постановления» 1802 г. Александр I подчеркивал роль университета как

¹⁷³ *Zdziechowski M. Wpływy rosyjskie na duszę polską. Kraków, 1920. S. 59.*

¹⁷⁴ О.Ф. Миллер защитил в 1870 г. докторскую диссертацию на тему «Илья Муромец и богатырство киевское». – См.: *Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 239; Батюшков Ф.Д. Веселовский (Александр Николаевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. VI. С. 98–99.*

¹⁷⁵ *Białokozowicz B. Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj... S. 28.*

¹⁷⁶ *Opacki Z. W kręgu Polski... S. 34.*

посредника в распространении в России западноевропейских начал, роль, которую, по мнению его выпускника и автора исследования о нем, Густава фон Мантейфеля, университет долгое время действительно успешно выполнял¹⁷⁷. Русификаторские тенденции, однако, постепенно затрагивали и Дерпт, особенно они усилились в период царствования Александра III, при котором в 1893 г. университет был переименован в Юрьевский. Однако Здзеховский обучался в Дерпте, когда время наиболее значительных изменений его высшей школы еще не настало. Большую часть обучающихся в университете составляли выходцы из прибалтийских земель, но поляки представляли весомую часть студенческого сообщества. Здзеховский вспоминал об университете: «Лишившись собственных высших школ в России, там, в Дерпте, мы искали знаний, проводили там лучшие годы, и все мы хранили воспоминания о нашей Дерптской *almamater*, которая действительно была для нас доброй и заботливой матерью»¹⁷⁸.

В 1881 г. польские студенты отмечали юбилей Ноябрьского восстания, в связи с которым двадцатилетний Здзеховский произнес речь, являвшуюся одним из его самых первых публичных высказываний на тему патриотизма. В ней Здзеховский выразил идеи, которые он будет развивать в дальнейшем, и в первую очередь о необходимости придерживаться христианской этики во всех сферах жизни: «будучи христианами давайте христианизировать человеческие отношения»¹⁷⁹.

Среди преподавателей Дерптского университета главным наставником Здзеховского стал историк литературы П.А. Висковатов (1842–1905), с которым молодой польский студент заметно сблизился, он часто посещал дом профессора, был знаком с его дочерьми¹⁸⁰. Висковатову Здзеховский посвятил свою первую книгу «Очерки из психологии славянского племени».

¹⁷⁷ *Manteuffel G. Z dziejów Dorpatu i byłego Uniwersytetu Dorpackiego. Warszawa, 1911. S. 224.*

¹⁷⁸ *Zdziechowski M. Wrażenia z Dorpatu // Słowo. 1932. N. 164. S. 1.*

¹⁷⁹ *Mowa Pana Mariana Zdziechowskiego mianowana w Dorpacie do kolegów uniwersyteckich dla uczczenia 50-letniego jubileuszu Powstania Polskiego 1831 roku. Do druku podał i opracował Marian Zaczynski // Znak. Kraków, 1982. N. 3 (328). S. 143.*

¹⁸⁰ *Opacki Z. Wkręgu Polski... S. 40–41.*

В университетский период своей жизни Здзеховский заинтересовался сравнительным изучением творчества русских славянофилов и польских философов-мессианистов. Поклонник поэзии польских романтиков, приверженцев мессианистских идей еще с юности, со славянофилами Здзеховский имел возможность познакомиться именно в университетских стенах; способствовал этому тот факт, что многие профессора симпатизировали славянофильским идеям, среди них необходимо отметить Висковатова, Бестужева-Рюмина¹⁸¹ и О.Ф. Миллера.

В период своего обучения Здзеховский испытывал большое влияние польской позитивистской литературы, которая сформировала, в частности, его первичное отношение к Галиции и происходившим там процессам. «В университетские годы, в Петербурге и Дерпте, я с увлечением читал “прогрессивные” журналы, исповедовавшие позитивизм, и в связи с этим антикатолические и ультрадемократические. В этих журналах («Правда» – *Prawda*, «Пшегленд Тыгодневы» – *Przegląd Tygodniowy*)¹⁸² провозглашалась война Галиции; для нее не было пощады, она была прогнившей, а теми, кто вносил в нее разлагающий яд, были так называемые станьчики»¹⁸³. Влияние на Здзеховского этого направления красочно иллюстрирует его признание (спустя много лет), что после известия о

¹⁸¹ Бестужев-Рюмин был близок к славянофильским кругам, в частности, дружил с А.Ф. Гильфердингом, занимался изучением славянофильского течения. См.: *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев, 1899. С. 218–248.

¹⁸² Оба журнала тесно связаны с именем известного писателя и публициста позитивистского толка Александра Свентоховского (1849–1938). Он был основателем еженедельника «Правда». Свентоховский противостоял в своей газете лагерю станьчиков, симпатизируя либерально-демократическим силам. См.: *Kojkoł J.* Pozytywizm a wychowanie. Aleksandra Świętochowskiego poglądy na wychowanie – interpretacje wstępne // *Colloquium Edukacja – Polityka – Historia*. 2018. Т. 10. N. 4. S. 57–70; *Brykalska M.* Aleksander Świętochowski jako wydawca i redaktor “Prawdy” (1881–1900) // *Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego*. 1972. N. 3. S. 343–392.

¹⁸³ *Zdziechowski M.* Wybór pism. Kraków: Znak, 1993. S. 26.

смерти Юзефа Шуйского¹⁸⁴ он благодарил бога за то, что «смерть вырвала Польшу из рук опаснейшего человека»¹⁸⁵.

После окончания Дерптского университета в 1883 г. Здзеховский продолжил свое обучение за рубежом. Он побывал в Загребе, Граце и Женеве, поездка в последнюю объяснялась, помимо прочего, его желанием встретиться с «неутомимым борцом за идею независимой и демократичной Польши и непримиримым врагом станьчиков»¹⁸⁶ Зыгмунтом Милковским¹⁸⁷. Личность знаменитого польского эмигранта, посвятившего всю свою жизнь борьбе за независимость Польши, оказала значительное влияние на Здзеховского¹⁸⁸, который пронес свою симпатию к нему сквозь года, и после смерти Милковского написал о нем комплиментарную работу¹⁸⁹.

Вернувшись в Россию, Здзеховский остался жить в Санкт-Петербурге, где в 1884–1889 гг. занимался публицистической деятельностью, сотрудничая с газетой «Край» (*Kraj*)¹⁹⁰, а также работал над своим первым большим трудом «Очерки из психологии славянского племени». В это время он женился на Марии Котович, которая также была родом из литовско-белорусских земель¹⁹¹.

Постепенно менялось отношение Здзеховского к Галиции, он стремился лучше понять состояние польского общества в Австро-Венгрии и идеологию краковских консерваторов, начав знакомиться с жизнью региона напрямую, минуя предвзятые оценки позитивистских журналов. Так он впервые прочитал «Папку Станьчика».

¹⁸⁴ Юзеф Шуйский (1835–1883) — польский политик, историк, публицист, один из лидеров группировки «станьчики». О Шуйском см.: *Аржакова Л.М.* Образ власти в прошлом и настоящем в трудах Юзефа Шуйского // *Центральноевропейские исследования*. 2022. Т. 2022. № 5 (14). С. 195–222.

¹⁸⁵ *Zdziechowski M.* Wybór pism... S. 27.

¹⁸⁶ *Ibidem.* S. 27.

¹⁸⁷ Зыгмунт Милковский (1824–1915) — польский публицист, писатель и политик демократического толка, публиковался также под псевдонимом Теодор Томаш Еж.

¹⁸⁸ Любопытно, что некий Здзеховский с Ракова, по всей видимости отец Мариана, числился среди подписчиков издания «Огниско», посвященного Зыгмунту Милковскому. См.: *Ognisko: książka zbiorowa wydana dla uczczenia 25-letniej pracy T.T. Jeża*. Warszawa, 1882. S. XIII.

¹⁸⁹ *Zdziechowski M.* Zygmunt Miłkowski (T. T. Jeż) a idea słowiańska w Polsce. Piotrogród, 1915.

¹⁹⁰ «Край» (*Kraj*) — польская газета консервативного направления, основанная Владимиром Спасовичем и Эразмом Пильцом, и издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1882–1909 гг.

¹⁹¹ *Opacki Z.* W kręgu Polski... S. 56.

Как вспоминал Здзеховский, он узнал, что среди станьчиков были «люди высокого духа, горячие патриоты и выдающиеся участники восстания 1863 г.»¹⁹².

Поводом познакомиться с Краковом ближе стало польское издание его труда, для чего он отправился в поездку в Галицию в 1888 г. В Кракове к этому времени уже успел осесть друг Здзеховского по Минской гимназии Наполеон Цыбульский¹⁹³, который помог ему установить контакты с профессорской средой. Свою помощь Здзеховскому оказал и Спасович, написавший Станиславу Тарновскому рекомендательное письмо о нем¹⁹⁴. Тогда же Здзеховский встретился с профессорами Люцианом Малиновским¹⁹⁵ и Юзефом Ростафиньским¹⁹⁶, которые сделали ему предложение продолжить свою научную деятельность в Кракове¹⁹⁷, на что молодой польский ученый согласился.

Здзеховский переехал в Краков в 1889 г. и, оставаясь подданным Российской империи, много лет прожил в древней польской столице, несмотря на звучавшие на страницах варшавской «Правды» предупреждения, что очарованные Галицией люди «испытали бы разочарование, если судьба заставила бы их там жить постоянно, особенно не на правах австрийских подданных, а в качестве “иностранцев”»¹⁹⁸. Тем не менее, именно с краковским периодом жизни связана наиболее активная творческая и общественная деятельность Здзеховского.

Необходимо сказать о том влиянии, которое оказала на Здзеховского современная ему русская философия. Помимо трудов классиков русского славянофильства, являвшихся объектом его ранних научных работ и заложивших в нем интерес к русской интеллектуальной мысли, значительную роль в

¹⁹² *Zdziechowski M. Wybór pism...* S. 27.

¹⁹³ Наполеон Цыбульский (1854–1919) – польский и белорусский физиолог, выпускник Минской гимназии.

¹⁹⁴ *Zdziechowski M. Wybór pism...* S. 28.

¹⁹⁵ Люциан Малиновский (1839–1898) – польский лингвист, фольклорист, профессор Ягеллонского университета.

¹⁹⁶ Юзеф Ростафаньский (1850–1928) – польский ботаник, профессор Ягеллонского университета.

¹⁹⁷ *Opacki Z. W kręgu Polski...* S. 61.

¹⁹⁸ *J.L.P. Konstytucjonalizm Gakicyjski // Prawda. Warszawa, 1883. N 52. S. 615.*

становлении его мировоззрения и взгляда на этику сыграли труды В.С. Соловьева¹⁹⁹. Здзеховский присутствовал на защите докторской диссертации Соловьева в Петербурге в 1880 г., а несколько позже имел возможность пообщаться с ним лично²⁰⁰. Польский ученый не раз возвращался к личности Соловьева в своих работах²⁰¹, а либеральную, сочувствующую польскому делу часть русского общества он именовал «Россия Соловьева»²⁰². Здзеховский не был единственным поляком, высоко оценивавшим Соловьева, который отводил польскому народу значительную роль в деле воссоединения православной и католической церкви; «величайшая служба» поляков, по мнению русского философа – «примирительное посредничество между папой и царем»²⁰³. Положительную оценку творчеству Соловьева давали многие представители польского общества, такие как С. Тарновский, В. Спасович, иезуиты М. Моравский и Я. Урбан²⁰⁴, на что обращали внимание русские оппоненты Соловьева, в частности, И.С. Аксаков²⁰⁵, писавший, что «измышления его (В.С. Соловьева. – *И.Е.*) вызвали сочувствие только в фанатических ненавистниках России – польских ксендзах»²⁰⁶.

Ученые, обращавшиеся в своих исследованиях к личности Здзеховского, не раз отмечали его удивительное свойство заводить контакты и даже дружеские связи с людьми, которыми он интересовался и восхищался²⁰⁷. На протяжении своей жизни он будет поддерживать связи и вести переписку со многими представителями польской, русской и славянской общественной мысли.

¹⁹⁹ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) – русский философ, мистик, поэт, один из влиятельнейших представителей русской религиозной философии. Соловьев был сторонником экуменических идей, а также вел полемику с представителями позднего славянофильства.

²⁰⁰ *Białokozowicz B. Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj... S. 32–33.*

²⁰¹ *Zdziechowski M. U opoki mesjanizmu. Nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich. Lwów: Gubrynowicz i syn, 1912. 408 s; Zdziechowski M. Pesymizm, romantyzm a podstawy chrześcijaństwa. T. 1. Kraków, 1914.*

²⁰² *Здзеховский М. Чего хотят поляки? // Новое звено. 1913. №1. С. 23.*

²⁰³ *Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос. М., 1884. С. 61.*

²⁰⁴ *Красицки Я. Философия Соловьева в Польше // Соловьевские исследования. 2013. № 1(37). С. 42–43.*

²⁰⁵ Иван Сергеевич Аксаков (1823–1866) – российский общественный деятель, публицист, активный деятель славянофильского движения.

²⁰⁶ Русь. 1884. № 6. С.7.

²⁰⁷ *Białokozowicz B. Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj... S. 28.*

Такая способность Здзеховского дала повод одному из его биографов назвать его «человеком пограничья»²⁰⁸. Это определение многое объясняет в жизни польского ученого и особенно ценно для понимания его взглядов на этапе их зарождения. Под «пограничьем» в первую очередь следует понимать пространство, где тесно соприкасались польская и русская культуры, и было бы крайне тяжело отгородиться от влияния одной из них. Но окружение, в котором воспитывался Здзеховский и его товарищи по учебе, было не только «пограничным», но и «провинциальным». Основные очаги передовой общественно-политической жизни, доступные Здзеховскому, находились в Москве и Санкт-Петербурге, с одной стороны, и в Варшаве, – с другой. Его представления о Галиции были долгое время довольно неопределенными из-за ограниченности и предвзятости получаемой о ней информации, однако он сумел преодолеть стереотипы – во многом потому, что он стремился понять польское общество во всей его полноте, а Галиция была единственной частью Польши, где национальная культура могла развиваться относительно свободно. Здзеховский был неутомимым и любознательным, открытым к разным взглядам и дискуссиям. Руководствуясь глубоким патриотическим чувством, он с юношеских лет стремился к осмыслению истории польской нации – это стремление во многом определило круг его научных интересов.

1.2. Патриотизм и христианская этика: польская национальная идея в трактовке Здзеховского

Выявить характер политических взглядов Мариана Здзеховского не так просто по ряду причин. Во-первых, он не состоял в какой-либо партии и не выражал никому явной симпатии или поддержки. Во-вторых, он редко делал какие-либо откровенно политические заявления. В-третьих, основным фактором, определявшим его мировоззрение, была в первую очередь религия, и именно отношение к ней было главным критерием оценки Здзеховским того или иного политического направления. Кроме того, как отмечал Анджей Валицкий, довольно

²⁰⁸ Opaski Z. W kręgu Polski... S. 12.

трудно провести четкую границу между Здзеховским как мыслителем и как историком идей²⁰⁹. Польский мессианизм, русское славянофильство, католический модернизм, современная ему философия и литература – во всех этих философских направлениях Здзеховский выходил за строгие рамки академических исследований. В своих трудах он стремился найти ответы на волновавшие его вопросы, связанные с верой, моралью, польской национальной идеей.

Здзеховский был крайне плодовитым автором, тем не менее примечательно, что работы, в которых он наиболее развернуто излагал свои патриотические взгляды, писал на русском языке – к их числу относятся прежде всего «Религиозно-политические идеалы польского общества» (1895–1896) и «О польском религиозном сознании» (1915). Это наблюдение говорит о том, что Здзеховскому было важно познакомить со своим взглядом на польскую патриотическую идею именно российскую публику. Разумеется, важнейшей причиной этого было в том числе и желание поспособствовать выстраиванию диалога между польским и русским народами, донести едва ли не до каждого русского человека сущность «истинного», «неискаженного» пропагандой польского патриотизма.

В основе вышеупомянутых работ Здзеховского находились его сравнительные исследования русского славянофильства и польского мессианизма. Первые публикации на эту тему Здзеховский делал, еще будучи студентом, в газете «Край»²¹⁰, где он впервые указал на общую в русской и польской общественной мысли эпохи романтизма критику Запада и противопоставление славянского мира западному.

Эти идеи Здзеховский развивал в своей первой книге «Очерки из психологии славянского племени», где патриотизм стал одним из основных понятий. Предметом изучения польского автора в «Очерках» была общая для всех славянских народов черта, которую Здзеховский обозначил как «мистический

²⁰⁹ Walicki A. *Zdziechowski: eschatologia a millenaryzm* // *Znak*. 1981. N. 4-5. S. 509. – Стоит отметить, что называть Здзеховского «историком идей» в современном смысле было бы не вполне корректно.

²¹⁰ *Zdziechowski M. Ideały Mickiewicza i Krasińskiego i słowianofilstwo Rosyjskie* // *Kraj*. Petersburg, 1882. N. 5-7.

патриотизм», под которым он понимал: «распространившиеся в течение последнего столетия национальные стремления», проявившиеся у славян «в форме мистической веры в особое наше призвание возродить погрязший в сухом рационализме мир, причем это возрождение должно совершиться с помощью [...] чувства, которое у нас еще сохранилось и продолжает развиваться»²¹¹. Следует подчеркнуть, что используемое Здзеховским понятие «мистический патриотизм» сходно по содержанию с понятием «мессианизм»²¹², который он усматривал не только в произведениях и идеях польских авторов²¹³, но считал возможным применять его ко всему славянству в целом. Так, в заключении своей книги Здзеховский писал, что, «указав на мессианическую окраску самых выдающихся литературных явлений славянского мира, мы определили различные оттенки мессианизма у различных народов нашего племени»²¹⁴. Здзеховский, вероятно, мог позаимствовать словосочетание «мистический патриотизм» у своих русских наставников. В частности, вспоминая о лекциях П.А. Висковатова, он упоминал, что тот рассказывал «о мистическом патриотизме Гоголя»²¹⁵.

Основная часть «Очерков» посвящена польскому мессианизму. Автор анализировал это идейное течение через призму жизни, деятельности и взглядов выдающихся его представителей: Адама Мицкевича (1798–1855), Юлиуша Словацкого (1809–1849), Зыгмунта Красиньского (1812–1859). Аналогичным явлением на русской почве Здзеховский считал славянофильство²¹⁶, которое

²¹¹ Урсин М. Очерки из психологии славянского племени. Славянофилы. СПб., 1887. С. 5.

²¹² О польском мессианизме см. подробнее, например: Травкина А. А. Специфика польского романтического мессианизма XIX века // Вестник славянских культур. 2008. № 3-4. С. 56–64; Ларионова Е.О. Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «русская идея» в зеркале польского мессианизма // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб, 2010. С. 184–205. В польской историографии: Bojomir W. Mesyanizm polski a kościół katolicki. Kraków, 1916; Walicki A. Filozofia a mesjanizm: Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu Polskiego. Warszawa, 1970.

²¹³ О хорватском поэте Прерадовиче (1818–1872) позже вышла отдельная брошюра Здзеховского под названием «О мессианизме Прерадовича». Zdziechowski M. O mesyanizmie Preradowicza. Kraków, 1889.

²¹⁴ Урсин М. Очерки из психологии славянского племени... С. 220.

²¹⁵ Zdziechowski M. U opoki mesyanizmu: nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich. Lwów, 1912. S. 50.

²¹⁶ О славянофильском направлении в русской общественной мысли см. подробнее: Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; Кутаев В.А. XIX век: пути русской мысли:

рассматривалось им на примере творчества А.С. Хомякова. Здзеховский оценивал выявленный им «мистический патриотизм» как характерный для разных славянских народов, поэтому в его книгу были также включены главы об украинском писателе Т.Г. Шевченко (1814–1861)²¹⁷ и Н.В. Гоголе (1809–1852) и о хорватском поэте Петаре Прерадовиче (1818–1872).

Тем не менее Здзеховский явно выводил на первый план именно поляков и русских, в идейных течениях эпохи романтизма которых он видел выражение общеславянских начал. О прочих славянах Здзеховский писал: «в совершенно иных условиях находились запад и юг славянского мира: национальное самосознание едва пробуждалось у чехов, словаков, сербов и хорватов»²¹⁸. Такая оценка едва ли отражала в полной мере славянское национальное возрождение, происходившее в чешских и словацких землях в 1840-е гг., связанное с именами Яна Коллара²¹⁹ и Людовита Штура²²⁰, которых Здзеховский упоминал, однако характеризовал их идеи как «панславистические мечты [...] о слиянии племенных отличий в какой-то непонятной всеславянской нирване, ярко доказывающие тогдашнее политическое бессилие наших соплеменников»²²¹. Здзеховский, искавший проявления «мистического патриотизма» в первую очередь в художественной литературе, обвинял чехов и словаков в чрезмерной политизированности и «тенденциозности»²²². Ограниченное внимание автора к балканским славянам объяснялось им тем, что «малая отрасль южно-славянского мира, – по его словам,

науч. труды. Нижний Новгород, 2008; *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 2013; *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019.

²¹⁷ Данное произведение было замечено не только в академической среде, критическую статью о нем написал украинский поэт и публицист И.Я. Франко (1856–1916), который не был согласен с приведенной Здзеховским оценкой творческого наследия Т.Г. Шевченко (1814–1861). *Дианова В.М., Скочиньский Я.Г.* Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского... С. 84.

²¹⁸ *Урсин М.* Очерки из психологии славянского племени... С. 203.

²¹⁹ Ян Коллар (1793–1852) – словацкий поэт, один из главных идеологов идеи славянской взаимности.

²²⁰ Людовит Штур (1815–1856) – словацкий поэт и журналист, один из лидеров словацкого национального движения.

²²¹ Там же. С. 203–204.

²²² Там же. С. 203.

– зацвела позже других»²²³. Тем не менее история и культура Хорватии явно вызывала интерес у Здзеховского, который опубликовал в 1902 г. книгу «Возрождение Хорватии», в ней он подчеркивал схожесть исторических судеб Польши и Хорватии²²⁴, представлявших собой оплот («przedmurze chrześcijaństwa»)²²⁵ христианского мира²²⁶.

Центральное место в «Очерках» отводилось анализу и трактовке поэтических сюжетов и образов, созданных поэтами-мессианистами²²⁷. При этом польский ученый указывал на прямую связь между взглядами данных деятелей и мироощущением всего народа, он писал, что «мессианизм Мицкевича, Словацкого и Красинского обнаружил, что способность увлекаться до крайности, готовность к самопожертвованию, одним словом, энтузиазм, не знающий предела между возможным и невозможным составляет коренную черту польского национального характера»²²⁸. Карпинский отмечал, что Здзеховский был «портретистом» и не интерпретировал авторов в контексте эпохи, а напротив, анализируя отдельных деятелей, рисовал образ эпохи, национальный характер и формы религиозного опыта²²⁹.

Таким образом, можно сказать, что польский мессианизм при всех своих уникальных чертах представал в «Очерках» лишь одним из вариантов характерной для всех славян национально-патриотической идеи. Прежде всего, Здзеховский считал, что славянский мессианизм основан на «отрицании западной материалистической культуры и на вере в призвание народа, связанной с христианско-социальными стремлениями»²³⁰. Таким образом, Здзеховский,

²²³ Там же. С. 204.

²²⁴ *Zdziechowski M.* Odrodzenie Chorwacyi w wieku XIX. Kraków, 1902.

²²⁵ Представления о Польше как об оплоте христианства на Востоке были частью польского национального мифа начиная с Раннего Нового времени. См.: *Tazbir J.* Polska przedmurzem Europy. Warszawa, 2004.

²²⁶ *Zdziechowski M.* Odrodzenie Chorwacyi... S. 9.

²²⁷ Помимо поэтов-романтиков в его книге уделено внимание только одному теоретику польского мессианизма А. Товяньскому (1799–1879) и лишь в контексте его влияния на творчество Мицкевича и Словацкого.

²²⁸ *Урсин М.* Очерки из психологии славянского племени... С. 219.

²²⁹ *Karpiński W.* Marian Zdziechowski // *Znak*. 1973. N. 3. S. 339.

²³⁰ *Урсин М.* Очерки из психологии славянского племени... С. 27.

противопоставляя западный рациональный мир и славянский чувственный мир, относил Польшу ко второму, тем самым подчеркивал истинное «славянство» поляков, славянскую природу их национальных качеств и самосознания. Польский автор в своих суждениях частично солидарен с немецким мыслителем Иоганном Гердером, который не просто противопоставлял славян и германцев, а указывал на противоположность их главных свойств²³¹.

Спустя некоторое время Здзеховский счел необходимым развить свои идеи в статье «Религиозно-политические идеалы польского общества»²³², опубликованной в июле 1895 г. в петербургском журнале «Северный вестник». Как отмечал сам Здзеховский, его к этому побудило оживление публицистической литературы о русско-польских отношениях и польском вопросе в связи с воцарением нового императора²³³. Однако редакция журнала подвергла статью цензуре: в частности, был вычеркнут фрагмент о Владимире Соловьеве, описание положения поляков в эмиграции и рассуждения об отношении поляков к государствам-участникам разделов. В связи с этим Здзеховский задумался о том, чтобы издать «Идеалы» отдельной брошюрой в полном и неизменном виде за пределами России, а именно в Лейпциге.

Переиздание «Идеалов» Здзеховский также рассматривал как возможность привлечь большее внимание к излагаемым им идеям. Для этого он обратился к Л.Н. Толстому с просьбой написать предисловие к его работе. Толстой не был знаком со Здзеховским, однако письмо молодого польского мыслителя заинтересовало русского писателя и положило начало их переписке. Позже Здзеховский побывал в

²³¹ Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) – немецкий историк и философ эпохи Просвещения. – См. подробнее: *Собестианский И. М.* Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян: Историко-критическое исследование. Харьков, 1892; *Лапунов А.А.* И.Г. Гердер как славист. Славистические исследования Гердера // Клио. 2025. № 2 (218). С. 270–278; *Его же.* Иоганн Готфрид Гердер и его глава «Славянские народы»: Источники взглядов Гердера на славянские народы // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. № 1 (54). С. 62–71; *Белов М.В.* Перекрестная история «славянской взаимности» // Петербургские славянские и балканские исследования. 2017. № 2 (22). С. 51–62.

²³² *Урсин М.* Религиозно-политические идеалы польского общества // Северный вестник. 1895. № 7. С. 36–54.

²³³ *Białokozowicz B.* Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj.... S. 88.

Ясной поляне, а также переписывался с последователем Толстого В.Г. Чертковым²³⁴.

Толстой к этому моменту уже был известен своей критикой патриотической идеологии, будучи убежден, в частности, в несовместимости патриотизма с христианским вероучением. В 1894 г. Толстой подробно изложил свои взгляды в статье «Христианство и патриотизм»²³⁵ и позже неоднократно возвращался к этой теме в других работах²³⁶. Поэтому в заграничном издании брошюры Здзеховского можно наблюдать полемику между двумя мыслителями, на что, вероятно, и рассчитывал польский философ.

Письмо Толстого Здзеховскому стало действительно значимым событием, исследователь русско-польских культурных связей Бялокозович связывает с ним начало нового периода восприятия Толстого в Польше, который продлился до 1917 г.²³⁷, из чего следует, что именно поднятые в переписке проблемы определили взаимоотношения Толстого с поляками на ближайшие два десятилетия.

Письмо Толстого было также опубликовано в краковской газете «Час» (*Czas*) и других изданиях, что вовлекло в начатую Здзеховским дискуссию разных представителей польского общества. Польские читатели встретили письмо противоречивыми оценками: с одной стороны, внимание и сочувствие Толстого к польскому народу вызывало симпатию²³⁸, но, с другой, его осуждение национально-освободительной борьбы и польского патриотизма (как и всякого иного патриотизма) вызывало недоумение и критику.

²³⁴ Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936) – российский общественный деятель, публицист, толстовец. Одно из писем Здзеховского Черткову опубликовано Бялокозовичем. *Białokozowicz B. Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj*. Białystok: Łuk, 1995. S. 153–155.

²³⁵ Толстой Л.Н. Христианство и патриотизм // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). М.; Л., 1928–1964. Т. 39. М.; Л., 1956. С. 27–80.

²³⁶ Толстой Л.Н. Патриотизм или мир? Письмо к Мансону 2 января 1896 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). М.; Л., 1928–1964. Т. 90. М.; Л., 1964. С. 45–53; *Его же*. Патриотизм и правительство // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). М.; Л., 1928–1964. Т. 90. М.; Л., 1964. С. 425–445.

²³⁷ Толстой и зарубежный мир. Книга вторая // Литературное наследство. Москва: Наука, 1965. С. 252

²³⁸ С позитивом на письмо Толстого откликнулись львовская газета «Польское слово» (*Słowo Polskie*) и краковский «Час» (*Czas*). – См.: Толстой и зарубежный мир. Книга вторая... С. 260.

Толстой считал, что идеал, стоящий перед людьми, состоит не в «восстановлении» Польши или «сохранении» России, а в «уничтожении этих насильнических, антихристианских соединений, называемых государствами»²³⁹, но не через насилие, а через «просвещение» и признание всеобщего братства. Подобные анархистские радикальные идеи неизбежно вызывали критику, в частности, на содержание письма отреагировал Зыгмунт Милковский, который спорил с русским писателем на страницах парижского «Свободного польского слова». Милковский, считавший, что «патриотизм – это врожденное качество каждого народа, составляющее его моральную сущность, [...] умирающее, разве что вместе с народом»²⁴⁰, критиковал позицию Толстого, исходя из того, что христианское учение, в том числе о любви к врагам, является идеалом, к которому можно стремиться, но который невозможно в полной мере реализовать, особенно полякам в их текущем положении²⁴¹. При этом как раз последний тезис шел вразрез с патриотическими представлениями Здзеховского.

Польский мыслитель был готов согласиться с критикой Толстым «завоевательного» патриотизма могущественных и независимых народов: «Ваши рассуждения вполне применимы к патриотизму русскому, французскому, немецкому и вообще народов независимых, сильных, стремящихся к захватам и завоеваниям»²⁴². Такой патриотизм, по мнению Здзеховского, действительно «противен христианскому чувству» и потому избыточен. Но вместе с тем польский автор выделял также патриотизм народов «порабощенных», который проявляется в «защите родной веры и языка от врагов», а «самым типическим выражением такого патриотизма служит в настоящее время польский патриотизм; он не только не противен закону любви, но даже прямо вытекает из христианского чувства сострадания ближнему»²⁴³. Здзеховский также прямо оспаривал один из главных

²³⁹ Урсин М. Религиозно-политические идеалы польского общества. Лейпциг, 1896. С. IX.

²⁴⁰ Jeż T. T. Ostapek : powieść : ustęp z przeszłości emigracyjnej. Lwów, 1875. S. 5.

²⁴¹ Małyszczek D. Zygmunt Miłkowski wobec poglądów Lwa Tołstoja u schyłku XIX stulecia // Studia Polonijne. Lublin, 2007. T. 28. S. 138–140.

²⁴² Урсин М. Религиозно-политические идеалы польского общества. Лейпциг: Э.Л. Каспарович, 1896. С. III.

²⁴³ Там же. С. IV.

тезисов Толстого, утверждая тезис не только о совместимости патриотизма и христианства, но и о том, что первый является следствием второго. Можно сказать, что и Толстой, и Здзеховский задавали себе один и тот же вопрос: как разрешить противоречие между патриотизмом и христианством? И если для Толстого ответ заключался в вынужденном отказе от патриотизма в пользу христианства, то Здзеховский доказывал, что следование христианским законам может быть частью патриотизма и даже составлять его суть.

«Идеалы» разделены Здзеховским на три части, каждая из которых соответствовала определенному этапу в эволюции польского патриотизма, как его понимал автор.

Первый этап, связанный с мессианизмом, как можно заметить, описывался еще в «Очерках», однако в «Идеалах» он был представлен несколько в ином виде. В них речь уже не шла об общеславянском «мистическом патриотизме», здесь Здзеховский рассматривал мессианизм исключительно в контексте развития польской патриотической идеи. Он начинал с анализа поэм Мицкевича «Конрад Валленрод», «Дзяды», а также «Книги польского народа и польского пилигримства». Здзеховский считал, что Мицкевич предложил полякам высокую, хотя и наивную, идею богоизбранности польского народа, уязвимость которой заключалась в отсутствии понимания вытекавших из нее обязанностей: «страдания Польши – искупительная жертва за грехи мира и что, следовательно, мир в долгу перед Польшей»²⁴⁴. Несомненно будучи польским патриотом, Мицкевич, по мнению Здзеховского, тем не менее не смог начертать полякам путь, по которому им следовало идти.

Эту задачу, с точки зрения Здзеховского, решил Красиньский – фигура, которую польский ученый считал едва ли не самой важной в польском мессианизме. Посредством своей драмы «Иридион»²⁴⁵ Красиньский указал полякам «новый,

²⁴⁴ Урсин М. Религиозно-политические идеалы... С. 21.

²⁴⁵ Драма повествует о греке Иридионе, который стремится отомстить Риму за порабощение своей родины, однако заговорщический путь не приводит главного героя к моральному удовлетворению. Исследователи творчества Красиньского указывают, что в «Иридионе» реалии Древнего Рима являются «матрицей универсальной истории», а конфликт Иридиона и Рима – это

настоящий путь [...] путь неусыпного труда, железной твердости и стойкости [...] путь прощения и любви к врагам»²⁴⁶. Для Здзеховского это был безусловный прорыв в польской мысли: если Мицкевич лишь провозглашал богоизбранность Польши, не предлагая конкретного пути, то Красиньский указал на нравственное совершенствование как единственно достойную форму патриотического служения. Схожие идеи, по мнению Здзеховского, проповедовал Анджей Товяньский²⁴⁷.

Следующий этап в эволюции польского патриотизма, по мнению Здзеховского, наступил после поражения Январского восстания 1863 г. «Прежде в период времени 1831–1863 г., польская эмиграция сосредотачивала в себе лучшие силы народа и Париж был центром его духовной жизни, – теперь, с гибелью всех надежд на помощь извне, Париж лишился в глазах поляков своей притягательной силы и центр их надежд и вожделений перенесся обратно на родину, – точнее, в Галицию, начинавшую уже пользоваться благами перемены в политике Австрии»²⁴⁸. Действительно, с 1860-х гг. поляки в Галиции стали пользоваться широкой культурной и административной автономией, обеспечивавшей им возможности для сохранения родного языка и контроль над системой образования²⁴⁹. Однако Здзеховский видел в современной ему Галиции не просто регион, где поляки могли относительно свободно развивать свою национальную культуру, а место, где зарождалось новое поколение элиты с новым взглядом на патриотическую идею.

Главными идеологами второго этапа Здзеховский признавал краковских деятелей науки и культуры, вошедших в историю как «станьчики»²⁵⁰, а также

аллегория отношений Польши и России. *Pyda J. „Irydion” – „Syn cieniów”. O ewolucji myśli antropologicznej Zygmunta Krasińskiego* // *Kronos*. 2023. N 4. S. 191.

²⁴⁶ *Урсин М.* Религиозно-политические идеалы... С. 6.

²⁴⁷ Там же. С. 8.

²⁴⁸ Там же. С. 11.

²⁴⁹ См. подробнее, например: *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1795–1918. Warszawa, 1998.

²⁵⁰ Станьчики – группа краковских консерваторов, получивших свое наименование благодаря политическому памфлету «Папка Станьчика». О «станьчиках» подробнее см.: *Аржакова Л. М.* Группировка станьчиков как проявление (само)организации краковских консерваторов, ориентированных на Вену // *Славянский альманах*. 2018. №3-4. С. 40–52; *Ее же.* «Папка Станьчика»: рефлексия и/или политическая программа краковских консерваторов // *Центральноевропейские исследования*. 2020. Вып. 3(12) / гл. ред. О.В. Хаванова. М., СПб., 2021. С. 165–187.

близких им по духу людей, считавших губительными для польского народа дальнейшие попытки добиваться независимости вооруженным путем, и настроенных на сотрудничество с правительствами разделивших Польшу государств и прежде всего с монархией Габсбургов.

Здзеховский в качестве представителей данного этапа называл Юлиана Дунаевского²⁵¹, Юлиана Клачко²⁵², Люциана Семеньского²⁵³, Станислава Козьмяна²⁵⁴, но на первое место ставил Валериана Калинку²⁵⁵, Юзефа Шуйского и Станислава Тарновского²⁵⁶, причем именно сочинения последнего Здзеховский посчитал наиболее подходящими для изложения читателям.

Отказ Тарновского от вооруженной и подпольной борьбы за независимость, более того, осуждение им такого рода действий, несмотря на укоры в отсутствии патриотизма, критика им польского общества и мессианизма, возвеличивавшего польский народ и наделявшего его статусом «невинной» жертвы – все это виделось Здзеховскому как «отрезвление» польского общества после Январского восстания. «Европа окончательно покинула Польшу»²⁵⁷, – этот тезис Здзеховский считал исходным в рассуждениях Тарновского и его единомышленников, полякам оставалось только «познать свои грехи и недостатки и исправиться от них»²⁵⁸. Вместе с тем в историософском видении Здзеховского на данном этапе не отрицался предшествующий мессианизм, скорее он дополнялся, очищаясь от мистицизма: «чем более обнаруживались слабые стороны увлечений Мицкевича, тем победоноснее сиял Красиньский, указавший Польше на первых христиан как

²⁵¹ Юлиан фон Дунаевский (1822–1907) – польский и австро-венгерский политик. Министр финансов в 1880–1891 гг.

²⁵² Юлиан Клачко (1825–1906) – польский и австро-венгерский политик, публицист, историк искусства.

²⁵³ Люциан Семеньский (1807–1877) – польский поэт, писатель и переводчик.

²⁵⁴ Станислав Козьмян (1836–1922) – польский писатель, публицист, один из составителей «Папки Станьчика».

²⁵⁵ Валериан Калинка (1826–1886) – польский священник, историк, деятель консервативного крыла польской эмиграции.

²⁵⁶ О Тарновском см. подробнее: *Stachura-Lupa R. Poglądy ideowo-estetyczne Stanisława Tarnowskiego*. Kraków, 2016.

²⁵⁷ Урсин М. Религиозно-политические идеалы... С.12.

²⁵⁸ Там же. С. 13.

на единственный пример достойный подражания»²⁵⁹. В конце концов, Здзеховский впервые познакомился с творчеством Красиньского именно благодаря литературоведческим трудам Тарновского, что сформировало в его сознании прочную связь между этими двумя личностями.

Последний этап в развитии польской национально-патриотической идеи Здзеховский связывал с творчеством Юрия Мошиньского²⁶⁰, во взглядах которого можно проследить синтез идей двух предыдущих этапов.

В вопросе об отказе от подготовки к новому вооруженному восстанию позиция Мошиньского совпадала с мнением «станьчиков». Здзеховский приводил следующие слова Мошиньского: «Кто считает [...] политическую независимость высочайшей целью [...] теперь, когда сто лет бедствий и горя доказали, что эта высочайшая цель есть самое страшное орудие для сокрушения народного блага, тот нагло грешит против Святого Духа»²⁶¹. С другой стороны, Мошиньский, подобно поэтам-мессианистам, верил в особую роль, уготованную Богом польскому народу: «Они (поляки. – *И.Е.*) не умели сохранить политической независимости, потому что Бог назначил им иную цель [...] среди тысячелетних трудов и страданий достаточно выяснилась и закалилась их духовная индивидуальность, и именно ею, стремясь ее развивать в христианском направлении, они могут принести пользу всему человечеству, и прежде всего тем народам, с которыми они связаны ныне»²⁶². Мошиньский призывал отвергнуть политические амбиции и заниматься истинно христианским трудом: «необходимо прежний идеал борьбы за отечество заменить новым, более высоким и более трудным христианским идеалом»²⁶³. Суть этого идеала заключалась в нравственном совершенствовании и деятельности в духе «органического труда».

²⁵⁹ Там же. С. 14.

²⁶⁰ Ежи (Юрий) Мошиньский (1847–1924) — польский публицист, писатель

²⁶¹ *Урсин М.* Религиозно-политические идеалы... С. 22.

²⁶² Там же. С. 25–26.

²⁶³ Там же. С. 28.

Мошиньский сам стремился придерживаться пропагандируемых принципов: так, после окончания университета он отказался от карьеры в Галиции, предпочел вернуться в свое имение в Привислинском крае и заняться земледелием.

В «Идеалах» нашли свое отражение основные принципы, которыми руководствовался Здзеховский. Это в первую очередь христианская мораль, которая должна определять политику. На этом основании Здзеховского вполне можно назвать христианским моралистом. Вместе с тем, следует обратить особое внимание, что для Здзеховского христианство и патриотизм были двумя неотделимыми друг от друга ценностями, в этом, что важно, состоит принципиальное отличие его позиции от позиции Толстого.

Только в Польше Здзеховский находил воплощение истинно христианских начал, демонстрируя, что польская общественная мысль на протяжении всего XIX в., переживая разные этапы своего развития, тем не менее всегда основывалась на христианской этике.

Христианское вероучение играло в жизни Здзеховского весомую роль, что подтверждают прощальные слова его друга и ученика Вацлава Ледницкого над гробом ученого: «Ушел человек глубоко религиозный, глубоко религиозный католик. Религиозность Здзеховского исключительна, особенно у нас. Религия была важнейшей сущностью его души и сущность его обязывала. Религия не только оказывала Здзеховскому свою извечную помощь, благодаря которой он мог пережить тайну бытия, она была стихией, формирующей всю его жизнь, и стихией – в его понимании – придающей смысл народному бытию»²⁶⁴.

Религия и Бог были для Здзеховского основным моральным и этическим ориентиром, на которые опирался он, и должно было опираться общество. Несмотря на это, Здзеховский не был клерикалом²⁶⁵, он находился в постоянных

²⁶⁴ Цит. по: *Опацкий З.* Мариан Здзеховский – Вацлав Ледницкий... С. 193.

²⁶⁵ Примечательно, что говоря о религиозных направлениях польской общественной жизни периода между двумя восстаниями, Здзеховский обходил стороной феномен «Общества Воскресения Господня» – объединения польских эмигрантов, занимавших ярко выраженные клерикальные позиции. Польский историк XIX в. А. Гиллер писал об этой организации: «Для них перворазрядной задачей стала защита ... церкви, а защита Родины только второстепенной. Поэтому независимость, национальность, политические и социальные реформы лишь поскольку

религиозных поисках, результатом которых стал интерес Здзеховского к католическому модернизму²⁶⁶.

Католический модернизм конца XIX – начала XX вв. не был организованным течением религиозной мысли, он имел свои особенности в разных странах; так, Воронцова выделяет три формы христианского модернизма: теологическую (Франция), социальную (Италия) и моральную (Польша в лице Здзеховского)²⁶⁷. Сам Здзеховский разделял модернизм на либеральный, неофилософский и морально-догматический²⁶⁸.

В современной историографии сложился консенсус по поводу отношения Здзеховского к католическому модернизму. Воронцова и Рогальский рассматривают его как самого известного и влиятельного представителя данного течения в Польше.

признавались этой доктриной, поскольку они помогали интересам Рима и служили папам». *Giller A. Historia powstania narodu polskiego w 1861–1864 r. T. 3. Paryż. 1870. S. 137.* – Маловероятно, что польский автор не был знаком с деятельностью данного общества, скорее можно предположить, что Здзеховского отталкивал клерикализм «воскресенцев». О «воскресенцах» подробнее см.: *Фалькович С.М.* Религиозные течения в польской эмиграции на фоне подъема национально-освободительного движения в Польше в 50–60-е гг. XIX в. // *Studia polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева.* М.: Индрик, 2002. С. 49–59.

²⁶⁶ В отечественной историографии исследованием католического модернизма и связи с ним Здзеховского занимается И.В. Воронцова. См., например: *Воронцова И.В.* «Мы живем на повороте мировой истории...»: Вопросы христианского модернизма в переписке «неохристиан» и «неокатолика» М.Э. Здзеховского // *Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви.* 2011. Вып. 2 (39). С. 35–47; *Ее же.* Статья «неокатолика» М.Э. Здзеховского «Модернистское движение в Р.-К. Церкви» как источник по римо-католическому модернизму: опыт критического анализа // *Вопросы философии.* 2017. № 2. С. 140–153; *Ее же.* Модернизм (1890–1914) в Римско-Католической Церкви и путь в нем Альфреда Луази // *Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.* 2017. № 8. С. 315–331; *Ее же.* Церковный модернист профессор М.Э. Здзеховский и его апология христианской веры. По материалам сочинений и корреспонденции 1890–1908 годов // *Вопросы теологии.* 2025. № 2. С. 304–322; *Ее же.* Польский модернизм, которого «не было»: особенности, направления, участники // *Российский журнал истории церкви.* 2025. № 6(1). С. 51–61. В польской историографии католический модернизм Здзеховского был предметом исследований Михала Рогальского: *Rogalski M. Marian Zdziechowski a Katolicka moderna. Na tropie związków polskiego i czeskiego modernizmu katolickiego* // *Studia z Historii Filozofii.* 2014. N 5 (1). S. 95–109; *Idem.* Producent Margaryny? Marian Zdziechowski i polski modernizm katolicki. Kraków, 2018.

²⁶⁷ *Воронцова И.В.* Польский модернизм, которого «не было»... С. 53.

²⁶⁸ *Воронцова И.В.* Церковный модернист профессор М.Э. Здзеховский и его апология христианской веры. По материалам сочинений и корреспонденции 1890–1908 годов // *Вопросы теологии.* 2025. № 2. С. 316.

Здзеховский действительно находился под влиянием таких западных авторов, как Люсьен Лабертоньер²⁶⁹, Морис Блондель²⁷⁰, Джордж Тиррел²⁷¹, Эрнест Элло²⁷². Польский мыслитель имел тесные контакты с чешскими сторонниками католического модернизма²⁷³. В 1905 г. он выпустил брошюру «*Pestis perniciosissima*»²⁷⁴, в которой поддержал либеральное направление в католицизме²⁷⁵.

Тем не менее, кажется некорректным воспринимать позицию Здзеховского как рецепцию западных идей²⁷⁶. Его религиозные поиски были неотделимы от национальных и патриотических, в современных ему западных течениях он находил отголоски родных, хорошо понятных ему идей польского мессианизма, например, прямо указывая на сходство идеалов «современных представителей католицизма» с идеалами Товяньского²⁷⁷. В 1915 г. в публичном докладе

²⁶⁹Люсьен Лабертоньер (1860–1932) – французский священник, теолог, деятель модернистского движения.

²⁷⁰Морис Блондель (1861–1949) – французский религиозный философ.

²⁷¹Джордж Тиррел (1861–1909) – англо-ирландский католический священник, теолог, один из лидеров модернистского движения. Здзеховский состоял с ним в переписке. Перевод одного из писем Тиррела Здзеховскому опубликован И.В. Воронцовой: *Воронцова И.В. «Заколдованный круг русского сознания»*. Проблемы социально-религиозного поиска в православной России второй половины XIX – начала XX века. М., СПб, 2019. С. 894–896. О Лабертоньере, Блонделе и Тирреле Здзеховский писал в своей книге «Пессимизм, романтизм и основы христианства» в контексте новых течений католической мысли: *Zdziechowski M. Pesymizm, romantyzm a podstawy chrześcijaństwa*. Т. 2. Kraków, 1915. S. 219–369.

²⁷²Эрнест Элло (1828–1885) – французский писатель, мистик. Здзеховский отмечал влияние на него это автора в ходе переписки с Л.Н. Толстым. *Białokozowicz B. Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj*. Białystok: Łuk, 1995. S. 119.

²⁷³*Rogalski M. Marian Zdziechowski a Katolická moderna. Na tropie związków polskiego i czeskiego modernizmu katolickiego // Studia z Historii Filozofii*. 2014. N 5 (1). S. 95–109. Здзеховский публиковался на страницах ежемесячника чешских модернистов «Новы живот» (*Nový život*). *Zdziechowski M. Idea katolická ve společnosti Polské // Nový život*. 1902. N. 6. S. 181–184; *Idem. Idea katolická ve společnosti Polské // Nový život*. 1902. N. 7. S. 213–218.

²⁷⁴*Zdziechowski M. «Pestis perniciosissima»: rzecz o współczesnych kierunkach myśli katolickiej*. Warszawa, 1905. Данная брошюра была встречена позитивными откликами в среде западных модернистов. *Воронцова И.В. «Заколдованный круг русского сознания»...* С. 894–896.

²⁷⁵Здзеховский также возлагал надежды на нового папу Пия X (1903–1914), который по его мнению, мог сыграть примирительную роль. *Zdziechowski M. «Pestis perniciosissima»...* S. 86–95. Однако папа вскоре издал энциклику «*Pascendi Dominici Gregis*», в которой осудил модернизм.

²⁷⁶*Воронцова И.В. Польский модернизм, которого «не было»: особенности, направления, участники // Российский журнал истории церкви*. 2025. N 6(1). С. 59.

²⁷⁷*Здзеховский М. О польском религиозном сознании*. М., 1915. С. 25.

Здзеховский заявлял, что «вопрос о характере религиозности в Польше превращается в вопрос об отношении патриотизма к религии»²⁷⁸.

Будучи идеалистом, Здзеховский видел основную проблему современного общества, в том числе польского, в доминировании «материализма». В письме Толстому он подчеркивал, что в своей литературной деятельности он «последовательно изобличал материализм во многих его проявлениях»²⁷⁹. Одним из таких проявлений материализма, с точки зрения Здзеховского, было отношение многих поляков к церкви, особенно после 1863 г., когда католицизм стал «инструментом», частью национальной идеологии, «в результате их религиозность приобрела материалистический оттенок, а это означало, что преобладало благоговение перед формой»²⁸⁰. По мнению Здзеховского, это было следствием как трагических событий Январского восстания, когда церковь стала «единственной опорой в ужасном кризисе», так и результатом распространения позитивизма, в котором не уделялось достаточного внимания Богу. «Истинный, хорошо понятый позитивизм не игнорирует никаких признаков, которые приносит жизнь [...] поэтому он не осуждает эмоциональную сторону человеческой природы, полностью доверяя пылким желаниям сердца. Однако, поскольку некоторые объекты этих желаний – Бог, бессмертие – не поддаются восприятию чувствами, они исключены из сферы позитивистских исследований»²⁸¹. Здзеховский признавал заслуги позитивизма в научной и политической сфере, однако «позитивистская внерелигиозность», с его точки зрения, искоренила стремление к нравственным идеалам, в том числе и патриотизму. Таким образом, Здзеховскому было недостаточно того, что католическая церковь выполняла роль патриотического символа, ему было важно, чтобы польское общество было проникнуто «истинно» христианским духом²⁸².

²⁷⁸ Там же. С. 4.

²⁷⁹ Здзеховский М. Письмо Льву Толстому // Новая Польша. 2003. № 7–8. С. 60.

²⁸⁰ *Zdziechowski M. Szkice literackie.* Warszawa, 1900. S. 147.

²⁸¹ *Ibidem.* S. 14.

²⁸² Примечательно, что Здзеховского, тем не менее, не обошли обвинения в клерикализме, примером этому служит сообщение в русском панславистском журнале «Славянский век», где воззрения краковского профессора именуются «клерикально-католическими», однако эта оценка

Примерами практической патриотической христианской деятельности для Здзеховского были Станислав Щепановский²⁸³ и Винценты Лютославский²⁸⁴. Будучи противником материализма, Здзеховский усмотрел в разносторонней деятельности Щепановского примирение духовного и материального начал. Он писал, что Щепановский представлял собой «удивительный, вряд ли возможный среди других народов образец человека, сумевшего внести идею служения высшей религиозной правде в чуждую ей с виду область “промышленности, техники, финансов”»²⁸⁵.

Лютославский был организатором общества «эльсов» («Eleuzis»)²⁸⁶, члены которого стремились к нравственному совершенствованию и воздержанию от табака, крепких напитков, карточных игр и т.п.²⁸⁷. Здзеховский стал куратором группы «эльсов», образовавшейся при Ягеллонском университете²⁸⁸. Польский мыслитель видел в деятельности Щепановского и Лютославского попытку воплотить идеалы польского мессианизма в жизнь, и можно предположить, что именно с подобного рода начинаниями Здзеховский связывал надежды на будущее духовное обновление польского общества.

Нельзя не обратить внимания на социальный статус избранных Здзеховским персоналий, все они принадлежали к шляхетскому сословию. Говоря о Мошиньском, Здзеховский подчеркивал его воспитание и происхождение: «Сын Петра Мошиньского, человека умного и влиятельного, притом глубоко уважаемого за чистоту характера и за многочисленные страдания [...] окруженный с детства

очевидно служит скорее желанию подчеркнуть вероисповедание Здзеховского и его бóльшую симпатию к славянам-католикам. Славянский век. 1902. N 65. С. 530.

²⁸³ Станислав Щепановский (1846–1900) — польский химик, инженер, предприниматель, политик, писатель. См. работы Щепановского, например: *Szczepanowski S. Nędza Galicyi w cyfrach i program energicznego rozwoju gospodarstwa krajowego*. Lwów, 1888; *Idem. Myśli o odrodzeniu narodowem*. Lwów, Warszawa, 1923.

²⁸⁴ Винценты Лютославский (1863–1954) — польский философ, специалист по античной философии.

²⁸⁵ Здзеховский М. О польском религиозном сознании... С. 28.

²⁸⁶ Об «эльсах» см.: *Podgórska T. Stowarzyszenie patriotyczno-religijne Eleusis w latach 1902–1914*. Lublin, 1999.

²⁸⁷ Здзеховский М. О польском религиозном сознании... С. 29.

²⁸⁸ *Opacki Z. W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny: myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego do 1914 roku*. Gdańsk, 1996. S. 102.

лучшими представителями польского общества [...] молодой Юрий Мошиньский получил строго нравственное и вместе с тем патриотическое воспитание»²⁸⁹.

На основании приводимых Здзеховским примеров возникает образ настоящего, с его точки зрения, польского патриота: это человек благородного происхождения, для которого христианская мораль стоит превыше политических амбиций. Одной из добродетелей, которая не раз упоминалась Здзеховским, являлся аскетизм. Например, о Щепановском он писал: «Но эта (промышленная. – *И.Е.*) деятельность служила ему (Щепановскому. – *И.Е.*) и его сподвижникам средством не к личному обогащению, но к поднятию материального и духовного благосостояния народа. Обращая миллионами, они вели аскетический образ жизни и отказывали себе и своим семействам даже в необходимом»²⁹⁰. В данном случае очевидно прослеживается влияние личного опыта Здзеховского, который в письме Л.Н. Толстому делился своими переживаниями: «С юных лет я тяготился своей материальной обеспеченностью, заключающейся в том, что мои родители были в состоянии издерживать на мое воспитание 600–800 руб. в год. Это чувство развивалось во мне и усиливалось под впечатлением того, что и в гимназии, и в университете я был обыкновенно окружен товарищами, которые были гораздо беднее меня и часто нуждались даже в необходимом»²⁹¹. В воспоминаниях Здзеховский, в частности, отмечал среди прочих положительных качеств своего преподавателя Ореста Миллера аскетизм²⁹².

Опацкий определяет Здзеховского как консерватора²⁹³, с чем можно согласиться, но с оговоркой, что он не относился к «краковским консерваторам» как к политической группировке. Помимо прочего, о консерватизме Здзеховского говорило его отрицательное отношение к социалистическому движению²⁹⁴. Он

²⁸⁹ Урсин М. Религиозно-политические идеалы... С. 23–24.

²⁹⁰ Здзеховский М. О польском религиозном сознании... С. 27–28.

²⁹¹ Здзеховский М. Письмо Льву Толстому // Новая Польша. 2003. № 7–8. С. 59.

²⁹² Zdziechowski M. U opoki mesyanizmu: nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich. Lwów, 1912. S. 52.

²⁹³ Opacki Z. W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny: myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego do 1914 roku. Gdańsk, 1996. S. 59–104.

²⁹⁴ О социалистическом движении в польских землях см. например: Фалькович С.М. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907–1912). М., 1975. 382 с.; Булахтин

рассматривал популярность социалистических идей как одно из следствий общественного кризиса, наступившего после 1863 г., когда, «перестав верить в восстановление Польши и презирая при этом утилитарную политику, все живое и страстное в рядах молодежи» было «готово ринуться в объятия социализма»²⁹⁵. Социалистическое учение, основанное на материализме, и выступавшее против религии, имеет очевидно отрицательную оценку в работах Здзеховского, «социалистические увлечения» являлись тем, от чего, по мнению польского автора, надо «спасти» молодое поколение поляков²⁹⁶, и с чем успешно, с его точки зрения, справлялся, например, Щепановский, который «умел вдохновить (работников. – *И.Е.*) своей верой в польское национальное откровение», и поэтому «социалистическая пропаганда, захватывавшая всю Галицию, не находила доступа к ним»²⁹⁷.

Вместе с тем стоит отметить, что Здзеховский находился под влиянием философии В.С. Соловьева, который также был сторонником нравственного христианского подхода в политике. Так, Соловьев в книге «Великий спор и христианская политика» (1883) писал: «Смеем думать, что истинный патриотизм согласен с христианской совестью, что есть другая политика кроме политики интереса...»²⁹⁸. Соловьеву также были свойственны мессианские представления²⁹⁹. А.А. Тесля, анализируя отношение Соловьева к русскому «национализму», выделяет несколько периодов, первый из которых он именует «славянофильским» и связывает его с локализацией универсального начала в русском³⁰⁰. Схожая

М.А. Принципы и компромиссы: эволюция взаимоотношений «Краковских консерваторов» и польских социалистов Австро-Венгрии в начале XX века // Вестник ЧелГУ. 2008. № 34. С. 84–89; *Его же.* Краковские консерваторы и польские демократы в начале XX века: от конкуренции к партнерству // Вестник Пермского университета. Серия «История и политология». 2007. № 3 (8). С. 24–34.

²⁹⁵ *Урсин М.* Религиозно-политические идеалы... С. 28.

²⁹⁶ Там же. С. 28.

²⁹⁷ *Здзеховский М.* О польском религиозном сознании... С. 28.

²⁹⁸ *Соловьев В.С.* Великий спор и христианская политика. М., 1883. С. 5.

²⁹⁹ О мессианизме в творчестве В.С. Соловьева см. подробнее: *Твердислова Е.С.* Владимир Соловьев. Мессианство: Идея - модель - завет - символ // Вестник культурологии. 2021. № 1 (96). С. 140–162.

³⁰⁰ *Тесля А.А.* Вл. Соловьев в спорах о национализме и национальном вопросе // Соловьев В.С. Национальный вопрос в России / сост. и вступит. ст. А.А. Тесля. М., 2018. С. XVIII.

локализация универсального, то есть христианского начала, но в польском, характерна и для Здзеховского.

Патриотические представления и мировоззрение Здзеховского дают возможность причислить его к неомессианистам. Тему неомессианизма в конце XIX – начале XX вв. можно считать достаточно разработанной в современной историографии³⁰¹, наибольший вклад в ее изучение в последние годы внес Лешек Гавор, который предложил выделять такое идейное направление, как «галицийский неомессианизм». Основная суть данного течения – обращение к идеалам эпохи романтизма, прежде всего применительно к философии истории. Среди причин распространения данного течения Гавор называет реакцию на развитие краковской исторической школы с ее критическим отношением к польской истории и «принижением значения польского народа», неприятие позитивистской критики романтической идеологии, а также живучесть таких понятий, как «нация», «душа нации», «историческая миссия» и др., которые позитивизм не смог обесценить³⁰².

Гавор подчеркивает, что «галицийский неомессианизм» не был представлен однородной группой, объединенной единой идеологией³⁰³, в связи с этим деятели, которых он относит к неомессианистам, при более детальном рассмотрении могли иметь довольно разные взгляды. Кроме того, Гавор выделяет как минимум три поколения неомессианистов, указывая 1930-е гг. как верхнюю хронологическую границу: первое поколение – Стефан Буцинский³⁰⁴, Станислав Щепановский, Войцех Дзедушицкий³⁰⁵, Анджей Болеский (Баумфельд)³⁰⁶; второе поколение –

³⁰¹ О неомессианизме см.: *Sojka M. Neomesjanizm recepcja Cieszkowskiego. Wrocław, 1986; Ratajska K. Neomesjanistyczni spadkobiercy Mickiewicza. Łódź, 2010. 222 s.; Gawor L. Filozofia w Galicji. Wprowadzenie // Galicja. Studia i materiały. Rzeszów. 2016. N 2. S. 11–23.* – Понятие «неомессианизм» также используется в исследованиях при рассмотрении более поздних попыток обратиться к мессианской традиции, в том числе современных, см.: *Sapiński A. The importance of messianic literature in relation to the neo-messianic view of contemporary security of Poland – selected issue // Humanum. Międzynarodowe Studia Społeczno-Humanistyczne. 2018. N. 30(3). P. 13–17.*

³⁰² *Gawor L. Galician neomessianism // Galicja. Studia i materiały. Rzeszów. 2019. N. 5. S. 13–14.*

³⁰³ *Ibidem. S. 15.*

³⁰⁴ Стефан Буцинский (1821–1892) – польский писатель и публицист, участник Январского восстания.

³⁰⁵ Войцех Дзедушицкий (1848–1909) – польский политик, философ, историк искусства и писатель.

³⁰⁶ Анджей Болеский (Баумфельд) (1877–1965) – польский историк литературы, публицист.

Артур Гурский³⁰⁷, Антони Холоневский³⁰⁸; третье поколение, проявившее себя уже в межвоенной Польше – Винценты Лютославский. В качестве примера расхождения во взглядах среди представителей неомессианизма можно отметить разное отношение к классикам польского мессианизма, в частности к Товяньскому. Болеский был его ярким сторонником и популяризатором его философии³⁰⁹, в то время как Дзедушицкий считал, что товянизм скорее искажал мессианизм, зародившийся до него³¹⁰.

Стоит отметить, что определение «галицийский» также очень условно, деятельность упомянутых Гавором мыслителей действительно была связана с Галицией, однако это следует рассматривать как результат автономии, которая создавала условия для привлечения поляков из разных уголков бывшей Речи Посполитой. Например, Стефан Буциньский был выходцем из Российской империи, где получил образование, участвовал в Январском восстании, эмигрировал во Францию и только последние несколько лет своей жизни провел в австрийской Польше. Галиция, таким образом, не столько формировала неомессианистский взгляд на национальную идею, сколько давала возможность для его выражения. Работы, которые Гавор выделяет у Буциньского, были написаны именно в недолгий период его пребывания в Галиции³¹¹.

С неомессианизмом было тесно связано явление в искусстве и литературе, получившее название «Молодая Польша»³¹², сторонники и участники которого обращались к романтической традиции, но в ее художественной части³¹³. Представителей «Молодой Польши»³¹⁴ также можно отнести к неомессианистам,

³⁰⁷ Артур Гурский (1870–1959) – польский писатель, публицист, первым описал движение в литературе и искусстве, получившее название «Молодая Польша»

³⁰⁸ Антони Холоневский (1872–1924) – польский журналист и публицист.

³⁰⁹ Baumfeld A. Andrzej Towiański i towianizm. Zarys chwili i postaci. Kraków, 1908.

³¹⁰ Dzeduszycki W. Mesjanizm Polski a prawda dziejów. Kraków, 1901. S. 11–12.

³¹¹ Buszczyński S. Znaczenie dziejów Polski i walki o niepodległość. Poznań, 1882. 378 s.; *Idem*. Słowiańska sprawa. Polska i prawa narodów. Kraków, 1884.

³¹² Подробнее см.: Wyka K. Młoda Polska. Vol. 1–2. Kraków, 1977.

³¹³ См.: Weiss T. Romantyczna genealogia polskiego modernizmu. Rekonesans. Warszawa, 1974.

³¹⁴ См. подробнее о литературе позитивизма и «Молодой Польши»: Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut». T. 13–16: Literatura pozytywizmu i Młodej Polski. Warszawa; Wrocław, 1970–1982.

хотя Гавор в своем исследовании рассматривает неомессианизм как общественно-политическую идеологию.

Можно заметить, что к числу представителей «галицийского неомессианизма» современный польский философ относит среди прочих таких повлиявших на Здзеховского деятелей как Щепановского и Лютославского. Что касается самого Здзеховского, Гавор не причисляет его к неомессианистам в узком смысле слова, однако допускает возможность такой трактовки его творчества, относя Здзеховского к категории мыслителей, имевших «в своих текстах отрывки, характерные для мышления в русле мессианских моделей»³¹⁵, но не выдвигавших мессианскую тематику на первый план. Другие исследователи склонны рассматривать Здзеховского скорее как католического философа. Так, Марек Сойка при анализе рецепций идей Чешковского³¹⁶ выделяет три вида рецепции: неомессианскую, позитивистскую и католическую, относя Здзеховского к последнему³¹⁷. Тем не менее, обращая внимание на идейную неоднородность «галицийского неомессианизма», не представлявшего собой идеологически цельной группы, кажется возможным отнесение Здзеховского к данному течению. Гавор отмечал, что «неоромантики показали потребность в иррациональных мифах и идеях для функционирования социального порядка»³¹⁸, что также позволяет рассматривать представления Здзеховского о роли религии в национальной жизни как проявление «неомессианизма».

Национально-патриотические представления Здзеховского можно сравнить, например, со взглядами Дзедушицкого, который писал: «И вот [...] во мне наконец возникла мысль, по сути ничем не отличающаяся от учения польского мессианизма. Здесь нет сравнения Польши с Христом, нет ожидания чуда, нет надежды на скорое возрождение родины, вызванное внезапным упадком современных государств, [...]

³¹⁵ Gawor L. Galician neomessianism... S. 28.

³¹⁶ Август Чешковский (1814–1894) — польский философ, экономист и общественно-политический деятель эпохи романтизма.

³¹⁷ Pieróg S. Neomesjanizm a recepcja Cieszkowskiego // Edukacja Filozoficzna. 1983. Vol. 3. S. 311–315.

³¹⁸ Gawor L. Galician neomessianism... S. 14.

нет еретического смещения и мистицизма [...] Но есть убеждение, что задача Польши – привнести политическую и социальную мораль в историю, что это провиденциальное призвание нашего народа»³¹⁹. Дзедушицкий, обращаясь к идеалам эпохи романтизма, отвергал мистицизм и вольные трактовки христианского учения, он также видел задачу поляков в сохранении и распространении морали в политике. Данные мысли Дзедушицкого имеют очевидное сходство с идеями Здзеховского, что дает возможность считать их представителями одного направления³²⁰.

Говоря о связи Здзеховского с неомессианизмом, необходимо указать на его интерес к упомянутому художественному направлению «Молодая Польша», в своих литературоведческих эссе он высоко оценивал³²¹ Казимира Пшерву-Тетмайера³²² и Станислава Пшибышевского³²³. Участником «Молодой Польши» являлся Тадеуш Мичиньский, который, испытывая влияние Мицкевича и других деятелей классического мессианизма, был сторонником особой миссии славян и был склонен к панславизму³²⁴.

Творчество Мариана Здзеховского органично сочетало в себе философские, религиозные, литературоведческие и публицистические аспекты – и именно эта многогранность определила его взгляд на польскую патриотическую идею. По его убеждению, она заключалась в моральном и духовном возрождении Польши через обращение к христианской этике и морали, которые, как он считал, всегда лежали в основе польской национальной мысли, но во второй половине XIX в. были

³¹⁹ *Dzieduszycki W.* Mesjanizm Polski a prawda dziejów. Kraków, 1901. S. 128. О Войцехе Дзедушицком см.: *Daszyk K.K.* Osobliwy podolak: w kręgu myśli historiozoficznej i społeczno-politycznej Wojciecha hr. Dzieduszyckiego. Kraków, 1993; *Michalska-Bracha L.* Wojciech Dzieduszycki wobec oceny powstania styczniowego i polskich dziejów porzecznych. Wokół debaty nad dziełem Stanisława Koźmiana. Rzecz o roku 1863 // *Galicja. Studia i materiały*. Rzeszów. 2019. N. 5. S. 130–150.

³²⁰ Здзеховский обращался к творчеству Дзедушицкого, но уже в межвоенный период. *Zdziechowski M.* Europa, Rosja, Azja : szkice polityczno-literackie. Wilno, 1923. S. 5–34.

³²¹ *Zdziechowski M.* Szkice literackie. Warszawa, 1900. S. 5.

³²² Казимеж Пшерва-Тетмайер (1865–1940) — польский поэт, писатель.

³²³ Станислав Пшибышевский (1868–1927) — польский писатель, эссеист.

³²⁴ *Flis-Czerniak E.* Panslawizm czy panrusycyzm?, czyli „Słowiańszczyzna à la fourchette”. O idei jedności słowiańskiej w twórczości Tadeusza Micińskiego // *Panslawizm wczoraj, dziś, jutro*. Siedlce, 2016. S. 133–145.

оттеснены на второй план под влиянием позитивистского мировоззрения. Взгляды Здзеховского развивались в общем русле польского неомессианизма конца XIX – начала XX вв., представители которого искали национальную идею и историческую миссию в духе классического мессианизма. Однако, как и другие неомессианисты, Здзеховский испытал влияние позитивистской доктрины, что проявилось в его стремлении к рациональному осмыслению мессианских идей и в отсутствии мистицизма и милленаризма в строгом смысле этого слова.

1.3. Патриотическая деятельность Здзеховского как культурное посредничество между Польшей, Россией и славянством

Ключевым тезисом Здзеховского стала неразрывная связь патриотизма с христианской этикой. Однако он был не только теоретиком, но и практиком, и его деятельность можно разделить на две взаимосвязанные области. Первая, главная, была связана с достижением русско-польского согласия. Близко знакомый с русской культурой и испытавший ее заметное влияние, Здзеховский стремился стать посредником между польской и русской интеллектуальной средой. Он поднимал в русской публицистике вопросы, важные для поляков, но при этом старался избегать прямого антагонизма с русской стороной. Вторая область – участие в общеславянских инициативах и налаживании связей с другими родственными славянскими народами, однако его работа на почве славянской взаимности скорее была подчинена стремлению построить культурные и общественные мосты между русским и польским народами.

Интерес к славянским народам, который Здзеховский испытывал с университетских или даже школьных времен, не ограничивался строго научной сферой, исследование психологии и истории славян было для него ключом к решению современных конфликтов и пониманию их истоков. Сам польский мыслитель критически оценивал свою академическую деятельность в период 1880–1890-х: «Я крайне апатичен к науке – я читаю и пишу, но без всякого желания [...] с таким настроением я не смогу совершить никаких научных “открытий”, тем более

что у меня мало способностей [...] я никогда не создам собственной школы»³²⁵. Сомнения Здзеховского в своих способностях добиться успеха на ниве академической науки толкали его на путь совмещения научных поисков и общественно-политической публицистики: «моя область – критика, а точнее тот ее вид, в котором преуспевают французы – так называемое эссе. Моя магистерская диссертация не будет в своей сути строго научной работой»³²⁶.

В таком направлении Здзеховский и вел свою публицистическую деятельность в 1890-х гг., параллельно участвуя в жизни местных краковских интеллектуальных кругов. В 1891 г. по инициативе Феликса Конечного было основано Краковское литературное объединение³²⁷. Здзеховский в 1893 г. стал его вице-президентом, а в 1894 г. – председателем³²⁸, что вдохнуло новую жизнь в организацию, находившуюся в состоянии застоя, объединение стало открытым для современной литературы. Основной сферой его деятельности была организация докладов и издание с 1896 г. журнала «Пшеглэнд литераци» (*Przegląd Literacki*). Францишек Зейка связывает угасание и закрытие организации в 1899 г. с ростом конкуренции (прежде всего, со стороны литературного журнала Пшибышевского «Жиче» (*Życie*)) в области литературной критики и устареванием формата объединения³²⁹.

Здзеховский также активно участвовал в неформальных встречах, организуемых представителями краковских интеллектуалов. Вильгельм Крейзенах³³⁰ инициировал проведение собраний профессуры, которые переросли в дискуссионный клуб, получивший название «Современники» (*Die Zeitgenossen*)³³¹, в его заседаниях принимали участие Казимир Моравский, Мариан Соколовский,

³²⁵ Цит. по: *Opacki Z. W kręgu Polski...* S. 50.

³²⁶ Цит. по: *Opacki Z. W kręgu Polski...* S. 50.

³²⁷ См. подробнее: *Ziejka F. Związek Literacki w Krakowie (1891–1899) // Zarządzanie w Kulturze.* 2012. T. 13. N 1. S. 77–86.

³²⁸ *Opacki Z. W kręgu Polski...* S. 67.

³²⁹ *Ziejka F. Związek Literacki...* S. 85–86.

³³⁰ Вильгельм Михаэль Антон Крейзенах (1851–1919) – немецкий историк литературы, профессор Ягеллонского университета.

³³¹ См. подробнее: *Estreicher S. Znaczenie Krakowa dla życia narodowego polskiego w ciągu XIX wieku: odczyt wypowiedziany w «Klubie Społecznym» w dniu 21 października 1931 roku. Kraków, 1931. S. 33–35.*

Наполеон Цибульский, Станислав Смолька, Ян Лось³³² и другие³³³. Крейзенах, родившийся и получивший школьное образование во Франкуфурте-на-Майне, а после обучавшийся в Геттингене, демонстрировал на своем примере привлекательность Ягеллонского университета не только для поляков из разных областей, но и для прочих европейцев.

Здзеховский стал участвовать в собраниях, более того, со временем дом польского мыслителя стал одним из мест проведения таких встреч. «Салон» Здзеховского отличался своей открытостью, его посещали люди независимо от их политических и социальных взглядов³³⁴. Доказательством этого может служить частое присутствие в его доме Вильгельма Фельдмана³³⁵. Здзеховский также бывал в салоне отца и теток Казимира Моравского³³⁶ и доме Северов³³⁷, где, по воспоминаниям Адама Гжималы-Седлецкого³³⁸, регулярно происходили стычки между «традиционалистом» Здзеховским и «радикалом» Бодуэном де Куртенэ³³⁹. Однако консервативные взгляды Здзеховского скорее соответствовали общему

³³² Ян Лось (1860–1928) – польский славист, профессор и ректор Ягеллонского университета (1925–1926).

³³³ *Opacki Z.* W kręgu Polski... S. 68.

³³⁴ О роли подобных собраний как институтов буржуазной публичной сферы, где социальный статус уступал место авторитету аргумента см.: *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2017. С. 82–97. – Стоит отметить, что Хабермас пишет преимущественно об обществе XVII–XVIII вв., однако предлагаемые им категории сохраняют аналитическую ценность и для описания краковских салонов конца XIX в.

³³⁵ Вильгельм Фельдман (1868–1919) – польский публицист, критик и историк. Был выходцем из еврейской семьи, в его публицистике активно освещался «еврейский вопрос»; кроме того, Фельдман придерживался социалистических взглядов, в 1901–1914 гг. был редактором журнала «Критика» (*Krytyka*), связанного с «Молодой Польшей».

³³⁶ *Morawski K.* Kraków przed trzydziestu laty. Warszawa, 1932. S. 44.

³³⁷ Север – псевдоним Игнатия Мацеевского (1835–1901), польского писателя и критика. См. подробнее: *Smak S.* Sewer Maciejowski: Życie i twórczość. Opole, 1971. 278 s.; *Ziętek-Salwik A.* Ignacy Sewer Maciejowski w środowisku artystycznym Krakowa // *Rocznik Kolbuszowski*. 2011. T. 11. S. 17–63.

³³⁸ Адам Францишек Юзеф Гжимала-Седлецкий (1876–1967) – польский литературный и театральный критик, писатель.

³³⁹ *Grzymala-Siedlecki A.* Niepospolici ludzie w dniu swoim powszednim. Kraków, 1962. S. 46–47; *Ziętek-Salwik A.* Ignacy Sewer Maciejowski... S. 29. – Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) – российский и польский ученый-лингвист, долгое время преподававший в Петербургском и Казанском университетах, политический деятель, кандидат в президенты Польши 1922 г.

духу профессорской элиты; либеральные элементы, как отмечалось некоторыми исследователями, зачастую не допускались на университетские кафедры³⁴⁰.

Таким образом, Здзеховский довольно быстро влился в интеллектуальную среду Кракова, сочетая научную работу с активной общественной деятельностью. Его участие в собраниях и салонах было не просто светским времяпрепровождением, он сознательно создавал пространство, где в живой дискуссии могли обсуждаться патриотическая идея, пути ее реализации и общенациональные задачи. Для Здзеховского такая неформальная коммуникация была формой патриотического служения через организацию интеллектуальной среды, способной создавать и транслировать польскую культуру и национальную мысль. Опыт, полученный в этих краковских объединениях, стал важной подготовительной ступенью для последующего создания «Славянского клуба».

Однако деятельность Здзеховского на почве славянской взаимности началась до создания «Клуба». Помимо издания трудов о славянской культуре, в первую очередь двухтомника «Байрон и его век», Здзеховский принял участие в качестве одного из польских делегатов во втором съезде славянских журналистов, проходившем в 1899 г. в Кракове³⁴¹. Он был не единственным участником съезда, кто не являлся журналистом в строгом смысле слова, однако, судя по списку участников, такие случаи были скорее исключением. То обстоятельство, что Здзеховский, не будучи профессиональным журналистом, вошел в число польских делегатов, подчеркивает его заинтересованность в практической работе по налаживанию межславянских отношений.

На съезде была принята резолюция, третий пункт которой гласил: «В спорах и конфликтах, возникающих между отдельными славянскими народами, славянская пресса – особенно тех стран, которые не принимают непосредственного участия в этих спорах – должна занимать твердую позицию, независимо от сиюминутных

³⁴⁰ *Buszko J. Społeczno-polityczne oblicze Uniwersytetu Jagiellońskiego w dobie autonomii galicyjskiej (1869–1914). Kraków, 1963. S. 8.*

³⁴¹ См. подробнее: *Świątek A. II Zjazd Dziennikarzy Słowiańskich w Krakowie w 1899 roku // Prace Historyczne. 2020. T. 2. N 147. S. 375–399.*

колебаний текущей политической обстановки, и всегда защищать пострадавшую сторону»³⁴².

Здзеховский выступил с инициативой внести поправку с признанием «права каждого народа на самостоятельное развитие, каждого языка на господство в различных сферах общественной жизни там, где этим языком пользуется население в целом»³⁴³. Здзеховский сетовал на то, что понимание необходимости уважения «индивидуальности» каждого народа еще недостаточно усвоено славянской прессой, что отражалось на освещении русско-польских отношений. Он призывал обратить внимание славянской прессы на то, что многие выдающиеся представители интеллектуальной среды России (Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, А.Н. Пыпин, Б.Н. Чичерин) не поддерживали «шовинистическую» позицию ряда российских журналов («Свет», «Московские ведомости»), влияние которых на славян он ощущал³⁴⁴. Предложение Здзеховского к собравшимся ориентироваться на либеральные круги России можно считать попыткой, с одной стороны, обеспечить более сочувственное отношение к полякам в славянской прессе, а, с другой, поднять авторитет названных им русских деятелей среди славян.

Выступление Здзеховского, в котором прослеживаются легкий укор своим славянским коллегам и опасения в недостаточном внимании к польским делам, шло вразрез с оптимистичными заявлениями Либерата Зайончковского³⁴⁵, президента «Общества польских журналистов», сделанными им в своей приветственной речи, где он заявил, что поляки в сложившихся обстоятельствах больше не чувствуют страха потери своей «самобытности»³⁴⁶.

В поддержку Здзеховского выступил редактор «Самостатности» (*Samostatnost*) Ярослав Розвода, обвинивший чешскую прессу в «русофильстве»³⁴⁷, на что чешские журналисты отреагировали по-разному: редактор «Народни листов»

³⁴² II Zjazd dziennikarzy słowiańskich w Krakowie. Kraków, 1900. S. 24.

³⁴³ Ibidem. S. 24.

³⁴⁴ Ibidem. S. 25.

³⁴⁵ Либерат Зайончковский (1843–1901) — польский журналист, издатель, участник Январского восстания.

³⁴⁶ II Zjazd dziennikarzy... S. 16.

³⁴⁷ Ibidem. S. 25.

(*Národní listy*) Яромир Грубый отказался от полемики с польскими коллегами, сославшись на ограничения съезда (по всей видимости имелся в виду отказ от политизации). Другой чешский публицист Игнат Хорица высказал сожаление по поводу затронутой темы и выразил надежду, что недопонимания не повлияют на польско-чешские отношения ³⁴⁸. Тем не менее поправка, предложенная Здзеховским, принята не была.

Неудача Здзеховского на съезде журналистов была показательной; его попытка добиться от славянской прессы ориентации на либеральные круги России и требование уважения к национальным индивидуальностям не нашла поддержки у большинства, что могло быть связано как с нежеланием организаторов съезда касаться политики, так и с реальными симпатиями многих делегатов к царской России. Однако этот опыт, вероятно, укрепил Здзеховского в мысли о необходимости более системной работы – уже не в формате разовых съездов, а в рамках постоянно действующей организации, которая могла бы сформулировать взгляд на идею славянской взаимности, который был бы согласован с польскими национальными интересами и патриотическими устремлениями.

Новый виток популярности идеи славянской взаимности в конце XIX – начале XX вв. и развитие польского славяноведения привело к созданию группой профессоров Ягеллонского университета в 1901 г. «Славянского клуба», Здзеховский бессменно занимал должность президента данной организации, и именно «Клуб» стал одной из основных площадок, где он имел возможность развернуть свою патриотическую деятельность.

Здзеховский в своих работах по-разному описывал цели «Клуба», что говорит не столько об их изначальной неопределенности, сколько о многогранности его замысла. В статье «Польско-русинский спор», опубликованной в «Московском еженедельнике» в 1907 г., он связывал открытие «Клуба» с русинским вопросом: «Учредители его («Славянского клуба». – *И.Е.*) ставили на первом плане изучение культурной жизни русинов и вообще малорусского племени»³⁴⁹. Спустя годы в

³⁴⁸ Ibidem. S. 26.

³⁴⁹ Здзеховский М. Польско-русинский спор // Московский еженедельник. 1907. № 14. С. 32.

своих воспоминаниях Здзеховский указывал на первостепенное значение русско-польских отношений: «Было особенно необходимо показать славянам, что за пределами царской России, перед которой они склонялись, существует другая, лучшая, более благородная Россия, оппозиционная Россия. С этой целью мы основали Славянский Клуб в Кракове»³⁵⁰. Осенью же 1901 г. в лекции, открывавшей учебный год в Ягеллонском университете, то есть за несколько месяцев до создания «Клуба», Здзеховский заявил об особом месте и, возможно, даже первенстве Польши в славянском мире и утверждал, что она должна стать противовесом России, если не на политическом, то на культурном и духовном уровне³⁵¹.

Приведенные высказывания показывают, что Здзеховский не сводил работу «Клуба» к какой-то одной задаче. Для него он был одновременно и площадкой для изучения русинской культуры, и инструментом знакомства польской и славянской общественности с «другой», оппозиционной Россией, и местом для утверждения особой роли Польши в славянском мире. Эта многогранность задач позволяла Здзеховскому действовать на нескольких направлениях.

В его патриотической активности на почве славянского и русско-польского сближения можно выделить два основных мотива. Во-первых, защита польского народа от «русификации» и «угнетения» со стороны России. Сотрудничая с русскими либеральными и умеренно-консервативными кругами, Здзеховский мог рассчитывать, что в случае их прихода к власти или, как минимум, оказанного ими давления, царское правительство изменит свою политику в отношении поляков. Налаживание отношений поляков с другими славянскими народами, в первую очередь из Габсбургской монархии, также, вероятно, могло, с его точки зрения, оказать давление на Россию, для которой решение «польского вопроса»³⁵²,

³⁵⁰ *Zdziechowski M.* Wobliczu końca. Wilno, 1938. S. 356. – Впрочем о желании членов «Клуба» познать русинов Здзеховский также упоминал.

³⁵¹ *Ćuk A.* Słowiańszczyzna południowa na przełomie wieków XIX i XX z perspektywy Klubu Słowiańskiego // *Galicja. Studia i materiały*. 2019. N 5. S. 57.

³⁵² О понятии «польский вопрос» см. подробнее: *Аржакова Л.М.* Польский вопрос в России XIX века (трактовка и время возникновения) // *Вестник Тверского государственного*

понимаемого Здзеховским как достижение взаимного согласия между двумя народами, должно было стать условием сохранения влияния в славянском мире. Во-вторых, защита поляков и всего славянства в целом от германизации. Данный мотив выражен у Здзеховского не так ярко, как у некоторых других краковских славянофилов (например Конечного), однако он также присутствовал, причем в более мессианистской форме. Идея противостояния германского и славянского миров наиболее отчетливо прозвучала в труде Здзеховского «Возрождение Хорватии», где он, ссылаясь на художественный образ из произведения хорватского поэта и писателя Августа Шеноа³⁵³ «Гвоздика с могилы поэта» (*Karanfil s pjesnikova groba*), говорил о «непреодолимой пропасти» между германским и славянским мирами. Рассуждая о современной ему ситуации, Здзеховский указывал на «достигшую своего апогея немецкую ярость» и желание «стереть славян с лица земли»³⁵⁴.

Подобный славяно-германский антагонизм объяснялся Здзеховским различием этических оснований двух миров. Он противопоставлял поэзию польского мессианизма, провозглашавшую «восхождение к Богу через предание себя ему и исполнение его закона», ницшеанскому отрицанию Бога³⁵⁵. Для Здзеховского мессианизм был не просто литературным явлением, а выражением глубинной христианской этики, которая, с его точки зрения, составляла духовную основу славянского мира в его противостоянии западному рационализму и германскому нигилизму.

Из этого противопоставления вытекало и понимание Здзеховским польской патриотической идеи: она была для него не просто формой национального самосознания, а универсальным христианским принципом, который Польша – как «оплот христианства» на севере Европы – должна была нести другим славянским народам. Поэтому хорваты, также католики и также находившиеся под

университета. Сер. История. № 3. 2014. С. 4–17; *Ее же*. Ещё раз о польском вопросе // *Częstochowskie teki historyczne*. Т. VI. 2016. С. 169–182.

³⁵³ Август Шеноа (1838–1881) – хорватский писатель, поэт и критик.

³⁵⁴ *Zdziechowski M. Odrodzenie Chorwacyi...* S. 205.

³⁵⁵ *Ibidem*. S. 206–207.

чужеземным владычеством, становились для Здзеховского естественным адресатом этой идеи. Славянская взаимность, таким образом, оказывалась не самоцелью, а способом распространения той самой патриотической идеи, которую он считал универсальной христианской ценностью.

Патриотическая деятельность Здзеховского в контексте борьбы за славянскую взаимность не была хаотичной. Каждое из направлений, к которым он обращался (русинское, южнославянское, русское), было осознанно выбрано им для решения конкретных задач в рамках его понимания патриотизма как защиты польской идентичности и распространения «польского взгляда» на политику. Ниже будут последовательно рассмотрены эти три направления.

Русинскую тему трудно расценивать в качестве ключевой в творчестве и жизни польского ученого, однако она безусловно была одной из важнейших. Впервые он обратился к ней еще в «Очерках», анализируя литературное наследие Гоголя и Шевченко, и используя в данном контексте понятия «украинский народ», «украинцы», «Украина» и т.п. Хотя стоит отметить, что впоследствии он чаще все-таки употреблял понятие «русины», причем в текстах как на русском, так и на польском языке, что соответствовало общей практике наименования русинского народа, которой придерживались авторы печатного органа «Славянского клуба».

Более того, изначально Здзеховский собирался осесть во Львове, а не в Кракове, планируя знакомить одновременно и польскую, и русинскую публику с русской культурой³⁵⁶. Есть основания предполагать, что Здзеховский был слабо осведомлен о состоянии польско-русинских отношений в Галиции на практике, его знания носили теоретический характер. Сам польский автор признавал, что поляки за пределами Восточной Галиции, даже в Кракове, зачастую были расположены к русинам дружелюбно, и лишь поселившись во Львове начинали испытывать разочарование³⁵⁷.

На страницах «Славянского мира» Здзеховский редко обращался к русинской проблематике — эта тема была в большей степени предметом публицистики

³⁵⁶ Здзеховский М. Польско-русинский спор // Московский еженедельник. 1907. № 14. С. 31.

³⁵⁷ Там же. С. 32.

Феликса Конечного. Однако Здзеховский освещал польско-русинские отношения, сотрудничая с русскими журналами. К моменту написания статьи «Польско-русинский спор» он уже сам испытывал чувство разочарования в возможности разрешения межнационального конфликта. Вместе с тем Здзеховский стремился быть с русским читателем откровенным и не возлагал всю вину исключительно на русинов. Так, он честно критиковал распространенное среди поляков утверждение, что, «если бы Россия дала полякам то, что поляки дали русинам, то поляки сочли бы себя счастливыми», и признавал, что это мнение не вполне соответствует действительности. Здзеховский в попытках объяснить природу польско-русинских противоречий предлагал перенести вопрос из области политики в знакомую ему область «народной психологии»³⁵⁸. Здзеховский писал, что вся Восточная Галиция «имеет польский лоск», что поляки «материально и культурно сильнее и не думают стыдливо скрывать своего превосходство». Все это, по его мнению, «повергает русина в отчаяние» и «рождает ненависть»³⁵⁹, что позволяет говорить о том, что Здзеховский видел корень проблемы в особенностях культуры и истории двух народов, а не в конкретных политических или социальных решениях.

В Галиции существовали два конкурирующих течения в русинском национальном движении – «украинофильское» (ориентированное на украинскую идентичность и более радикальное в социальном отношении) и «москвофильское» (консервативное, симпатизировавшее России). Здзеховский, как и другие польские интеллектуалы, был вынужден определять свое отношение к каждому из них³⁶⁰. Здзеховский отдавал предпочтение последнему, что, впрочем, шло вразрез с политикой правящих в Галиции консерваторов, которые хотя и проводили гибкую национальную политику, делали ставку на «украинофилов»³⁶¹.

³⁵⁸ Там же. С.35.

³⁵⁹ Там же. С. 36–37.

³⁶⁰ О русинах смотри: *Клопова М. Э.* Русины, русские, украинцы: Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016.

³⁶¹ См. подробнее: *Булахтин М.А.* Краковские консерваторы и межнациональные отношения в Галиции в начале XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 5. С. 58–64.

«Москвофилы» привлекали Здзеховского своими более консервативными взглядами и большей религиозностью, в то время как «украинофилы», с его точки зрения, были «заражены атеистическим радикализмом»³⁶². Но польский автор сетовал на невозможность союза с «москвофилами» из-за их симпатии «катково-победоносцевской» России³⁶³. О том, что Здзеховский рассматривал союз поляков с «москвофилами» как реальную политическую возможность, свидетельствует его возвращение к этой теме в статье 1908 г., написанной в связи с убийством наместника Анджея Потоцкого. Одним из возможных последствий этого трагического события было, по его мнению, «сближение поляков с русофильской группой», однако он указывал, что ситуацию осложняла новая волна антипольских мероприятий царской власти³⁶⁴.

И все же упомянутые статьи Здзеховского кажется более справедливым расценивать как попытку донести до русского читателя представление о безвыходности положения поляков и невозможности найти компромисс с русинами. В начале XX в. в адрес поляков регулярно шли жалобы на «угнетение» русинов с их стороны. Например, в панславистском журнале «Славянский век» была рубрика с говорящим названием «Из подъяремной Руси», занимавшаяся, в том числе, обличением польской политики, направленной против «русских галичан».

Таким образом, русинская тема не была для Здзеховского центральной – он обращался к ней прежде всего в контексте русско-польских отношений, используя ее как аргумент в диалоге с русской публикой, стремясь показать сложность положения поляков в Галиции и несправедливость обвинений в их адрес. При этом сам мыслитель, симпатизируя консервативным «москвофилам», верил в возможность союза с ними только при условии достижения русско-польского согласия, по этому поводу он писал: «небольшая 4-х миллионная часть польского народа в Галиции готова без страха [...] смотреть на успехи галицкого

³⁶² Здзеховский М. Польско-русинский спор // Московский еженедельник. 1907. № 14. С. 46.

³⁶³ Там же. С. 41.

³⁶⁴ Здзеховский М. Поляки и украинофильство // Московский еженедельник. 1908. № 17. С. 40.

русофильства [...] между тем как руководители судеб громадной 100-миллионной России трепещут при мысли о возможности развития польской культуры в пределах Русской империи»³⁶⁵.

Иной характер носило отношение Здзеховского к южным славянам-католикам, прежде всего к хорватам. Они вызывали у него гораздо больше надежд, чем русины: он видел в них естественных союзников поляков – прежде всего в силу общего католического вероисповедания и схожего исторического опыта пребывания под чужеземным владычеством. В представлении Здзеховского хорваты должны были восприниматься не только как союзники, но и как образец для подражания – пример того, как малочисленный славянский народ может сохранять свою идентичность, опираясь на культурное и религиозное наследие. Примечательно, что интерес к хорватскому народу проявился у него уже в ранних «Очерках из психологии славянского племени». В Кракове Здзеховский стал одним из ученых, заложивших начало систематическим лекциям по хорватской и сербской литературе, так, в 1894–1895 учебном году он прочитал лекцию «О поэтах хорватского Возрождения»³⁶⁶.

Главным трудом Здзеховского о южных славянах стала работа «Возрождение Хорватии в XIX веке», где он сравнивал исторические судьбы Хорватии и Польши как «оплоты христианства» на севере и юге Европы. В своей книге польский мыслитель признавал, что полякам необходимо ознакомиться с более «демократической» культурой других славянских народов ³⁶⁷, но не ради элементарного знакомства, а для обогащения польской традиции за счет опыта соседей. Этот тезис раскрывает важнейший для Здзеховского принцип: взаимное культурное обогащение славянских народов могло бы лечь в основу их реального сближения. Польский автор уделял большое внимание иллиризму³⁶⁸, в котором он

³⁶⁵ Здзеховский М. Поляки и украинофильство... С. 40.

³⁶⁶ Ćuk A. Słowiańszczyzna południowa... S.57.

³⁶⁷ Zdziechowski M. Odrodzenie Chorwacyi... S. 207.

³⁶⁸ Об иллиризме см. вкратце: Лещиловская И.И. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968; Дронов А.М. От иллиризма к хорватизму в австрийской империи первой половины XIX века // Славяноведение. 2018. № 1. С. 55–69.

видел образцовый проект объединения славян: «Идея иллиризма составляет суть истории возрождения Хорватии [...] Открывая перед маленькой Хорватией широкие горизонты объединенного южного славянства, иллиризм усилил чувство любви к родной земле тем элементом веры в призвание, которое придает ей бессмертную силу»³⁶⁹. Здзеховский обнаруживал параллели между польским мессианизмом и иллиризмом. Это сопоставление не случайно, польский мыслитель видел в иллиризме аналог польского мессианизма на южнославянской почве, объединительную идею, подкрепленную культурным и духовным подъемом. Хорватия интересовала его прежде всего как католическая славянская страна, чей исторический опыт «христианского оплота» был схож с польским.

Такое внимание польского писателя к южным славянам-католикам примечательно тем, что показывает попытку Здзеховского сформулировать в начале 1900-х гг. идею славянской взаимности на основе собственного анализа мессианских и религиозных начал в славянских культурах, однако данная концепция не получила в дальнейшем глубокого развития, хотя ее влияние на взгляды краковских славянофилов трудно отрицать.

Есть основания утверждать, что патриотическая деятельность Здзеховского на ниве служения идее славянской взаимности тем не менее была вторичной по отношению к его работе в области разрешения русско-польских противоречий, от чего, как ему казалось, зависела возможность дальнейшего культурного развития польского народа.

Здесь, переходя к анализу русского направления его деятельности, следует отметить, что Здзеховский был посредником как между русскими и поляками, так и между русскими и другими славянами. Характерный пример посредничества Здзеховского можно найти в его переписке с чешским публицистом и редактором журнала «Слованский пржеhled» (*Slovanský přehled*) Адольфом Черным³⁷⁰,

³⁶⁹ *Zdziechowski M. Odrodzenie Chorwacyi... S. 67.*

³⁷⁰ Адольф Черны (1864–1952) — чешский поэт, публицист, славист.

которому он рекомендовал работы Б.Н. Чичерина, Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева³⁷¹.

Одним из важных направлений деятельности Здзеховского стала популяризация польской культуры в русской среде и, наоборот, русской – в польской. Этому способствовала известность, которую он приобрел благодаря публикации своей брошюры с предисловием Л.Н. Толстого. В конце XIX – начале XX в. у него завязалась переписка со многими представителями русской интеллектуальной среды, и он активно использовал эти контакты для распространения знаний о Польше. Показательным примером этого служит его переписка с молодым Г.В. Чичериным³⁷², который писал Здзеховскому: «Польские поэты для меня настоящее откровение, я с жадностью проглотил Вашу книгу. Эти цитаты из Словацкого и Красинского – это до безумия чудно! [...] В общем, это для меня новый мир, и я Вам глубоко благодарен [...] Я думаю, что со временем знание польских поэтов должно распространиться в России и способствовать ширине славянского самосознания»³⁷³. В этом обмене мнениями отразилась ключевая для Здзеховского идея: культурный диалог мог бы стать основой для славянского сближения. Так, Г.В. Чичерин, отвечая ему, писал: «Но я совершенно с Вами согласен, что более близкое знакомство русского общества с другими славянскими литературами и духом славянских наций в высочайшей степени желательно, и для расширения чисто русского сознания в славянское»³⁷⁴. Вероятно, Здзеховский верил в то, что более тесное знакомство российской публики с польскими и другими славянскими культурами могло благоприятно сказаться на политической сфере и поспособствовать разрушению взаимных негативных стереотипов. Свидетельство этому мы можем найти в переписке Здзеховского с религиозным философом С.Н. Булгаковым. В августе 1905 г. Булгаков писал: «Вы бесспорно правы в одном, что

³⁷¹ Biliński P., Ďurčanský M., Skrzyński T. Nieznana korespondencja Mariana Zdziechowskiego z Adolfem Černým // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 2007. T. 52. N 2. S. 17.

³⁷² Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936) – российский революционер, нарком иностранных дел РСФСР–СССР в 1918–1930 гг. Племянник Б.Н. Чичерина.

³⁷³ Białokozowicz B. Listy Gieorgija Cziczierina do Mariana Zdziechowskiego // Slavia Orientalis. 1965. N 1. S. 104.

³⁷⁴ Ibidem. S. 108.

существует взаимная отчужденность и, как результат этого, недоверие между русскими и поляками, плод ли это истории или наша собственная вина. И необходимо духовное сближение между поляками и русскими, между обеими культурами»³⁷⁵. Впрочем, стоит отметить, что в те времена польская литература была знакома русскому читателю. Произведения Генрика Сенкевича, Болеслава Пруса, Элизы Ожешко активно переводились на русский язык.

В польском обществе Здзеховский занимался популяризацией русской культуры и в первую очередь ее представителей, которым он симпатизировал, именно этому преимущественно посвящена его публицистика в журнале «Славянский мир», где были напечатаны его статьи о А.И. Герцене, Б.Н. Чичерине, М.А. Бакунине, Л.Н. Толстом, П.Я. Чаадаеве.

Однако Здзеховский стремился показать полякам неоднородность русского общества. Наряду с популяризацией тех русских мыслителей, которых он ценил, Здзеховский также публиковал статьи и эссе, в которых критиковал деятелей, ответственных, с его точки зрения, за «антипольский» настрой российской власти и части русского общества. В данном контексте центральными фигурами для него были И.С. Аксаков и М.Н. Катков. В 1899 г. Здзеховский под псевдонимом Владислав Каровский опубликовал объемное эссе под названием «Политическая этика в России», в котором сравнивал Каткова с Бисмарком³⁷⁶ и пытался найти истоки современной ему «антипольской» политики царских властей. Однако даже в этом труде он оставлял место для надежды на позитивные для поляков тенденции в русском обществе, связанные с именем Б.Н. Чичерина, выражавшего в своих работах сочувствие полякам, хотя Здзеховский и был вынужден признать, что такая точка зрения крайне непопулярна в России: «Каким же глубоким должно быть падение нынешнего русского общественного мнения, воспитанного на гнилости идей Каткова и Аксакова, если голос, подобный Чичерину, проходит там почти

³⁷⁵ «Между нами не может быть ни малейшего спора...» Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому о необходимости церковного обновления / публ. и предисл. И. В. Воронцовой // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 105.

³⁷⁶ Karowski W. Etyka polityczna w Rosyi. Kraków, 1899. S. 10.

неуслышанным!»³⁷⁷ Таким образом, Здзеховский стремился сформировать у польского читателя определенную точку зрения на Россию, а остроту современного ему русско-польского конфликта он усматривал во влиянии на российскую политику идей М.Н. Каткова и И.С. Аксакова. Такая трактовка была, безусловно, упрощением: она сводила сложный комплекс политических, социальных и имперских факторов к влиянию двух публицистов. Однако для Здзеховского это мог быть сознательный прием: выделяя «антипольский» лагерь, он одновременно противопоставлял ему «образцы нравственного подхода к политике»³⁷⁸, нашедшие свое отражение во взглядах В.С. Соловьева и Б.Н. Чичерина. Это позволяло ему утверждать, что в российском обществе есть силы, с которыми можно и нужно вести диалог.

В 1903 г. Здзеховский писал будущему президенту Чехословакии Т. Масарику, что «в России постоянно укрепляется умеренная оппозиция [...] и с этой оппозицией нам следовало бы стремиться к сближению, но об этом мало думают»³⁷⁹. Здзеховский повторил эту мысль в 1905 г. на заседании «Славянского клуба» в Кракове, отмечая, что российская оппозиция «представляет собой силу свежую, здоровую, не лишенную притом доброй воли в обращении с национальными делами и по этой причине заслуживает более близкого знакомства с нашей стороны»³⁸⁰. Назревавший в 1905 г. политический кризис в России способствовал тому, что Здзеховский перешел к попыткам наладить контакты с умеренными представителями российского политического спектра. К тому моменту он уже состоял в переписке с Л.Ф. Пантелеевым, что дало возможность опубликовать на страницах «Славянского мира» несколько его открытых писем,

³⁷⁷ Ibidem. S. 49.

³⁷⁸ Аляев Г. Оболевич Т. «С польским вопросом мы, русские, вообще недостаточно знакомы... С. 14.

³⁷⁹ Цит. по: Аляев Г. Оболевич Т. «С польским вопросом мы, русские, вообще недостаточно знакомы... С. 14–15.

³⁸⁰ Świat Słowiański. Kraków, 1905. N 3. S. 251.

касавшихся «польского вопроса». Здзеховский завязал переписку с Е.Н. Трубецким³⁸¹, с печатным изданием которого впоследствии тесно сотрудничал.

В апреле 1905 г. в Москве состоялся польско-русский съезд, в котором принял участие и Здзеховский по приглашению, полученному от Александра Ледницкого³⁸². С ним он установил контакт меньше чем за месяц до начала мероприятия благодаря посредничеству Владимира Спасовича³⁸³.

Здзеховский председательствовал во второй день съезда и произнес заключительную речь, в которой, обращаясь к присутствовавшим делегатам, неоднократно демонстрировал знакомство с русской культурой и погруженность в русскую интеллектуальную мысль. Он сравнивал общественное движение в России с богатырем Ильей Муромцем. Здзеховский говорил: «И я спрашиваю себя, не является ли Илья Муромец, сиднем сидевший 30 лет, чтобы разом восстать и низвергнуть Соловья-разбойника, в котором воплотились все темные гнетущие силы страны – не является ли он живым символом могучего движения, которое происходит на наших глазах, охватывая все более и более широкие слои русского общества, с лучшими представителями которого мы имели счастье сойтись в эти незабвенные для нас дни?»³⁸⁴ Здзеховский, вероятно, сознательно апеллировал к русскому былинному эпосу, чтобы показать свое понимание русской культуры и произвести впечатление на слушателей. Основной посыл его речи состоял в том, что ранее «поддерживаемая свирепой шовинистической печатью, русская бюрократия» закрывала от поляков русский народ, однако теперь, присутствующие в лице Здзеховского начинают «видеть все хорошее, что таится в Русском духе и

³⁸¹ Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) – русский религиозный философ, правовед, публицист, издатель журнала «Московский еженедельник»

³⁸² Александр Ледницкий (1866–1934) – российский и польский общественный и политический деятель, депутат Государственной думы I созыва. О Ледницком см. подробнее: *Toporowicz W. Lednicki Aleksander // Polski Słownik Biograficzny*. Т. 16. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1971. S. 611–612.

³⁸³ *Opacki Z. W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny...* S. 148–150.

³⁸⁴ *Аляев Г. Оболевич Т. «С польским вопросом мы, русские, вообще недостаточно знакомы... С. 210.*

чувствовать в [...] сердцах первые влечения симпатии к молчаливому до сих пор и таинственному народу»³⁸⁵.

Выражая готовность быть союзником либерально настроенной части общества, Здзеховский оптимистически оценивал перспективы изменения российской политики. Его выступление на съезде стало одним из наиболее ярких проявлений его патриотической стратегии, основанной не на конфронтации, а на поиске общих культурных и нравственных оснований для диалога.

Впрочем, влияние либеральных сил, на которые делал ставку Здзеховский, оставалось очень слабым. Евгений Трубецкой в декабре 1905 г. писал польскому мыслителю: «мы сами, т.е. русские либеральные партии, находимся сейчас в положении утопающего. Поэтому меня приводит в ужас, когда поляки, основываясь на представлении о нашем могуществе, связывают с этим мнимым могуществом мечты о лучшем будущем своей родины»³⁸⁶. Кроме того, еще в ходе съезда его участник Вацлав Серошевский³⁸⁷ высказал свои переживания по поводу того, что, «борясь за исключительно общероссийскую конституцию, поляки могут обменять угнетение со стороны российской бюрократии на угнетение со стороны свободной русской нации»³⁸⁸, тем самым ставя под сомнение выгоду союза поляков с либералами.

Резолюция съезда носила ограниченный характер, в ней лишь признавалась необходимость «автономного устройства Царства Польского при сохранении государственного единства и при участии в общерусском правительстве, но с особым сеймом»³⁸⁹, что же касалось детального определения границ и сущности автономии, то прояснение этих важных вопросов откладывалось³⁹⁰.

³⁸⁵ Там же. С. 211.

³⁸⁶ Там же. С. 148.

³⁸⁷ Вацлав Серошевский (1858–1945) — польский этнограф, писатель и публицист.

³⁸⁸ Polsko-rosyjski zjazd w Moskwie : sprawozdanie poprzedzone wstępem krytycznym wydawców. Kraków, 1905. S. 11.

³⁸⁹ *Аляев Г. Оболевич Т.* «С польским вопросом мы, русские, вообще недостаточно знакомы... С. 25.

³⁹⁰ Polsko-rosyjski zjazd... S. 18.

Тем не менее, есть основания предполагать, что Здзеховский мог оказывать определенное влияние на взгляды русской публики. Так, на Земском конгрессе в Москве в сентябре 1905 г. Ф.И. Родичев³⁹¹ решительно высказался за признание польской автономии, более того, он сделал это в духе славянофильских идей Здзеховского и краковского «Славянского мира», заявив, что «автономия Польши является первым шагом на пути к славянской федерации и истинному миру в Европе»³⁹². Однако заявление Родичева демонстрирует, что польские дела рассматривались либеральными кругами во внешнеполитическом контексте.

Съезд 1905 г. показал уязвимость позиции Здзеховского. Польский «посредник» делал ставку на союз с либералами, не учитывая, что сами либералы находятся в положении политических аутсайдеров, не имевших реальной власти.

Вместе с тем, Здзеховский вел переговоры с представителями умеренно-консервативного крыла земского движения, с 1903 г. он вел переписку со «славянофилом» Сергеем Шараповым³⁹³, проект которого о переустройстве России был опубликован в «Славянском мире»³⁹⁴. Опацкий отмечает, что взгляды русских консерваторов, вероятно, были ближе Здзеховскому³⁹⁵, однако польский мыслитель, встретившись по приглашению Шарапова с несколькими русскими «славянофилами», не нашел в них достаточной заинтересованности польскими делами³⁹⁶.

Вернувшись в Краков, Здзеховский продолжал активно следить за политической обстановкой в России, получая информацию не только из публичных источников,

³⁹¹ Федор Измайлович Родичев (1854–1933) – российский политик, один из основателей партии кадетов, депутат Государственной думы всех созывов.

³⁹² Posiedzenie Klubu Słowiańskiego w Krakowie z powodu wrzeźniowego kongresu ziemstw w Moskwie // Świat Słowiański. Kraków, 1905. N 10. S. 276.

³⁹³ Opacki Z. W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny... S. 152. – Сергей Федорович Шарапов (1855–1911) – русский экономист, писатель и общественный деятель. Свои «славянофильские» взгляды излагал в ряде публицистических работ. См. например: Шарапов С.Ф. Россия будущего / сост., предисл., примеч., именной словарь А.Д. Каплина. М., 2011.

³⁹⁴ Rosya federacyjna. Sergiusz Szarapow: Самодержавие и самоуправление // Świat Słowiański. Kraków, 1905. N 6. S. 461–473.

³⁹⁵ Opacki Z. W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny... S. 153.

³⁹⁶ Zdziechowski M. Sergiusz Szarapow. Przyczynek do psychologii słowianofilstwa rosyjskiego // Świat Słowiański. Kraków, 1911. N 83. S. 303.

но и благодаря налаженным связям с российской интеллектуальной средой. На страницах «Славянского мира» публиковались материалы о российских событиях, в том числе статья Ледницкого о Декабрьском восстании в Москве³⁹⁷. Рост революционного движения и поляризация общества рассматривались Здзеховским как угроза России и, следовательно, русско-польскому согласию³⁹⁸.

К концу Первой русской революции у Здзеховского возобладал пессимизм в вопросе возможности добиться улучшения положения поляков в России, где царское правительство вскоре инициировало процесс выделения Холмской губернии³⁹⁹.

До 1908 г. Здзеховский активно участвовал в неославистском движении, в частности, был одним из представителей польской делегации на Славянском съезде в Праге. В русских сторонниках неославизма он даже был готов увидеть союзников, так, еще 1903 г. он положительно отзывался⁴⁰⁰ о Д.Н. Вергуне и И.В. Каменском⁴⁰¹. Съезд в Праге произвел на Здзеховского благоприятное впечатление, что, впрочем, не изменило его пессимистического настроения. В 1908 г. он заявил о выходе из неославистского движения, заявив, что «для поляков дело замены российского правления германским безразлично»⁴⁰². Польский ученый отказался сопровождать Крамаржа в его поездке в Санкт-Петербург в 1909 г., в письме к нему он заявил: «На мой взгляд, наше взаимопонимание с представителями русского общества на основе славянской идеи станет возможным только тогда, когда все избавятся от зловещего влияния тех элементов, которые отождествляют славянское дело с русификацией Польши»⁴⁰³. Здзеховский, как и другие авторы краковского

³⁹⁷ *Lednicki A. Grudniowe dni w Moskwie // Świat Słowiański. Kraków, 1906. N 14-15. S. 119–126.*

³⁹⁸ *Opacki Z. W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny... S. 169.*

³⁹⁹ О холмском вопросе см. подробнее: *Борзова Е.С. История образования Холмской губернии // Славяноведение. 2014. № 5. С. 75–81; Верняев И.И. Решение холмского вопроса: дискурсивные практики в Российской империи начала XX в. // Русин. 2018. Т. 53. № 3. С. 97–114.*

⁴⁰⁰ *Славянский век. 1903. № 66. С. 570.*

⁴⁰¹ Илья Владимирович Каменский — русский публицист, панславист, один из регулярных авторов «Славянского века».

⁴⁰² *Giza A. Neoslawizm i Polacy. 1906–1910. Szczecin, 1984. S. 169.*

⁴⁰³ *Zdziechowski M. Jeszcze słów kilka o neoslawizmie // Świat Słowiański. Kraków, 1910. N 69-70. S. 132.*

«Славянского мира», в период 1908–1914, стал ориентироваться на Австро-Венгрию, что проявлялось в том числе в поддержке аннексии Боснии и Герцеговины; в российской прессе он пояснял свою позицию так: «австрославизм есть славизм дурного сорта, ибо за ним стоит германство и он вынужден служить интересам германского мира. Но из двух зол лучше меньшее – и австрославизм лучше цинического столыпинского антиславизма...»⁴⁰⁴.

Тем не менее Здзеховский продолжал поддерживать контакты со многими русскими интеллектуалами, продолжая сотрудничать с популярными журналами. Деятельность Здзеховского в предшествовавший период обеспечила его авторитет в польских делах среди части русского общества.

Наиболее плодотворной была работа Здзеховского с «Московским еженедельником», издаваемым князем Е.Н. Трубецким. Он выступал главным корреспондентом издания, освещавшим польские дела и излагавшим польский взгляд на русско-польские отношения. На страницах журнала Здзеховский подробно представил свое видение польской национально-патриотической идеи⁴⁰⁵, развивая тезисы, высказанные им в «Идеалах», критиковал революционное движение⁴⁰⁶, комментировал русинский вопрос⁴⁰⁷.

«Московский еженедельник» давал Здзеховскому возможность продолжать отстаивать польские интересы в русском интеллектуальном пространстве. Примечательна его статья «О государственном инстинкте в Польше»⁴⁰⁸, рассказывавшая об успехах польских политических деятелей в Австрии, и

⁴⁰⁴ Здзеховский М. Австрославизм и Россия // Московский еженедельник. 1909. № 20. С. 37. О взаимоотношениях П.А. Столыпина с польским обществом см. подробнее: Jurkowski R. Piotr Stołypin jako marszałek szlachty w guberni kowieńskiej 1889–1902. Nominacje, rangi order i medale // Zeszyty Naukowe. 2014. Т. XXVIII. S. 226–238; Idem. Udział Piotra Stołyпина w życiu teatralnym Kowna w latach 1899–1901 // Studia Białorusinistyczne. 2014. Т. 8. S. 59–69; Idem. The role of P.A. Stolypin in the Creation of the People's House in Kovno in 1898–1899 // Historia provinciae – the journal of regional history. 2020. N 3. S. 734–764.

⁴⁰⁵ Здзеховский М. Польский идеализм // Московский еженедельник. 1906. № 9. С. 276–282.

⁴⁰⁶ Здзеховский М. Революция и культура // Московский еженедельник. 1906. № 22. С. 24–33.

⁴⁰⁷ Здзеховский М. Поляки и украинофильство // Московский еженедельник. 1908. № 17. С. 27–40.

⁴⁰⁸ Здзеховский М. Государственный инстинкт в Польше // Московский еженедельник. 1906. № 25. С. 38–45.

очевидно демонстрировавшая полезность поляков и их способность применить свои таланты в российском государстве.

В 1907 г. вышла книга Здзеховского на немецком языке «Основные проблемы России: литературно-политические очерки» (*Die Grundprobleme Russlands. Literarisch-politische Skizzen*), развивавшая идеи, изложенные им в «Политической этике в России». Вопрос – «сможет ли Россия принять принципы христианской культуры провозглашенные Соловьевым и Чичериным?»⁴⁰⁹ – являлся главным в его работе. Здзеховский отвечал «да», но только если она вступит в союз «со здоровым, консервативным, политически зрелым [...] элементом польской нации»⁴¹⁰. Данная работа была благожелательно принята Евгением и Григорием Трубецкими⁴¹¹, а последний написал на нее обширную рецензию в «Московском еженедельнике»⁴¹².

Григорий Трубецкой пытался оспорить пессимистичный настрой Здзеховского относительно возможностей политического урегулирования русско-польских противоречий – прежде всего вопроса о статусе Царства Польского и перспективах его автономии. Он призывал «переждать со всеми русскими конца тяжелого испытания»⁴¹³, однако Здзеховский выражал опасения, что Царство Польское окажется в немецких руках прежде, чем в России произойдут необходимые перемены⁴¹⁴.

В 1910 г. «Московский еженедельник» перестал выходить, и дискуссия Здзеховского с представителями русского общества возобновилась на страницах либерального журнала «Новое звено», где в 1913 г. – в первом номере нового издания – было опубликовано его письмо главному редактору А.Н. Брянчанинову с подзаголовком: «Чего хотят поляки?».

⁴⁰⁹ Świat Słowiański. Kraków, 1907. N 32-33. S. 151.

⁴¹⁰ Ibidem.

⁴¹¹ Аляев Г. Оболевич Т. «С польским вопросом мы, русские, вообще недостаточно знакомы...» С. 65.

⁴¹² Трубецкой Г.Н. Основные задачи России// Московский еженедельник. 1907. № 49. С. 28–35.

⁴¹³ Здзеховский М. Австрославизм и Россия... С. 43.

⁴¹⁴ Там же. С. 44.

На вопрос, вынесенный в название письма, Здзеховский отвечал так: «желать чего-нибудь от кого-нибудь возможно и разумно только в таком случае, если есть надежда»⁴¹⁵, которую польский автор к тому моменту уже не испытывал. Осознав, что был обманут в своих ожиданиях, он признавался: «с чувством глубокой боли я констатирую, что правы были те из моих соотечественников, которых не увлекли события 1905 года, ясно смотрели они в будущее, предсказывая, что нам политическая свобода в России принесет в результате только то, что русификация превратится из правительственной затеи в общенародное дело [...] Добра в России нам не от кого ждать»⁴¹⁶. Эти слова Здзеховского – симптом его глубокого разочарования. Они знаменовали разрыв с надеждами, которые он возлагал на российскую оппозицию в 1905 г., и признание того, что даже либеральная Россия не готова воспринимать поляков как равноправных партнеров. Тем самым он констатировал крах своей посреднической стратегии, строившейся на вере в возможность диалога.

В 1913 г. Здзеховский занял позицию, во многом близкую к той, которую еще в 1905 г. занимал Серошевский. Здзеховский не видел смысла во «всестороннем разъяснении польского вопроса», что, по всей видимости, и было причиной того, почему редакция журнала обратилась именно к этому польскому автору.

Слова Здзеховского, направленные не столько против царской власти, сколько против либеральной оппозиции привели к полемике, продолжавшейся несколько выпусков. Помимо главного редактора⁴¹⁷ на обвинения Здзеховского откликнулся граф Перовский-Петрово-Соловово, выражавший опасения, что, получив свободу, поляки будут «мстить» русским за «прошлое»⁴¹⁸. В поддержку Здзеховского на страницах «Литовского курьера» (*Kurjer Litewski*) выступил польский публицист Иосиф Кучинский⁴¹⁹. Не встретив понимания со стороны русских оппонентов,

⁴¹⁵ Здзеховский М. Чего хотят поляки? (письмо к издателю) // Новое звено. 1913. № 1. С. 20.

⁴¹⁶ Там же. С. 20–21.

⁴¹⁷ Брянцинов А.Н. Россия и Польский народ. Ответ проф. М.Э. Здзеховскому // Новое звено. 1913. № 2. С. 50–53.

⁴¹⁸ Гр. Перовский-Петрово-Соловово. Письмо к редактору-издателю // Новое звено. 1914. № 3. С. 80.

⁴¹⁹ Поляк о русском полонофильстве // Новое звено. 1914. № 5. С. 141.

Здзеховский признал «полную неудачу» своей попытки, которая «лишний раз убедила» его в «совершенной бесполезности всяких *теоретических* (курсив источника. – *И.Е.*) рассуждений в области польского вопроса»⁴²⁰. Финальная реплика Здзеховского в «Новом звене» знаменовала полный разрыв с той стратегией, которую он выстраивал почти два десятилетия. «Теоретические» рассуждения, которые он объявлял бесполезными, – это не только его собственные статьи и выступления, но и сама идея посредничества между Польшей и Россией.

Подводя итог, можно сказать, что патриотическая деятельность Мариана Здзеховского была направлена на две линии: общеславянского единения и собственно русско-польских отношений. Первое включало участие в съездах славянских журналистов, создание «Славянского клуба», интерес к южным славянам и попытки анализа русинского вопроса в Галиции. Второе, которое было для Здзеховского приоритетным, выражалось в переписке с русскими мыслителями, публицистике на русском языке и личном участии в русско-польском съезде 1905 г. в Москве.

На протяжении двух десятилетий Здзеховский последовательно выступал за культурное сближение поляков и русских, видя в нем залог будущего политического компромисса. Однако его надежды на «Россию Соловьева» и либеральную оппозицию не оправдались. Реакция после революции 1905–1907 гг. и политика Столыпина привели его к глубокому разочарованию.

Тем не менее деятельность Здзеховского не была безрезультатной. Созданный им круг личных и профессиональных связей, его научные труды и эссе, а также его роль в становлении краковского «Славянского клуба» стали важным вкладом в историю русско-польского интеллектуального диалога и в разработку польской версии идеи славянской взаимности. Вся эта многогранная деятельность была для Здзеховского формой патриотического служения. Он стремился к созданию пространства для диалога между поляками, русскими и другими славянскими народами. Опыт Здзеховского показал как возможности, так и границы такого

⁴²⁰ Здзеховский М. Плоды искренности // Новое звено. 1914. № 11. С. 9.

культурного посредничества: оно оказывалось бессильным перед реальной политикой и глубиной взаимных исторических обид.

Глава 2. «Польское славянофильство» Феликса Конечного как отражение патриотической идеи

2.1. Становление Феликса Конечного как историка и публициста: биографический контекст

Феликс Конечный – польский историк, публицист, философ, родился 1 ноября 1862 в Кракове. С этим городом он был неразрывно связан большую часть своей жизни. Несколько раньше его семья проживала в моравском городе Границе. Отец Феликса работал железнодорожником и был участником Краковского восстания 1846 г.⁴²¹

В детстве Конечный обучался в гимназии Св. Анны и гимназии Св. Яцека, а в сентябре 1883 г. поступил на философский факультет Ягеллонского университета⁴²².

В этот период сотрудниками данного учебного заведения были многие видные ученые: директором отдела истории был Анатолий Левицкий (1841–1899), отдела истории Польши – Станислав Смолька, а отдела истории Австрии – Винценты Закшевский (1844–1918). Некоторые исследователи указывают на их значительное влияние на Конечного⁴²³. Так, Закшевский был научным руководителем начинающего специалиста, и именно его роль в своем становлении подчеркивал Конечный спустя несколько лет: «Начало моих исследований исторических законов восходит к годам моей студенческой жизни, когда я этими вопросами о законах истории “пугал” единственного профессора, которому одному я обязан тем, что чему-то научился. Покойный Винценты Закшевский, память о котором достойна большого признания, вовсе не был в восторге от этих увлечений, и он думал, что они пройдут и будут потеряны вместе с моими строго специальными

⁴²¹ Polak R. Feliks Koneczny. Biografia uczonego // Człowiek w Kulturze. 1998. T. 10. S. 161.

⁴²² Дуанова В.М. Теория цивилизация Феликса Конечного: своеобразие и смысловые параллели // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2015. Вып. 1(6). С. 155.

⁴²³ Там же. С. 155.

профессиональными исследованиями, от которых я не уклонялся. О, мой Учитель!»⁴²⁴.

Среди других преподавателей Конечного были такие значимые для галицийской политической и общественной жизни деятели, как Михал Бобжиньский⁴²⁵, читавший курс права, и Станислав Тарновский, который вел занятия по польской литературе, и чье влияние, вероятно, отразилось на интересе Конечного к театру и культуре в целом⁴²⁶.

Название докторской работы Конечного, защищенной им в 1888 г., было таким: «Ранние отношения Ливонии с Польшей до 1393 года» («Najdawniejsze stosunki Inflant z Polską do roku 1393»), она получила смешанную оценку рецензента, которым выступил Левицкий. Неоднозначно в академической среде было принято и второе крупное исследование Конечного 1889 г. «Политика Тевтонского Ордена в 1389 и 1390 гг.» («Polityka Zakonu Niemieckiego w latach 1389 i 1390»), по поводу которого один из специалистов сказал, что «результат работы Конечного для историков равен нулю»⁴²⁷. Однако молодой ученый продолжал свою деятельность, в 1890 г. вышел очередной труд «Ягайло и Витольд во время Кревской унии» («Jagiello i Witold podczas unii krewskiej»). Он был оценен по достоинству, Конечный был удостоен второй премии в конкурсе имени Юлиана Урсина Немцевича в размере 1200 франков⁴²⁸. В этот период он в составе группы польских исследователей ездил в Италию, где работал в архивах Рима, Флоренции и Венеции. Итогом его поисков стала монография «Вальтер фон Плеттенберг, Ливонский ландмейстер в его отношениях с Тевтонским Орденом, Литвой и Москвой» («Walter von Plettenberg, landmistrz inflancki wobec Zakonu, Litwy i Moskwy»), в

⁴²⁴ Koneczny F. Prawa dziejowe. Warszawa, 2020. S. 17–18.

⁴²⁵ Михал Бобжиньский (1849–1935) — польский историк, политический деятель, наместник Королевства Галиции и Лодомерии (1908–1913).

⁴²⁶ Polak R. Feliks Koneczny. Biografia uczonego... S. 162–165.

⁴²⁷ Цит. по: Biliński P. Feliks Koneczny jako badacz dziejów Rosji i Europy Wschodniej // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej 38, 2003. S. 227.

⁴²⁸ Ibidem. S. 228.

которой он критиковал устоявшийся в российской и немецкой историографиях образ Плеттенберга⁴²⁹.

В 1890-е гг. он создал целый ряд исследований по истории Восточной Европы, преимущественно Литвы и Руси, что позволило ему окончательно интегрироваться в научную среду Кракова. Однако в этот период наблюдается постепенная потеря интереса Конечного к академической жизни, его все больше стали привлекать сюжеты, напрямую связанные с актуальными политическими и общественными вопросами. Примером этого может служить его монография «История Силезии» (1897)⁴³⁰, в которой он указывал на тесную связь данного региона с Польшей. Однако интерес Конечного к Силезии не исчерпывался этой работой: впоследствии он неоднократно возвращался к данной теме в различных статьях, в том числе на страницах «Славянского мира». По поводу же своей монографии он писал: «другие книги, написанные для ученых, имеют в моих глазах гораздо меньший вес»⁴³¹. Как можно заметить, Конечный стал склоняться в сторону популяризаторской деятельности. В 1897 г. он начал издавать журнал «Свет» («Światło»), посвященный польской культуре, но из-за нехватки средств вышло всего пять выпусков⁴³².

Отходу от строго научной работы в пользу журналистики поспособствовало его увольнение из Академии в связи с конфликтом с профессором Станиславом Смолькой. Конечный был вынужден устроиться на не самую высокооплачиваемую работу в Ягеллонскую библиотеку, что, однако, не помешало ему осуществлять свои планы. Он читал исторические лекции в учебных заведениях и выступал с публичными докладами. Билиньский об этом этапе его жизни пишет: «Как хороший лектор, проницательный наблюдатель за ситуацией в политической и общественной жизни и как полемист он был популярен в национальном лагере, хотя формально никогда к нему не принадлежал»⁴³³. Среди прочего Конечный

⁴²⁹ Ibidem. S. 227.

⁴³⁰ *Koneczny F. Dzieje Śląska. Bytom, 1897.*

⁴³¹ Цит. по: *Biliński P. Feliks Koneczny's biography against the background of the epoch // Feliks Koneczny. Krakow, 2020. P. 14.*

⁴³² Ibidem. S. 15.

⁴³³ Ibidem. S. 16.

выступал за увеличение числа государственных школ и библиотек, а также за распространение популярной исторической литературы. В этой просветительской деятельности Конечный принял непосредственное участие: в 1902–1903 гг. были изданы две научно-популярные работы по истории Польши: «История Польши во времена Пястов»⁴³⁴ и «История Польши во времена Ягеллонов»⁴³⁵. Однако, пожалуй, важнейшим его детищем на ниве просвещения стал выход в 1905 г. «Рассказов по истории Польши для молодежи», которые за следующие 120 лет выдержали множество переизданий, в том числе несколько – уже в современной Польше⁴³⁶.

В начале 1900-х гг. Конечный активно публиковался в периодике разного профиля. Он написал множество театральных рецензий для издания «Пшегленд Польски» (*Przegląd Polski*)⁴³⁷, а также сотрудничал с журналом «Пшегленд Повшехны» (*Przegląd Powszechny*) в 1902–1906 гг., в котором представлял обзоры библиографических новинок⁴³⁸.

Создание в 1901 г. краковского «Славянского клуба» стало одним из поворотных моментов для Конечного и определило его деятельность на несколько лет вперед. Он принимал активное участие в жизни «Клуба» с самого его зарождения, его доклад «О католицизме в Чехии» был одним из первых, прочитанных на заседании новой организации⁴³⁹. В первые годы существования «Клуба» он подготовил еще два доклада: о Палацком и о съезде славянских журналистов в Любляне⁴⁴⁰.

В 1905 г. Конечный начал издавать ежемесячник «Славянский мир» и сохранил пост редактора до конца существования журнала. Собственный печатный орган

⁴³⁴ *Koneczny F. Dzieje Polski za Piastów. Kraków, 1902.*

⁴³⁵ *Koneczny F. Dzieje Polski za Jagiellonów. Kralów, 1903.*

⁴³⁶ *Koneczny F. Dzieje Polski opowiedziane dla młodzieży. Kraków, 2024.*

⁴³⁷ Дианова В.М. Теория цивилизаций Феликса Конечного: своеобразие и смысловые параллели // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. М., СПб., 2015. Вып. 1 (6). С. 156.

⁴³⁸ См. Например: *Koneczny F. Nowiny s historyografii polskiej // Przegląd Powszechny. Kraków,, 1902. T. LXXVI. N. 228. S. 336–356.*

⁴³⁹ *Klub słowiański w Krakowie. Sprawozdanie z trzechlecia // Świat Słowiański. Kraków. 1905. T. 1. S. 17.*

⁴⁴⁰ *Ibidem. S. 17.*

позволил Конечному реализовать свои планы; содержание выпусков сочетало в себе просветительскую функцию с обзором актуальных политических событий.

После закрытия «Славянского мира» Конечный успел поработать в редакции журнала «Голос народа» («Głos Narodu»), однако вскоре после начала Первой мировой войны был вынужден эвакуироваться из Кракова⁴⁴¹. В годы войны Конечный продолжал работать над несколькими историческими работами, в частности, в 1917 г. он издал книгу «История России до 1449 г.», которая легла в основу его докторской диссертации. В 1919 г. Конечный приступил к преподаванию в Университете Стефана Батория в Вильно на кафедре истории Восточной Европы⁴⁴². Получив звание профессора, он вел активную преподавательскую деятельность до отставки в 1929 г., после чего вернулся в Краков, где продолжал заниматься наукой, все больше уходя в сферу философии истории. Именно в 1930-е гг. он окончательно сформулировал свою теорию множественности цивилизаций, привлекающую внимание многих исследователей его творчества и поныне. Понимая под цивилизацией «социальный способ организации жизни общества, основанного на идентичном в пределах данного конкретного пространственно-временного сообщества понимании закона, времени и фундаментальных ценностей человеческой жизни»⁴⁴³, Конечный выделял в Европе четыре конкурирующие друг с другом цивилизации: Византийская (Германия), Туранская (Россия)⁴⁴⁴, Еврейская и Латинская (Запад). Подобная концепция позволяет отнести Конечного к числу сторонников цивилизационного подхода к истории. К англоязычному изданию его книги «О множественности

⁴⁴¹ *Biliński P.* Feliks Koneczny's biography against the background of the epoch // Feliks Koneczny. Krakow: Ignatianum University Press, 2020. P. 17–18.

⁴⁴² *Дианова В.М.* Теория цивилизаций Феликса Конечного... С. 156.

⁴⁴³ *Gawor L.* Polska myśl historiozoficzna I połowy XX wieku: Analiza wybranych poglądów. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2005. S. 203.

⁴⁴⁴ В своих поздних работах Конечный разделял славян между разными цивилизациями. Так, Россия принадлежала к Туранской, а Польша к Латинской. В этом смысле Конечный развивал идеи польского этнографа Франциска Духинского (1816–1893), хотя очевидно не поддерживал его идею о неславянском происхождении русских. О Духинском см. подробнее: *Неменский О. Б.* Историческая концепция Франтишека Духинского. Часть первая // Вопросы национализма. 2016. № 4 (28). С. 49–65; *Его же.* Историческая концепция Франтишека Духинского. Часть вторая // Вопросы национализма. 2017. № 1 (29). С. 62–96.

цивилизаций» (1962) предисловие написал другой известный сторонник цивилизационной теории Арнольд Тойнби, давший сдержанно-позитивную оценку работе своего коллеги⁴⁴⁵.

Конечный пережил Вторую мировую войну, в которой помимо всех прочих трагедий он потерял двух сыновей: Чеслава и Станислава. Умер Феликс Конечный 10 февраля 1949 г. и был похоронен в Кракове на Сальваторском кладбище⁴⁴⁶.

2.2. Концепция «польского славянофильства» как патриотическая идея в публицистике Феликса Конечного

На страницах «Славянского мира» перу Конечного принадлежит около полусотни авторских статей⁴⁴⁷, а также, как можно предположить, значительная часть редакторских текстов, которых насчитывается несколько десятков.

К 1905 г. «Славянский клуб» уже имел опыт просветительской деятельности, привлекавшей внимание как поляков, так и представителей иных славянских народов. За это время «Клуб» провел множество заседаний и обсуждений, в ходе которых поднимались темы, связанные с историей, культурой и современным положением славянских народов. В начале XX в. продолжалась традиция проведения съездов славянских журналистов, где обсуждались возможности реализации общеславянских проектов, – например, создание Славянского информационного бюро, проведение Всеславянской выставки⁴⁴⁸. Члены краковского «Славянского клуба» были постоянными участниками этих съездов. В России в этот период стало проявлять себя молодое поколение славистов и публицистов, искавших новые пути славянского сближения, их главным рупором стал выходивший в Вене в 1901–1904 гг. журнал «Славянский век». Историк З.С. Ненашева так характеризовала их деятельность: «Они пытались связать решение насущных задач современной жизни славянских народов с углублением

⁴⁴⁵ *Koneczny F.* On the plurality of civilisations. London, 1962. P. 4–5.

⁴⁴⁶ *Дианова В.М.* Теория цивилизаций Феликса Конечного... С. 157.

⁴⁴⁷ Если считать статьи, подписанные как *Feliks Koneczny* и *Ф.К.*

⁴⁴⁸ *Фирсов Е.Ф.* Съезды славянских журналистов (1898–1912) // Славянское движение XIX – XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 151–153.

славянского сотрудничества»⁴⁴⁹. Подобное суждение кажется также вполне применимо к патриотической деятельности членов краковского «Клуба». Рост интереса к славянской идее среди народов Австро-Венгрии и России и готовность славянских элит использовать ее для достижения своих политических целей ставили перед краковскими славянофилами задачу по выработке польского отношения к идее славянской взаимности. Для Конечного решение этой задачи было не просто академической работой, а патриотическим делом: в условиях, когда Польша была лишена государственности, от того, как поляки позиционировали себя в славянском мире, зависела их возможность защитить национальные интересы и сохранить свою идентичность. Поэтому публицистика Конечного была посвящена не столько пропаганде славянской идеи как таковой, сколько выработке такой ее версии, которая служила бы интересам польского патриотизма.

Конечный использовал понятие *польское славянофильство*, которое, однако, не было его нововведением и было известно и ранее⁴⁵⁰. Однако именно Конечный придал ему программный характер, сделав центральным элементом своей публицистики. На страницах «Славянского мира» это словосочетание впервые встречается в редакторской статье первого выпуска⁴⁵¹, автором которой, по всей вероятности, был сам Конечный.

Понятие «славянофильство» употреблялось Конечным и другими авторами «Славянского мира» в нескольких значениях, различия между которыми не всегда возможно установить безошибочно. Оно могло использоваться для определения «классического» русского славянофильства середины XIX в. – например, Сергей Шарапов характеризовался как «славянофил в исконно русском смысле этого слова, пытающийся продолжать традиции Хомякова»⁴⁵². В отношении поляков понятие «славянофильство» могло означать научный или культурный интерес к славянам,

⁴⁴⁹ *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба... С. 67.

⁴⁵⁰ *Michalski M.* Dawni Słowianie w tradycji polskiej pierwszej połowy XIX wieku. Poznań, 2013. S. 11–12; *Djakow W.* «Polskie słowianofilstwo» i jego wpływ na sławistykę polską (koniec XVIII w. – 1939 r.) // *Analecta*. N 2/1(3). 1993. S. 14–18.

⁴⁵¹ Klub słowiański w Krakowie // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 1. S. 6.

⁴⁵² *Przegląd prasy słowiańskiej* // *Świat Słowiański*. 1905. N 4. S. 322.

именно в таком значении впервые встречается «польское славянофильство» на страницах журнала: «Вспоминается польское “славянофильство” конца XVIII – начала XIX вв.: странствия Яна Потоцкого по славянскому миру и его исследования о славянах в Турции и полабских славянах; описание путешествий по славянским странам князя Александра Сапеги⁴⁵³; научные труды Раковецкого⁴⁵⁴, Суrowецкого⁴⁵⁵, Зориана Ходаковского⁴⁵⁶, Пшездецкого⁴⁵⁷ и т.д.»⁴⁵⁸. Однако понятие «славянофильство» также отражало общественно-политическую позицию журнала, некую идеологию, основанную на польском взгляде на идею славянской взаимности, которую издание транслировало в ряде публикаций.

В.А. Дьяков в статье «“Польское славянофильство” и его влияние на польскую славистику (конец XVIII в. – 1939 г.)» утверждал, что «использование термина “славянофильство” полностью оправдано только в отношении идеологического течения, существовавшего в России в 1840–1870-х гг. [...] поэтому лучше не использовать этот термин в иных социальных условиях»⁴⁵⁹. Впрочем, в то же время Дьяков был вынужден признать правомерность использования термина «польское славянофильство» ввиду его активного применения в польской научной литературе и отсутствия иного подходящего варианта. С этим уточнением можно согласиться. В строгом смысле термин «славянофильство» действительно применим прежде всего к русскому идейному течению 1840–1870-х гг., и переносить его на польскую почву без оговорок было бы некорректно. Однако в случае с публицистикой Конечного и материалами «Славянского мира» использование этой формулировки представляется оправданным – не только потому, что она широко применяется в

⁴⁵³ Александр Антоний Сапега (1773–1812) – польский политик и ученый, занимался химией и этнографией.

⁴⁵⁴ Игнацы Бенедикт Раковецкий (1782–1839) – польский писатель, историк, славист, переводчик, член Варшавского общества друзей наук.

⁴⁵⁵ Лаврентий Суrowецкий (1769–1827) – польский писатель, политик, историк, автор трудов по древней истории славянства.

⁴⁵⁶ Зориан Доленга-Ходаковский (1784–1825) – польский этнограф, фольклорист.

⁴⁵⁷ Александр Нарциз Пшездецкий (1814–1871) – польский историк и издатель, занимался изучением средневековой истории Польши.

⁴⁵⁸ Klub słowiański w Krakowie // Świat Słowiański. Kraków, 1905. N 1. S. 6–7.

⁴⁵⁹ Djałow W. «Polskie słowianofilstwo»... S. 9.

польской науке, но и потому, что сами авторы журнала сознательно использовали ее для обозначения своей позиции.

Для лучшего понимания истоков польского славянофильства Конечного хотелось бы обратить внимание на предшествовавшие ему попытки поляков обратиться к идее славянской взаимности.

Интерес поляков к славянству имел давнюю традицию. Еще в эпоху Просвещения польские интеллектуалы – Ян Потоцкий, Александр Сапега, Зориан Ходаковский – обращались к славянской теме, стремясь через изучение родственных народов глубже понять собственную идентичность. Потоцкий, совершивший путешествие от Эльбы до Кавказа, пытался обосновать единство славянских народов; Ходаковский, в свою очередь, видел в славянском универсализме путь к познанию польского народа, противопоставляя его узкому шляхетскому патриотизму⁴⁶⁰.

Важной институциональной формой этого интереса стало Варшавское общество друзей науки (1800–1832)⁴⁶¹. На его заседаниях лингвистические исследования служили основой для обоснования общности славянских народов. Так, в 1801 г. Ян Альбертранди⁴⁶², стремясь возвеличить польский язык через его связь с другими славянскими языками, заявлял, что «воистину достойно того, чтобы люди, любящие учиться, сохранили от разрушения язык, который [...] благодаря родству с другими языками, простирается от Новой Земли по Венецкую страну, от Рагузы до китайских границ»⁴⁶³. Таким образом, в польской интеллектуальной среде начала XIX в. наблюдался не просто научный интерес к другим славянам, а

⁴⁶⁰ *Beauvois D.* U źródeł panslawizmu: Polskie oświecenie i słowiańszczyzna (1795–1820) // *Revue des études slaves*. T. 51. N 1-2. 1978. S. 42.

⁴⁶¹ См. подробнее, например: *Kraushar A.* Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk 1800–1832: monografia historyczna osnuta na źródłach archiwalnych. Kraków-Warszawa, 1900–1906; *Матленгевич Т.* Общество друзей науки в Варшаве (1800–1832). Возникновение польского славянофильства // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 6. С. 26–30.

⁴⁶² Ян Баптист Альбертранди (1731–1808) – польский историк, один из основателей «Общества друзей наук» в Варшаве.

⁴⁶³ Цит. по: *Klarnerówna Z.* Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. Warszawa, 1926. S. 12.

сознательный поиск патриотической идеи, опиравшейся на представления о славянской общности.

В эпоху романтизма славянская идея получила новое измерение. В творчестве Адама Мицкевича и других мессианистов она обрела мистический характер: Польша мыслилась как «Христос народов», а славянству отводилась особая провиденциальная роль в истории⁴⁶⁴. В эмиграции после Ноябрьского восстания возникали периодические издания, пытавшиеся создать общеславянскую трибуну. Иероним Боньковский⁴⁶⁵ основал в 1839 г. «Славянское обозрение» (*Revue Slave*), целью которого было информировать Европу о славянах и славян друг о друге; в 1841–1843 гг. под редакцией Альфонса Маевского выходил «Славянин» (*Ślawianin*), на титульном листе которого помещался известный лозунг «За вашу и нашу свободу»⁴⁶⁶. Однако эти проекты, как правило, были недолговечны и не получали широкого отклика в польском обществе.

В эмиграции существовали и более радикальные версии славянской идеи. Михал Кубракевич в брошюре 1839 г. призывал вернуть Польшу к границам пястовской эпохи, считая Россию меньшим злом, чем Германия и Австрия, и даже ставил под сомнение роль католицизма в польской истории⁴⁶⁷. Вацлав Яблоновский, напротив, предлагал консервативно-монархическую версию: он обвинял Запад в неблагодарности и неспособности признать жертвы поляков, предрекая, что Польша либо станет «щитом Европы», либо «возьмет меч угнетателя»⁴⁶⁸. Адам

⁴⁶⁴ О польском мессианизме и его связи со славянофильством см. подробнее: *Walicki A.* «Prelekcje paryskie» Mickiewicza a słowianofilstwo rosyjskie // *Przegląd humanistyczny*. 1964. N. 1. S. 1–36; *Kurczak J.* Historiozofia nadziei: romantyczne słowianofilstwo polskie. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2000; *Ruszczyńska M.* Słowianie i słowianofile. O słowianofilskich dyskursach w literaturze polskiego romantyzmu. Kraków, 2015; *Ларионова Е.О.* Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «русская идея» в зеркале польского мессианизма // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб, 2010. С. 184–205.

⁴⁶⁵ Иероним Наполеон Боньковский (1807–1886) – польский историк, участник Ноябрьского восстания.

⁴⁶⁶ *Nowak A.* Oblicza panslawizmu. Zapomniana karta dziejów politycznej myśli wielkiej emigracji // *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, 1992. T. 27. S. 7–9.

⁴⁶⁷ *Ibidem*. S. 15.

⁴⁶⁸ *Jablonowski W.* La France et la Pologne: le slavianisme et la dynastie polonaise. Paris, 1843. P. 278.

Гуровский⁴⁶⁹, участник Ноябрьского восстания, в эмиграции изменил свои взгляды и призывал поляков слиться с Россией в общем славянском государстве⁴⁷⁰. Эти проекты, при всем их разнообразии, оставались маргинальными и не могли служить основой для широкого национального движения.

Славянский съезд в Праге 1848 г. привел к появлению австрославистской концепции, которую разделял Стефан Бущинский⁴⁷¹. Польский сторонник австрославизма видел в Габсбургской монархии «единственное спасение» для поляков и призывал австрийских славян сплотиться вокруг династии, миссией которой могло бы стать объединение славянских народов⁴⁷².

Главная же причина непопулярности славянской идеи в Польше заключалась в ее устойчивой ассоциации с Россией – одной из держав-участников раздела Речи Посполитой. После поражения в Крымской войне и Январского восстания 1863 г. в России усилились панславистские настроения, которые нередко принимали откровенно антипольский характер. И.С. Аксаков писал, что «падение Польши было подготовлено [...] изменою ее Славянским началам»⁴⁷³, а Н.Я. Данилевский утверждал, что Польша «была не только бесполезным, но и вредным членом славянской семьи»⁴⁷⁴. Такие суждения, исходившие от видных представителей панславизма, неизбежно формировали у поляков отторжение любых проектов, отсылавшим к идее славянской взаимности. Даже А.Н. Пыпин, русский историк, занимавшийся исследованием панславизма, признавал: «Давно замечено, что поляки очень равнодушны к славянскому движению, и, действительно, они меньше

⁴⁶⁹ Адам Гуровский (1805–1866) – польский публицист, участник Ноябрьского восстания. О нем см. подробнее, например: *Głębocki H. „Diabeł Asmodeusz” w niebieskich binoklach i kraj przyszłości*: hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana, 2012. 812 s.

⁴⁷⁰ *Eberhardt P. Polski panslawizm jako idea geopolityczna // Przegląd geopolityczny. 2014. T. 7. S. 66.*

⁴⁷¹ Стефан Бущинский (1821–1892) – польский писатель, публицист, участник Январского восстания.

⁴⁷² *Buszczyński S. Przyszłość Austrii*. Kraków, 1869. S. 7.

⁴⁷³ *Аксаков И.С. Наши нравственные отношения к Польше // Сочинения И.С. Аксакова. Польский вопрос и западнорусское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. СПб., 1900. С. 7.*

⁴⁷⁴ *Данилевский Н.Я. Россия и Европа / сост. и комм. Ю. А. Белова. М., 2008. С. 376.*

всего участвовали даже в чисто литературной стороне его. Это объясняется особым политическим и литературным положением Польши»⁴⁷⁵.

Таким образом, к началу XX в. славянская идея в польской науке и общественной мысли оказалась в парадоксальном положении. С одной стороны, она имела глубокие корни, уходящие в Просвещение и романтизм, подкрепленные деятельностью таких институций, как Варшавское общество друзей науки. С другой – она была дискредитирована в глазах польского общества из-за устойчивого отождествления с политическими проектами российского панславизма. Именно этот разрыв между традицией и современным восприятием предстояло преодолеть Конечному, чтобы сделать славянскую идею инструментом польского патриотизма.

Конечный стремился не допустить смешения пропагандируемых им идей с российскими панславистскими проектами. По этой причине он принципиально избегал употребления понятия «панславизм» в положительном ключе: в его публицистике этот термин всегда несет негативную окраску и ассоциируется с русификацией, тогда как собственный проект он обозначал как «славянофильство». Характерна реакция редакции журнала «Славянский мир» на опубликованную в 1906 г. анонимную брошюру на немецком языке под названием «Панславизм» (*Der Panslavismus*). Эта брошюра, написанная неким словенским патриотом⁴⁷⁶ содержала ряд тезисов, во многом совпадавших с идеями Конечного, однако автор комментария к данной брошюре (которым скорее всего был главный редактор) выразил недовольство заголовком текста: «Название “Der Panslavismus” не только не связано с содержанием брошюры, но и неудачно подобрано; напрашивается предположение, что автор пишет против славянской идеи, обвиняя ее в панславизме, под которым привычно понимается стремление превратить славян в русских»⁴⁷⁷.

⁴⁷⁵ Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 154.

⁴⁷⁶ Позже стало известно, что автором был Леопольд Ленард.

⁴⁷⁷ Program słowińskiego patryoty. Świat Słowiański. Kraków, 1906. N 22. S. C. 271.

В качестве альтернативы другим славянским проектам Конечный в 1907 г. сформулировал требование, которое впоследствии стало девизом: «Славянофильство без уступок». Для Конечного он стал своего рода синонимом главной цели польского славянофильства.

В одноименной статье он писал: «Славянофильство, в отличие от панславизма, заключается в том, что оно не требует от кого-либо каких-либо уступок, ни национальных, ни конфессиональных, ни социальных»⁴⁷⁸. Из этого следует, что славянское сближение не должно было сопровождаться какой бы то ни было унификацией, что ни один славянский народ не будет ущемлен в правах и не станет жертвой навязывания чужих порядков. В этом, собственно, и состояло отсутствие уступок, согласно Конечному. В одной из редакторских статей были такие строки: «Мы должны сказать друг другу одно: пусть каждый из нас будет тем, кем хочет, а другому не будет до этого дела! Это внутренние дела каждого из нас, и славянское единство, к которому мы стремимся, является вопросом, совершенно независимым от того, как складываются отношения партий у наших собратьев»⁴⁷⁹.

Можно предположить, что подход Конечного к идее славянской солидарности постепенно развивался и выкристаллизовывался в ходе различных дискуссий как внутри «Клуба», так и в полемике с представителями других народов. В 1911 г. вышла редакторская статья «Наш метод», где автор разграничил старые подходы к славянской идее, называя их дедуктивными, и новый метод, предлагаемый редакцией журнала, который именовался индуктивным. Автор статьи провозглашал существование чувства славянской взаимности, предопределявшего стремление славян к объединению, фикцией⁴⁸⁰, что отвергало и российский панславизм, и романтический польский мессианизм. По мнению редакции, славянское сближение могло быть осуществимо только на основе изучения каждого народа и принятия его интересов. Пропаганда такого метода, очевидно, должна была работать как на внутреннюю польскую аудиторию, показывая ей

⁴⁷⁸ *Koneczny F. Słowianofilstwo bez ustępstw // Świat Słowiański. Kraków, 1907. N 30. S. 414.*

⁴⁷⁹ *Dwa warunki solidarności słowiańskiej // Świat Słowiański. Kraków, 1906. N 19. S. 8.*

⁴⁸⁰ *Nasza metoda (na siódmy rok wydawnictwa «Świata słowiańskiego») // Świat Słowiański. Kraków, 1911. N 73. S. 1.*

отличие польского славянофильства от русского панславизма, так и на внешнюю, привлекая внимание потенциальных славянских читателей.

В деле пропаганды славянской идеи в польском обществе Конечному помогал приобретенный им опыт изучения политической истории Центральной и Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. Кроме того, мотив сопротивления поляков и других славян натиску Тевтонского ордена в XIII–XV вв. во многом перекликался с политической ситуацией начала XX в. и распространенным представлением о немецком *Дранг нах Остен* (*Drang nach Osten*). Так, в политике династии Ягеллонов по расширению международного влияния Польши и в совместных усилиях славян дать отпор Тевтонскому Ордену Конечный усматривал зачатки польской славянской политики: «Польша становится с полным осознанием во главе “войны со всей немецкой нацией”, ссылаясь в 1410–1435 гг. много раз на родство крови и языка»⁴⁸¹. Занятие Ягеллонами чешского и венгерского престолов, а также планы возможного союза с Москвой⁴⁸² и дальнейшего продвижения границ Польского государства на восток рассматривались Конечным как часть польской славянской политики. По этому поводу он писал: «Эти идеи буквально витали в воздухе, их пропагандировали, и кровь за них проливали с полным осознанием общности “славянского имени”. Во всей нашей литературе, в прозе и поэзии, в сочинениях польских и латинских, полно свидетельств того, что Польша стремилась к росту своей политической мощи на фоне славянском, считая племенное братство за естественную почву польской политической жизни»⁴⁸³. Кроме того, Конечный заострял внимание на внеконфессиональном характере польской политики: «В большей степени, нежели конфессиональными спорами, поляки в XVI в. были заняты делами строго национальными и строго политическими. Когда соседи расходовали свою энергию на богословский дилетантизм (под этим понятием автор подразумевал

⁴⁸¹ *Koneczny F. Słowianofilstwo bez ustępstw...* S. 409.

⁴⁸² Обращает на себя внимание, что хронология событий, о которых шла речь, у Конечного не всегда была точна. Вероятно, он полагал, что эти сюжеты без напоминания известны его аудитории в должной мере.

⁴⁸³ *Koneczny F. Słowianofilstwo bez ustępstw...* S. 410.

Реформацию. – *И.Е.*), у нас возникают новые политические идеи, такие, к исполнению которых подключаются граждане независимо от вероисповедания»⁴⁸⁴. Вероятно, можно сделать вывод, что для Конечного было важно обратить внимание читателей на период польской истории, отмеченный высокой степенью религиозной терпимости⁴⁸⁵.

В свою очередь причину политического ослабления Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. Конечный видел в отказе от дальнейшей реализации славянской политики и концентрации усилий исключительно на внутренних польских делах: «Мы сами стерли польское государство с карты Европы, так как бездействовали перед тем, что происходило вокруг нас, ограничившись делами, не выходившими за пределы наших собственных границ»⁴⁸⁶. Судя по всему, с точки зрения Конечного, в гибели Речи Посполитой превалировали внутренние причины, однако эти причины, связанные с отказом поляков от славянской политики, отличались от взгляда классиков краковской исторической школы, которые видели проблемы Речи Посполитой Нового времени в ее государственном строе. Так, Михал Бобжиньский в «Очерке истории Польши» (1879) выразил мнение, вызвавшее глубокое недовольство и непонимание со стороны патриотически настроенных представителей польской элиты: «Только у нас одних не было правительства, которое бы в решительную минуту сосредоточило бы вокруг себя подорванные силы и придало им нужное направление. У нас не было правительства, и это одна, единственная причина нашего упадка»⁴⁸⁷. Кроме того, важно отметить, что Конечный высоко оценивал эпоху правления Станислава Августа Понятовского, когда, на его взгляд, стал очевиден потенциал для внутреннего возрождения

⁴⁸⁴ *Koneczny F.* Słowianofilstwo bez ustępstw... S. 410.

⁴⁸⁵ О религиозной терпимости в Речи Посполитой в XVI–XVII вв. см. подробнее: *Tazbir J.* Państwo bez stosów: szkice z dziejów tolerancji w Polsce XVI i XVII w. Warszawa, 1967.

⁴⁸⁶ *Ibidem.* S. 411.

⁴⁸⁷ *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1974. S. 400. Особое внимание на этот тезис М. Бобжиньского в свое время обратил Н.И. Кареев в статье 1886 г. – См.: *Кареев Н.И.* Новейшая польская историография и переворот в ней // Вестник Европы. 1886. Кн. 12. С. 535–588. Об этом см. также: *Аржакова Л.М.* Опыт польско-российского диалога: Н.А. Попов, Н.И. Кареев и М. Бобжиньский // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2009. Вып. 3. С. 9–17.

Польской государственности, и, вместе с тем, реальная перспектива для объединения славянских народов. Таким образом, Конечный не возлагал всю вину за падение Польши на самих поляков, именно натиск соседних империй не позволил, с точки зрения краковского историка, реализовать такой «привлекательный» как для Речи Посполитой, так и для всего славянства план. Конечный по этому поводу, в частности, писал: «Если бы польское государство пережило этот исторический этап, полонофильство должно было стать лозунгом всего славянства, пробуждающегося к новой жизни и жаждущего славянской государственности⁴⁸⁸. Подобные суждения, слабо подкрепленные фактами, скорее были попыткой Конечного показать польскому читателю неразрывную связь идеи славянской взаимности с польской патриотической миссией. Вероятно, Конечный сознательно упрощал хронологию, переходя от XVI сразу к XVIII в., его целью было не столько дать точную историческую картину, сколько показать контраст между «золотым веком» славянской политики и катастрофой постигших Речь Посполитую разделов.

Конечный настаивал, что истоки польского славянофильства необходимо искать в глубокой древности, следовательно, польское славянофильство, по его мнению, не являлось навязанной полякам извне идеей или адаптированной версией русского славянофильства-панславизма: «Лжет или утопает в невежестве [тот], кто утверждает, что эта (славянская. – *И.Е.*) идея явилась на польскую землю из-за границы. Славянская идея у нас вечная, Польша ее родная мать»⁴⁸⁹. Более того, Конечный считал, что именно поляки привнесли в Россию славянскую идею, которой она, однако, не смогла в должной мере воспользоваться в XIX в.: «Польского государства не было, поэтому вместо полонофильства появилось “москвофильство”. Россия, захватив Польшу, получила после нее политическое наследство, т.е. все выгоды, которые должны были стать частью польского государства [...] Но Россия не доросла до того, чтобы управлять этим наследством, и под ее влиянием произошло такое вырождение славянской идеи, что она стала

⁴⁸⁸ *Koneczny F. Słowianofilstwo bez ustępstw... S. 411.*

⁴⁸⁹ *Koneczny F. Słowianoznawstwo a słowianofilstwo // Świat Słowiański. Kraków, 1913. N 98. S. 67.*

непригодной, в том числе для самой России»⁴⁹⁰. Можно сказать, что в устах Конечного российский панславизм оказывался несостоятельной и вторичной по отношению к польскому славянофильству теорией, что в свою очередь создавало впечатление культурного превосходства поляков.

Конечный представлял себя и других членов «Славянского клуба» как приверженцев старого польского славянофильства и своего рода хранителей традиций польской славянской идеи, которую им предстояло возродить и пропагандировать в новых условиях.

Вместе с тем, можно заметить определенное противоречие в позиции Конечного: обращение к прошлому в духе романтической историографии и стремление доказать исконность и историческую значимость славянской политики для Польши несколько не соответствовали его соображениям о том, что современная ему славянская политика должна строиться исключительно на прагматических представлениях об общих интересах. Так, в 1913 г., после создания краковского «Славянского общества», в статье, носившей характер скорее манифеста (изданной вскоре отдельной брошюрой), он писал: «Не потому мы должны заниматься славянскими делами, что это наши собратья; само племенное родство еще ни о чем не говорит (родным братом может оказаться и Каин!); не потому, что это должно быть выражением симпатии [...] – а потому что этого требуют национальные интересы Польши»⁴⁹¹.

Конечный, по-видимому, рассчитывал, что его экскурсии в историю способны привлечь внимание к славянским делам со стороны патриотически настроенной польской аудитории, заодно убедив оппонентов в том, что идея славянского единства полякам отнюдь не чужда. Возможно, именно желанием Конечного сохранить интерес поляков к славянской идее объясняется тот факт, что при упоминании понятия «славянофильство» он настаивал на употреблении

⁴⁹⁰ *Koneczny F. Słowianofilstwo bez ustępstw... S. 411.*

⁴⁹¹ *Koneczny F. Słowianoznawstwo a słowianofilstwo // Świat Słowiański. Kraków, 1913. N 98. S. 62.*

определения «польское», в одной из статей он писал: «Без прилагательного “польский” невозможно даже представить себе это направление в Польше»⁴⁹².

Помимо предложенного метода сближения славян и обоснования исторического значения польского славянофильства Конечному надо было определить цель этого сближения, которая состояла в организации сопротивления экспансии Германии, ограничении ее влияния в Европе, в первую очередь в России и Австро-Венгрии. Такая точка зрения была характерна не только для Конечного, но и для других авторов «Славянского мира», что позволяет с уверенностью говорить об антигерманской направленности журнала. Сближение Германии с монархией Габсбургов и особенно с венгерской ее частью, угнетенное положение поляков, проживавших в Германии, – все это были вопросы, которые постоянно обсуждались на страницах журнала. Сам Конечный, переживая за Великую Польшу⁴⁹³, находившуюся под властью Германии, писал, что при неизменности сложившейся ситуации поляки полностью потеряют ее в течение следующих 30 лет. Свое отношение к Германии он отчетливо сформулировал так: «Все остальное должно отойти на второй план в нашей общественной жизни. Руководить всеми нашими действиями, объединениями, договоренностями и политическими организациями должна антипрусская мысль»⁴⁹⁴.

Основным способом сдерживания Германской империи с точки зрения Конечного была работа по политическому сближению России и Австро-Венгрии, чему и должно было способствовать славянское движение. В свою очередь, для решения этой задачи надо было усилить позиции славянских народов в монархии Габсбургов. Таким образом, разделенное положение поляков оказывалось не столько трагедией, сколько политическим преимуществом, позволявшим полякам стать посредниками в деле сближения двух империй. Однако, будучи австрийским подданным, Конечный в своей публицистике настойчиво проводил мысль о

⁴⁹² *Koneczny F. Słowiańskie wyznanie wiary Polaka // Świat Słowiański. Kraków, 1914. N 115. S. 44.*

⁴⁹³ Имеется в виду исторический регион Великая Польша, западная часть которого после Венского конгресса находилась сначала в составе Пруссии, а после объединения германских земель – в составе Германии.

⁴⁹⁴ *Koneczny F. Słowiańska obrona Wielkopolski // Świat Słowiański. Kraków, 1908. N 37. S. 1.*

необходимости упрочения положения поляков в австро-венгерском социуме, и потому в 1908 г. писал: «Словенский университет, второй чешский университет в Моравии, официальный “внутренний” чешский язык, защита чешского, словенского и хорватского меньшинств, словенские школы и далматинские дороги [...], – вот вопросы, которые должны занимать поляков как свои собственные»⁴⁹⁵. Иначе говоря, польские национальные интересы, а также истинный польский патриотизм, по мнению Конечного, требовали активного участия поляков в решении проблем других славянских народов, находившихся под властью Вены, являвшейся «ключом к международной политической ситуации»⁴⁹⁶. В способности поляков верил и другой автор «Славянского мира», словенский полонофил Леопольд Ленард, писавший по этому поводу, в частности: «Поляки – как самая политическая нация в Австрии – активно берут управление славянской политикой в свои руки»⁴⁹⁷.

Российская политика и русско-польские отношения также были одной из сквозных тем в публицистике Конечного. Он настороженно относился к властям Российской империи и опасался российского панславизма как угрозы польской национальной самобытности: «Россия понимала славянскую идею как исключительно русское дело, в котором другим славянам пристало участвовать только пассивно [...] Панславизм требовал, чтобы мы перестали быть поляками, или, по крайней мере, сделали принципиальные уступки со стороны национальной идеи в пользу не славянства вовсе, а попросту в пользу русского кнута»⁴⁹⁸. Кроме того, в среде русских сторонников славянской взаимности преобладала антипатия в отношении Австро-Венгерской империи, что также не позволяло Конечному видеть в них потенциальных союзников.

⁴⁹⁵ Ibidem. S. 5

⁴⁹⁶ K.K. z Wielkopolski, *Koneczny F.* Problem zgody z Rosyą // *Świat Słowiański*. Kraków, 1907. N 34. S.218.

⁴⁹⁷ *Lenard L.* Polityczne zadanie polaków // *Świat Słowiański*. Kraków, 1907. N 27. S. 182.

⁴⁹⁸ *Koneczny F.* Słowianofilstwo bez ustępstw... S. 411–412.

Однако когда заходила речь о славянском сближении с целью защиты от Германии, польский ученый, по всей видимости, был вынужден признать невозможность такого объединения без поддержки России.

В идеале краковский публицист рассчитывал на демократизацию российской политики, и надежду на это ему давала революция 1905–1907 гг. Конечный вслед за Здзеховским строго разделял имперскую власть, проводившую, по его мнению, неразумную в отношении поляков политику, и российское общество, в котором он видел потенциал для перемен: «Но есть Россия другая. Есть. Мы видели ее на земских съездах собственными глазами, и поэтому мы не можем сомневаться в ее существовании. Есть Россия, с которой идти вместе было бы облегчением для всех нас»⁴⁹⁹. Вероятно поэтому Конечный считал, что полякам и другим славянам следовало бы активнее влиять на общественное мнение в России, ведь, по его наблюдениям: «Мы еще мало участвовали в российской публицистике, и недостаточно систематически. Мы стремились к симпатии россиян, но не сообщали им о наших национальных интересах, состояние которых таково, что поддержание связи с российской государственностью имеет для нас в целом неизмеримую ценность, а с точки зрения Великой Польши это необходимость»⁵⁰⁰. Можно заметить, что автор прямо указывал на связь национальных интересов Польши с российскими делами. Однако, с точки зрения Конечного, понять и принять во внимание польские национальные интересы могло, и должно было именно российское общество.

Рисуя в 1905 г. ближайшие перспективы Российской империи (как он их понимал), ученый выделил два возможных варианта: во-первых, ослабление ее из-за революционных событий и, как следствие этого, вторжение Германии, и, во-вторых, избрание Россией пути реформ. Обращает на себя внимание, что в обоих вариантах Конечный выступал за сохранение русско-польских связей. Ярким тому свидетельством служит одна из его статей 1907 г., где он прямо заявил, что «даже

⁴⁹⁹ *Koneczny F. Czy będzie sąd? II. Artykuł polski // Świat Słowiański. Kraków, 1905. N 11. S. 343.*

⁵⁰⁰ *K.K. z Wielkopolski, Koneczny F. Problem zgody z Rosyą // Świat Słowiański. Kraków, 1907. N 34. S. 220.*

в случае значительного ослабления Российской империи мы должны держаться российской государственности, чтобы превратить ее в общую»⁵⁰¹. Современное сосуществование поляков и русских в рамках Российской империи Конечный не считал отвечающим принципам общности и единого политического поля, и для описания будущего межнационального согласия использовал известный термин «уния». Он напоминал, что «захват не порождает общей государственности, потому что государство, которое нас угнетает, не наше государство, оно только государство над нами. Только уния способна проделать эту великую историческую работу»⁵⁰².

Подобная идея возможности и даже необходимости примирения поляков с Россией, пусть и высказывавшаяся весьма аккуратно, была скорее нетипичной для польской интеллектуальной среды Галиции за пределами «Славянского клуба». Она, пожалуй, в большей степени отвечала идеологическим установкам основных политических сил Царства Польского – Национально-демократической партии и Партии реальной политики⁵⁰³.

Примечательно, что Конечный приветствовал пропаганду идей чешского сокольства⁵⁰⁴ на территории России, помимо прочего указывая на родство сокольского гимна «Hej Slované» и польской «Jeszcze Polska nie zginęła», а заодно симпатизируя «сокольской идее, идее демократии и свободы»⁵⁰⁵. Вероятно, он видел в сокольстве форму национальной мобилизации, которую можно использовать для укрепления славянской солидарности без прямого вмешательства государства. На территории Галиции сокольское движение существовало с 1871 г. (дата основания польского общества «Сокол» во Львове⁵⁰⁶).

⁵⁰¹ *Koneczny F.* Propaganda zgody z Rosyą // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 10. S. 273.

⁵⁰² *Ibidem*. S. 272.

⁵⁰³ *Фалькович С.М.* Сотрудничество русских и польских неославистов и славянские съезды начала XX в. // *Славянские съезды XIX–XX вв.* М., 1994. С. 114–115.

⁵⁰⁴ Сокольское движение – чешское общественно-политическое спортивное движение, для которого были характерны в том числе националистические и панславистские идеи.

⁵⁰⁵ *Koneczny F.* Słowianofilstwo a handel // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 8. S. 119.

⁵⁰⁶ *Котов В.В.* Сокольский взлет: спорт и политика в чешских землях (1861–1871). М., СПб., 2024. С. 283. – О польском «Сокольстве» см. также: *Kronika Towarzystwa Gimnastycznego «Sokół» we Lwowie* // *Księga pamiątkowa ku uczczeniu dwudziestej piątej rocznicy założenia Towarzystwa Gimnastycznego «Sokół» we Lwowie*. Lwów, 1892; *Toporowicz K.* Geneza i rozwój

Конечный был даже готов примириться с ведущей ролью России в славянском мире, но при этом упрямо выступал против аргументов, которыми руководствовались русские панслависты, предлагая России новые, «польские» принципы: «Панславизм должен быть преобразован в польское славянофильство, хотя бы и под руководством российской компании»⁵⁰⁷.

Очевидно, что польскому ученому не доставало реализма в оценке политической ситуации, а желаемое зачастую выдавалось за действительное. После Славянского съезда в Праге в 1908 г. Конечный заявлял, что произошел «разрыв между старым панславизмом и новым славянофильством, то есть попросту между друзьями и врагами Польши»⁵⁰⁸. Главный редактор «Славянского мира» не без удовлетворения отмечал, что теперь «панслависты» утратили свое прежнее влияние: «Филевич, Вергун, Францев, Кораблев не имели там никакого значения. Не погибнет еще в России это прежнее направление, но кроме России нет и не будет больше нигде никакого организованного его представительства»⁵⁰⁹. Впрочем, позже Конечному пришлось признать, что влияние русских сторонников славянской взаимности продолжало сохраняться.

Ограниченность политических реформ в России и упорное нежелание царских властей предоставить польским землям автономию не могли рассматриваться Конечным как удовлетворительные для поляков итоги революционных событий 1905–1907 гг., поэтому его отношение к проводимой Российской империей политике оставалось противоречивым. С одной стороны, он продолжал выступать за союз России с Австро-Венгрией, а, с другой, радовался утрате русского влияния на Балканах в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг.: «Со славянской точки зрения хорошо, что закончится влияние России среди южных славян»⁵¹⁰. В период

organizacyjny Towarzystwa Gimnastycznego «Sokół» w Krakowie w latach 1885–1914 // Rocznik Naukowy WSWF w Krakowie. Kraków, 1966. T. V; Krokosz P. Polskie Towarzystwo gimnastyczne Sokół w Welicze w latach 1892–1939 // Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 1. С. 208–222.

⁵⁰⁷ *Koneczny F.* Słowianofilstwo bez ustępstw... S. 414.

⁵⁰⁸ *Koneczny F.* Po konferencji Praskiej // Świat Słowiański. Kraków, 1908. N 44–45. S. 707.

⁵⁰⁹ *Ibidem.* S. 707.

⁵¹⁰ *Koneczny F.* Rosya i Austria // Świat Słowiański. Kraków, 1908. N 48. S. 1021.

1908–1914 гг. позиция всего журнала становилась все менее ориентированной на Россию, а ставка в большей степени делалась на австрославистский подход.

Предложенная Конечным идея сближения Австро-Венгрии с Россией в противовес Германии совпадала с внешнеполитической концепцией лидера младочехов и «отца неославизма» Карела Крамаржа⁵¹¹, а принцип «славянофильство без уступок» во многом соответствовал духу неославистского движения. Несмотря на это, Крамарж и неославизм в целом не раз становились объектом критики со стороны польского историка и публициста.

Накануне Славянского съезда в Праге он писал: «Таким образом, считая “неославизм” феноменом, чрезвычайно желательным и вспомогательным для нас, желая ему развития и удачи, мы не считаем его источником, из которого Польша должна была бы черпать политическое мировоззрение»⁵¹². На данном этапе Конечного не удовлетворяло в первую очередь отсутствие у делегатов съезда четкой политической программы, что было осознанной позицией организаторов. Однако польский историк не отвергал неославизм полностью, но, если можно так выразиться, ставил ему условие – учет польских интересов, и когда это условие не было выполнено, последовал разрыв.

После того как неославистское движение оказалось неспособным разрешить русско-польские противоречия, а на Славянский съезд, проходивший в 1910 г. в Софии, польская делегация отказалась приехать⁵¹³, предыдущая сравнительно сдержанная оценка Конечного стала более резкой. Теперь он прямо заявлял, что «“Неославизм”, потерпевший поражение, не является польской идеей. У нас есть свое польское славянофильство, органом которого является “Świat Słowiański” (который старше неославизма!), и которое способно похвастаться успешными результатами. Смещение журнала “Świat Słowiański” с неославизмом является доказательством самого грубого невежества»⁵¹⁴. Как можно заметить, в 1913 г.

⁵¹¹ *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 81.

⁵¹² *Koneczny F.* Przed konferencyą Praską // *Świat Słowiański*. Kraków, 1908. N 43. S. 637.

⁵¹³ *Фалькович С. М.* Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907–1912). М., 1975. С. 133–134.

⁵¹⁴ *Koneczny F.* Słowianoznawstwo a słowianofilstwo // *Świat Słowiański*. Kraków, 1913. N 98. S. 75.

польский мыслитель уже старался максимально отдалиться от данного движения и не желал, чтобы его журнал с ним ассоциировался.

Справедливо будет сказать, что идеи Конечного оставались крайне непопулярными в польском обществе. Подтверждение тому находим в констатации Конечного образца 1914 г., то есть спустя почти десятилетие после того, как начал выходить журнал «Славянский мир»: «Только одна нация во всем мире глуха и слепа к тому, что на самом деле происходит вокруг, равнодушна к реальности. Она уже привыкла к опозданию в политической жизни: польский народ минимально принимает в этом (славянском. – *И.Е.*) движении участие, будто это не отвечает его первоочередным интересам»⁵¹⁵.

Таким образом, «польское славянофильство» в интерпретации Феликса Конечного не было для поляков самоцелью или данью романтической традиции. Для краковского историка славянская идея выступала прежде всего инструментом защиты польских национальных интересов в условиях германской экспансии и давления на поляков в Российской империи.

Патриотизм в понимании Конечного требовал от поляков выйти за пределы этнографической территории и активно включиться в политическую жизнь Австро-Венгерской империи, поддерживая требования других славянских народов как свои собственные.

Ключевым для него оставался принцип «славянофильства без уступок»: сближение славян не должно было сопровождаться унификацией языка, веры или социального устройства. Этот принцип, при всей его декларативности, позволял Конечному дистанцироваться как от русского панславизма (который он считал формой русификации), так и от неославизма (в котором он видел недостаточное внимание к польским интересам). При этом его собственные исторические экскурсы в средневековую Польшу нередко противоречили провозглашённому прагматизму: стремясь доказать исконность славянской идеи для поляков, он сам обращался к романтизированному прошлому.

⁵¹⁵ *Koneczny F. Słowiańskie wyznanie wiary Polaka... S. 42.*

2.3. Отношения поляков со славянскими народами в публицистике Феликса Конечного

Для Феликса Конечного патриотическая идея была неразрывно связана с идеей славянского сближения. Он последовательно отстаивал тезис, что подлинный польский патриотизм невозможен вне славянского контекста. Польша, по его убеждению, лишь тогда сможет сохранить свою национальную идентичность и противостоять внешнему давлению, когда перестанет замыкаться в собственных границах и включится в выстраивание союзнических отношений с другими славянскими народами. В связи с этим центральное место в публицистике Конечного заняли два сюжета: польско-чешские отношения и русинский вопрос в Галиции. В первом случае он видел потенциального союзника, во втором – внутреннюю проблему, требовавшую урегулирования. Оба направления были для него неразрывно связаны с поиском путей реализации польской патриотической идеи в конкретных политических условиях начала XX в.

С чешской интеллектуальной средой Конечный установил первые связи еще в 1890-е гг., благодаря знакомству с чешским историком Ярославом Бидло⁵¹⁶, который помогал польскому коллеге с публикациями в Чехии; их дружба сохранялась десятилетия. В чешском народе Конечный видел пример стойкости перед лицом германизации, в письме Бидло от 1896 г. польский мыслитель, анализируя положение поляков в Германии, писал: «Плохо, конечно плохо, но разве в Чехии не было намного хуже? И все же!»⁵¹⁷

Конечного интересовала идея славянской взаимности в чешской общественной мысли, в частности личность Франтишека Палацкого⁵¹⁸. В 1902 г. варшавское издание «Огниско» (*Ognisko*) обратилось к польскому историку с просьбой

⁵¹⁶ Ярослав Бидло (1868–1937) – чешский историк. См. подробнее: *Ďurčanský M.* Czeski historyk Jaroslav Bidlo i jego udział w ruchu neosłowiańskim przed i wojną światową // *Zeszyty naukowe uniwersytetu jagiellońskiego. Prace Historyczne*. 2020. T. 147. N 2. S. 347–359.

⁵¹⁷ *Biliński P., Ďurčanský M.* Korespondencja Feliksa Koniecznego z Jarosławem Bidlo // *Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej*. 2016. T. LXVI. S. 50.

⁵¹⁸ Франтишек Палацкий (1798–1876) – чешский историк, политический деятель, один создателей австрославистской концепции.

написать краткую биографию Палацкого⁵¹⁹, впоследствии Конечный опубликовал в «Славянском мире» весьма обширный очерк о жизни чешского деятеля и его влиянии на чешское общество⁵²⁰.

Однако при всей симпатии Конечного к чешскому национальному движению и его лидерам, прагматические задачи славянского сближения неизбежно выводили его на уровень текущей политики. Если Палацкий для Конечного был фигурой, освященной историческим авторитетом, то современная ему чешская политика вызывала у него критику.

В связи с надеждами краковских славянофилов на политические изменения в России редакция «Славянского мира» поначалу не видела необходимости в чешском посредничестве для диалога с ней, и стремилась абстрагироваться от участия чехов в русско-польском сближении. В апреле 1906 г. в журнале было заявлено: «Нет ничего политически важного в том, что чехи думают об отношениях Польши и России. Время, когда они могли сыграть важную роль посредника, уже прошло [...] Русский подал руку поляку за спиной чеха»⁵²¹. Причина такой саркастической оценки места чехов в русско-польских отношениях крылась в полемике между «Славянским миром» и популярной младочешской газетой «Народни листы» (*Národní listy*), которую польский журнал обвинял в искажении польской программы и поддержке «азиатской» России в ущерб «европейским» течениям внутри русского общества⁵²². В декабре 1905 г. «Славянский мир» и вовсе заявил о прекращении подробного анализа «Народни листов». Таким образом, в журнале Конечного создавалась политическая картина, в которой поляки и либеральная Россия противопоставлялись чехам и России «жандармской». В 1906 г. в журнале резюмировалось: «В Праге люди удивительно отстали»⁵²³.

⁵¹⁹ Biliński P., Ďurčanský M. Korespondencja Feliksa Konecznego... S. 53.

⁵²⁰ Koneczny F. Franciszek Palacký // Świat Słowiański. Kraków, 1906. N 16. S. 485–529.

⁵²¹ Hasło związku cłowego Austrii z Rosyą // Świat Słowiański. Kraków, 1906. N 16. S. 223.

⁵²² Przegląd prasy słowiańskiej // Świat Słowiański. Kraków, 1905. N 12. S. 493.

⁵²³ Hasło związku cłowego Austrii z Rosyą ... S. 223.

Однако Конечный призывал чехов присоединиться к общему делу сближения России и Австро-Венгрии: «Брат-чех, равняйся с нами в походе!»⁵²⁴ Польский историк считал, что чехи в наибольшей степени заинтересованы в этом сближении, оно являлось для них «условием самого национального существования». Чехи наравне со словенцами должны защищать Австрию от распада, иначе, «когда Россия оправится от революции, когда Польша снова начнет политическую жизнь, и два величайших славянских народа [...] захотят посчитать своих братьев, их может стать на двух (чехов и словенцев. – *И.Е.*) меньше»⁵²⁵. Таким образом, Конечный сообщал чехам, что поляки без них смогут справиться, а вот они без помощи поляков могут и не выжить.

Вместе с тем позиция самого «Славянского мира» в отношении принципов славянской солидарности не всегда была последовательной. В редакторской статье 1906 г. «Два условия славянской солидарности» ее автор (по-видимому, сам Конечный) обвинял некоторых славян в том, что они симпатизируют другим славянским народам, только если те разделяют их национальные политические проекты. «Если кто-то [...] симпатизирует брату из-за того, что разделяет его социально-политические убеждения, – писал польский автор, – то ему не нужно славянофильство, потому что люди со схожими взглядами найдутся в Германии, Франции или Америке»⁵²⁶. Однако в полемике с чешской прессой Конечный нередко сам ставил славянскую солидарность в зависимость от политических симпатий к определенным российским партиям, что отражало непоследовательность его позиции, балансировавшей между декларируемым принципом «славянофильства без уступок» и конкретными политическими интересами Польши.

К 1908 г. оптимизм краковских сторонников славянской взаимности в отношении России стал ослабевать, надежды на польскую автономию не оправдались, а в 1909 г. в Государственную Думу был внесен законопроект о

⁵²⁴ Ibidem. S. 224.

⁵²⁵ *Koneczny F. Czesi i słowienicy wobec nowej ery słowiańskiej // Świat Słowiański. Kraków, 1906. N 19. S. 32.*

⁵²⁶ *Dwa warunki solidarności słowiańskiej // Świat Słowiański. Kraków, 1906. N 19. S. 7–8.*

выделении Холмской губернии из Царства Польского, что обостряло русско-польские противоречия. Одновременно активизировался Крамарж, стремившийся сделать «польский вопрос» одной из центральных тем готовившегося тогда Пражского славянского съезда. Стремясь примирить русских и поляков, он обсуждал этот вопрос в Санкт-Петербурге, в том числе с председателем Совета министров П.А. Столыпиным⁵²⁷. Роль чехов как посредников стала актуальной для поляков. Итоги Славянского съезда в Праге Конечный оценил сдержанно оптимистично, но вновь выразил обеспокоенность «антипольской» позицией «Народни листов»⁵²⁸.

В 1909–1910 гг., на фоне угасания неославизма, Крамарж предпринимал еще несколько попыток примирить поляков и русских⁵²⁹. В октябре 1909 г. он обратился с запиской непосредственно к Николаю II, в которой подчеркивал важность урегулирования русско-польских проблем для сплочения всех славян и славян Австро-Венгрии в частности⁵³⁰. Однако заинтересованность сторон ослабла, и каждая из них требовала от лидера младочехов занять более определенную позицию. Так, Конечный критиковал Крамаржа за нечеткую позицию по русинскому вопросу в Восточной Галиции⁵³¹, а также упрекал чешского политика в том, что тот ознакомился со всеми славянами, кроме поляков, земли которых он даже не удостоил более или менее продолжительным визитом: «Этот горячий славянофил, знающий все славянство, только одно сделал себе исключение: он не знает Польши! Он никогда по польским землям не путешествовал (наверное, только проездом), не налаживал у нас личных связей (наверное, случайно), и хотя русских подталкивает, чтобы они сблизилась с поляками, сам он с нами не сближался и не сближается»⁵³². Данная характеристика была не вполне точной – как минимум потому что в 1908 г. после поездки в Санкт-Петербург Крамарж

⁵²⁷ *Ненашева З.С.* Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // *Родина*. 2001. № 1–2. С. 132.

⁵²⁸ *Koneczny F.* Po konferencyi Praskiej // *Świat Słowiański*. Kraków, 1908. N 44–45. S. 710–711.

⁵²⁹ *Giza A.* Stosunki polsko-czeskie, 1795–1920. Szczecin, 1995. S. 120.

⁵³⁰ *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 140.

⁵³¹ *Koneczny F.* Dr. Kramar na tle neoslawizmu // *Świat Słowiański*. Kraków, 1909. N 56–57. S. 154.

⁵³² *Ibidem*. S. 157.

посетил Варшаву, где была организована встреча с польскими деятелями⁵³³. Но стоит заметить, что, несмотря на подобную оценку действий Крамаржа, Конечный не был готов окончательно отказываться от сотрудничества с ним и выражал надежды на рост его интереса к полякам.

В 1908–1914 гг. на страницах «Славянского мира» уделялось меньше внимания России и больше внимания выстраиванию контактов с другими славянскими народами Австро-Венгрии, в том числе с чехами.

Кроме того, Конечный, критикуя чехов, тем не менее, всегда последовательно выступал за добрососедские отношения польского и чешского народов, что особенно заметно в его подходе к освещению спора вокруг Тешинской Силезии⁵³⁴. В начале XX в. польско-чешское соперничество в регионе обострилось: местные чешские власти оказывали давление на проживавших там поляков и направляли в Вену искаженную информацию о ситуации на местах⁵³⁵. При этом в полиэтничной провинции проживало большое число немцев, а также действовали сторонники силезской региональной идентичности⁵³⁶. Конечный, – как историк, писавший в том числе о Силезии⁵³⁷, – глубоко знал проблему и воздерживался от прямых выпадов в адрес чехов. В 1905 г. он написал статью, поводом для которой послужило учреждение чешской семинарии в городе Польская Острава, вызвавшее волну возмущения среди польского населения. В своей работе Конечный возлагал вину за конфликт на немцев, подчеркивая, что значительная часть чешских политиков и публицистов выступили против этой провокации⁵³⁸, и обратился к славянским политикам в Вене с предложением создать постоянную комиссию для решения тешинского спора⁵³⁹. В 1910 г. редакция журнала осудила местных

⁵³³ *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия... С. 104–105.

⁵³⁴ О Тешинской Силезии см. подробнее: *Popiołek F.* Studia z dziejów Śląska Cieszyńskiego. Katowice, 1958.; *Gruchala J.* Koło Polskie w austriackiej Radzie Państwa wobec kwestii czeskiej i Śląska Cieszyńskiego (1879–1899). Wrocław, 1982; *Greń Z.* Tożsamość śląska w systemie pojęciowym budzicieli polskiego życia narodowego na Śląsku Cieszyńskim w XIX wieku // *Zeszyty Łużycki*. 2022. T. 57. S. 151–183.

⁵³⁵ *Giza A.* Stosunki polsko-czeskie, 1795–1920. Szczecin, 1995. S. 76.

⁵³⁶ *Greń Z.* Tożsamość śląska w systemie pojęciowym... S. 153–154.

⁵³⁷ *Koneczny F.* Dzieje Śląska, ozdobione licznymi obrazkami. Bytom, 1897.

⁵³⁸ *Koneczny F.* Spór polsko-czeski na Śląsku // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 9. S.189.

⁵³⁹ *Ibidem*. S. 190–191.

тешинских журналистов – как чешских, так и польских – за разжигание конфликта, при этом похвалив пражские газеты за примирительную позицию⁵⁴⁰.

Особое место в налаживании взаимопонимания между двумя народами Конечный отводил Моравии, которую он рассматривал как пограничье – территорию безусловно чешскую, но во многом близкую полякам по духу, что объяснялось приверженностью моравян преимущественно католицизму⁵⁴¹. Это было причиной, по которой Конечный выступал с критикой в адрес антиклерикальной направленности чешских либералов: «Чешский либерал, – писал польский историк, – глубоко убежден и говорит это со всей серьезностью, что католик (“клирик!”) не может быть хорошим чехом»⁵⁴². Крайне возмущало Конечного распространение чехами подобных взглядов и на словацкие земли – он полагал, что это «чехословацкий kulturkampf»⁵⁴³. В условиях славянского сближения подобное было для Конечного неприемлемо, поскольку противоречило его стремлению к сохранению национальной самобытности каждого народа, в особенности если речь шла о католическом вероисповедании.

Конечный сознательно дистанцировался от партийной борьбы: не принадлежа ни к одной из польских партий, он предпочитал общеславянскую проблематику, которую считал надпартийной. В одной из статей он делился с читателем: «За последние годы к журналу “Świat Słowiański” несколько раз обращались с предложениями о создании “славянской” партии в Польше. Мы всегда отказывали, желая, чтобы эти вопросы стали общими для всех польских партий»⁵⁴⁴. Нельзя не подчеркнуть некоторую наивность подобных взглядов Конечного, полагавшего, что выдвигаемая им идея славянской взаимности сможет стать общей для всех польских и, в конечном счете, славянских партий разной политической направленности.

⁵⁴⁰ Z czesko-polskich grzechów publicystycznych // Świat Słowiański. Kraków, 1910. N 66. S. 389–390.

⁵⁴¹ Koneczny F. Polityczne znaczenie moraw // Świat Słowiański. Kraków, 1906. N 23. S. 350–357.

⁵⁴² Koneczny F. Niepotrzebny ferment wśród Słowaków // Świat Słowiański. Kraków, 1911. N 82. S. 220.

⁵⁴³ Ibidem. S. 220.

⁵⁴⁴ Koneczny F. Przed konferencyą Praską // Świat Słowiański. Kraków, 1908. N 43. S. 634.

Накануне Первой мировой войны в серии статей 1914 г. Конечный предпринял попытку сформулировать общую польско-чешскую программу. Ее основой оставалась угроза как со стороны Германии, так и со стороны России⁵⁴⁵. Публицист также открыто писал о стремлении обоих народов к независимости как об объединяющем факторе, однако в рамках политических реалий того времени главным общим лозунгом, по его мнению, должен был стать «федерализм»⁵⁴⁶, но начавшаяся война не позволила его начинаниям получить развитие.

Таким образом, в публицистике Конечного чехи предстают как сложный и противоречивый партнер. С одной стороны, польский историк высоко ценил их культурную стойкость перед лицом германизации и видел в них естественных союзников в борьбе против германской экспансии. С другой, он резко критиковал чешскую прессу за искаженное представление польских интересов, а либеральных политиков – за антикатолические выпады, которые, с его точки зрения, подрывали основы славянской солидарности. Эволюция взглядов Конечного напрямую зависела от динамики русско-польского диалога: в периоды надежд на примирение с Россией (1905–1907) роль чешского посредства нивелировалась, а в периоды разочарования (1908–1914) вновь актуализировалась. В итоге к 1914 г. он приходит к выводу, что фундаментом польско-чешского союза должно стать общее стремление к независимости и федеративному переустройству Австро-Венгрии.

Особое место в публицистике Конечного занимал польско-русинский конфликт в Восточной Галиции. С одной стороны, рассмотрение природы конфликта, его причин и возможностей урегулирования неизбежно было связано с вопросами общеславянского сближения, но с другой – отношения поляков с русинами являлись во многом специфической проблемой польских жителей Галиции, проблемой, все аспекты которой не всегда осознавали даже поляки из других регионов.

⁵⁴⁵ *Koneczny F.* O podstawach polsko-czeskiego programu // *Świat Słowiański*. Kraków, 1914. N 112. S. 180.

⁵⁴⁶ *Koneczny F.* Tło programu czesko-polskiego // *Świat Słowiański*. Kraków, 1914. N 113. S. 258–261.

На основании анализа содержания статей Конечного можно сделать вывод, что он обращался к русинской проблематике преимущественно в связи с конкретными межэтническими столкновениями, а основной темой его публикаций о русинах стал спор вокруг Львовского университета.

В начале XX в. создание собственного национального университета стало одной из главных целей украинского национального движения, что встречало неоднозначную или даже враждебную реакцию со стороны польской общественности. Для поляков это был не просто административный вопрос, а часть их собственной патриотической борьбы: университет во Львове воспринимался как одна из немногих сохранившихся цитаделей польской культуры на востоке, и его утрата или размывание казались угрозой самой польской идентичности в регионе.

Львовский университет, вокруг которого были сосредоточены споры, носил преимущественно польский характер, в 1906 г. 185 лекций читалось на польском языке, в то время как на русинском только 19⁵⁴⁷. Кроме того, следует иметь в виду, что для поляков национальный характер университета также был результатом борьбы, которую вели польские политики и общество в 1860-х гг. До 1871 г. преподавание в университете велось в основном на немецком языке (в 1870 г. 46 лекций читались на немецком, а на польском только 13, столько же, сколько на латыни)⁵⁴⁸. Полонизация университета началась лишь после указа Франца Иосифа от 4 июля 1871 г., снимавшего ограничения как с польского, так, впрочем, и с русинского языков⁵⁴⁹. Достижения польских патриотов в Галиции хронологически совпали с созданием в 1869 г. Императорского университета в Варшаве, и хотя большую долю его студенческого состава представляли католики⁵⁵⁰, преподавательский состав с момента основания оставался русским и

⁵⁴⁷ *Jaworski F.* Uniwersytet Lwowski: wspomnienia jubileuszowe z 28 rycinami w tekście. Lwów, 1912. S. 86.

⁵⁴⁸ *Ibidem.* S. 86.

⁵⁴⁹ *Ibidem.* S. 86.

⁵⁵⁰ Что изменилось после революционных процессов 1905–1906 гг., когда их доля значительно сократилась. – *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 395.

православным⁵⁵¹, что позволяло именовать университет не иначе как «русским» и предопределило его восприятие в польском общественном мнении как чуждого. Характеризуя же Львовский университет Францишек Яворский в 1912 г. писал, что «это могучая крепость польского духа, бдительная сторожевая башня на восточных рубежах Польши [...] Львовский университет [...] должен работать [...] и за те университеты, которые на польской земле обязаны быть, но которых нет»⁵⁵². Подобная оценка говорит о том, что университет во Львове имел символическое значение для польских патриотов, и его статус рассматривался через призму проблемы национального выживания не только русинами, но и поляками. Университетский спор демонстрировал одну из главных причин польско-русинского конфликта в Галиции: именно в рамках Австро-Венгерской монархии и поляки, и русины видели возможности для национального развития и возрождения, поскольку на рубеже XIX–XX вв. Галицию воспринимали одновременно как польский и украинский «Пьемонт»⁵⁵³, что провоцировало обострение взаимных национальных претензий.

Борьба русинов за университет на первых порах носила характер преимущественно молодежного движения и нередко сопровождалась радикальными методами. С 1901 г. стычки между польскими и русинскими студентами и сотрудниками носили регулярный характер. Так, в ноябре 1901 г. около 600 студентов-русинов объявили о сецессии, покинули Львовский университет, поступив в другие учебные заведения Австро-Венгрии⁵⁵⁴. В 1904 г. был случай избиения польскими студентами коллег, требовавших преподавания на «руськом» языке; 1905 г. отметился крупным столкновением между русинскими и польскими студентами в стенах университета; в 1907 г. русинские студенты

⁵⁵¹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга... С. 394-396. О преподавателях Императорского Варшавского университета см. подробнее: Баженова А. Ю. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин, 2014.

⁵⁵² Jaworski F. Uniwersytet Lwowski... S. 1.

⁵⁵³ Грушевский М.С. Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 115–120.

⁵⁵⁴ Грушевский М.С. Освобождение России и украинский вопрос... С. 149; Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы... С. 90.

забаррикадировались в аудиториях и подняли над университетом украинский флаг⁵⁵⁵. Сложившуюся ситуацию наиболее точно охарактеризовал М.С. Грушевский, писавший, что «украинский университетский вопрос [...] идет от одного конфликта до другого, от одной катастрофы к другой»⁵⁵⁶.

На страницах «Славянского мира» Конечный впервые откликнулся на университетский вопрос в 1906 г., когда произошел очередной эпизод польско-русинского конфликта во Львове, русинские студенты пришли к ректору и обратились к нему по служебному делу на своем языке, на что ректор ответил, что не понимает русинский, а служебным языком является польский. Природу конфликта Конечный видел в непонимании поляками и русинами друг друга. Он заявлял, что поляки после случившегося считают, будто бы русины хотят «отнять» у них университет, а русины якобы считают, что поляки всячески противятся созданию русинами собственного университета⁵⁵⁷.

Оба положения Конечный в 1906 г. расценивал как ошибочные, а способ разрешения ситуации он видел в создании русинами отдельного университета, тем самым во Львове, по мнению польского публициста, должны были существовать две разные национальные высшие школы. Конечный резко выступал против сохранения и развития модели двуязычного учреждения, говоря о том, что это может быть выгодно только венским централистам⁵⁵⁸. Редакция «Славянского века» высказывалась также в поддержку признания в Галиции русинского языка официальным наравне с польским⁵⁵⁹.

Тем не менее, Конечный, хотя и косвенно, но возлагал ответственность за конфликт на русинов. Так, острую реакцию польского общества Конечный оправдывал тем, что русины своими действиями сами заставляли поляков опасаться за судьбу университета⁵⁶⁰. Кроме того, именно русинов он призывал

⁵⁵⁵ Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы... С. 173.

⁵⁵⁶ Цит. по: Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы... С. 172.

⁵⁵⁷ *Koneczny F. Swary uniwersyteckie we Lwowie // Świat Słowiański. Kraków, 1906. N 16. S. 225.*

⁵⁵⁸ *Ibidem. S. 229.*

⁵⁵⁹ *Koneczny F. Czy można dogodzić rusinom? // Świat Słowiański. Kraków, 1907. N 36. S. 404.*

⁵⁶⁰ *Koneczny F. Swary uniwersyteckie we Lwowie... S. 230.*

четко обозначить свои требования и заявить об отказе от претензий на существующий университет.

Конечный, как и Здзеховский, стремился лишить польско-русинский конфликт социальной окраски, объясняя его в первую очередь различием в психологии народов. Для него это был способ обосновать польское присутствие в Галиции не политическим, а культурным доминированием, что соответствовало его пониманию патриотизма. Русины, с его точки зрения, руководствовались эмоциями, в то время как поляки любят «точность в публичных делах»⁵⁶¹. И хотя Конечный призывал уважать «психику» друг друга, в подобной оценке психологии народов можно наблюдать элемент снисходительного отношения польского автора к русинам. Кроме того, под «впечатлительными» русинами, выдвигавшими свои требования и устраивавшими провокации, понимались политически активные студенты, а с польской стороны им противопоставлялась академическая среда, однако к моменту написания статьи уже был известен упомянутый выше случай агрессии польских студентов в 1904 г., что не вписывалось в ту картину, которую Конечный стремился представить. Обвиняя русинов в излишней эмоциональности и даже радикализме, Конечный тем самым неизбежно ставил под сомнение возможность с ними договориться.

Польский историк, споря с противниками русинского университета (признавая тем самым их существование в польском обществе), обозначал плюсы его создания для поляков. С его точки зрения, появление альтернативной высшей школы лишь укрепило бы положение поляков в регионе, так как расширило бы польское присутствие в уже существующем учреждении. Вместе с тем, в 1906 г. Русская революция еще находилась в активной фазе, что порождало у Конечного надежды на отток русинской интеллигенции в «конституционную» Россию⁵⁶². Таким образом, Конечный практически открыто декларировал идею полонизации интеллектуального пространства в Галиции, а создание отдельного университета должно было лишь способствовать этому процессу: «Основание русинского

⁵⁶¹ I *ibidem*. S. 227–228.

⁵⁶² *Ibidem*. S. 231.

университета – это также наш собственный интерес»⁵⁶³. В этой связи Конечный предлагал обеспечить польское руководство процессом создания нового учреждения.

Предложения об основании отдельного университета исходили и от русинских деятелей: в 1907 г. с подобной идеей выступили Е. Олесницкий⁵⁶⁴ и А. Шептицкий⁵⁶⁵, однако Провинциальная школьная комиссия негативно оценила представленный проект⁵⁶⁶. Уже в конституционный период депутат Станислав Днистрянский дважды (в 1907 и 1909 гг.) предлагал проекты самостоятельного университета, однако они также не встретили поддержки у центрального правительства, одновременно вызвав недовольство польских парламентариев⁵⁶⁷. Полякам было необходимо прежде всего подтверждение польского характера существовавшего учреждения. Михал Бобжиньский вспоминал, что было необходимо обозначить его «”польский характер”, даже если это не будут иметь юридического содержания»⁵⁶⁸.

Начиная с 1910 г. дискуссия о создании университета возобновилась, стали появляться новые проекты. Наиболее активным и напряженным периодом стал вероятно 1912 г., когда соглашение было близко к осуществлению. Украинский политик Константин Левицкий⁵⁶⁹ указывал на озвученную ему позицию министра иностранных дел Алоиза фон Эренталя⁵⁷⁰, который прямо заявлял, что необходимо

⁵⁶³ Ibidem.S. 231.

⁵⁶⁴ Евгений Григорьевич Олесницкий (1860–1917) – украинский политик, юрист, один из основателей УДНП (Украинской национально-демократической партии).

⁵⁶⁵ Андрей Шептицкий (1865–1944) – митрополит Галицкий и архиепископ Львовский (1900–1944). См. подробнее: *Himka J.-P. Sheptyts'kyi and the Ukrainian National Movement before 1914 // Morality and Reality. The Life and Times of Andrei Sheptyts'kyi / ed. P.R. Magocsi. Edmonton, 1989. P. 29–46; Турій О. Політичні аспекти діяльності Митрополита Андрея Шептицького // Ковчег. Науковий збірник з церковної історії. 2015. Ч. 7. С. 277–286; Пишеничный А.М. Национальная и конфессиональная ситуация в Восточной Галиции в начале XX века и Андрей Шептицкий: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2025.*

⁵⁶⁶ Клопова М. Э. Русины, русские, украинцы... С. 177.

⁵⁶⁷ Там же. С. 178–179.

⁵⁶⁸ *Bobrzyński M. Z moich pamiętników. Wrocław; Kraków, 1957. S. 316.*

⁵⁶⁹ Константин Антонович Левицкий (1859–1941) – украинский политический деятель, один из учредителей УНДП.

⁵⁷⁰ Алоиз фон Эренталь (1854–1912) – австрийский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел Австро-Венгрии (1906–1912). См. подробнее: *Шарый А., Шимов Я. Австро-Венгрия: судьба империи. М., 2015. С. 284–285; Сироткина Е. В. «Не остается ничего*

удовлетворить требования украинцев, чтобы те не тяготели к России, а сама Россия не имела бы повода вмешиваться во внутренние дела Австро-Венгрии⁵⁷¹.

На обсуждение новых проектов откликнулся и «Славянский мир», в 1912 г. вышла редакторская статья «По поводу дела русинского университета», автором которой предположительно являлся Конечный. Тон статьи стал более скептическим в отношении требований русинов. Польско-русинские отношения, усугубленные убийством наместника Анджея Потоцкого украинским студентом Мирославом Сичиньским⁵⁷², находились в напряженном состоянии. Редакция журнала выражала недовольство реакцией имперского центра на убийство и не желала, чтобы подобные методы привели к достижению национальных целей. Автор статьи предупреждал Вену, что за этим примером в борьбе за университет могли бы последовать чехи и словенцы, увидев, что путь насилия приемлем⁵⁷³. Польский автор был готов поддержать проект учреждения университета вне Львова, но считал, что если русины будут настаивать на Львове, то это будет значить, что им важна лишь «агитация» под прикрытием университетской вопроса⁵⁷⁴. Более того, он ставил под сомнение расчет Эренталя на ослабление влияния России. По его мнению, общая нелюбовь украинофилов и русских националистов к полякам, проявлявшаяся, например, в героизации образа Богдана Хмельницкого, могла бы превратить университет в орудие российских интересов⁵⁷⁵. В качестве аргумента в пользу этого тезиса приводилась необходимость приглашать профессоров из российских университетов⁵⁷⁶. Таким образом, в 1912 г. «Славянский мир» критиковал создание любого альтернативного университета в Восточной Галиции, опасаясь, что он может превратиться в орудие борьбы против

другого как надеяться на бога и выполнять свои обязанности»: А. Фон Эренталь и развитие австрийско-российских отношений в начале XX в // Известия Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. № 2. С. 82–87; *Она же*. Граф Алоис Лекса фон Эренталь // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 32–48.

⁵⁷¹ Клопова М. Э. Русины, русские, украинцы... С. 180–181.

⁵⁷² Мирослав Николаевич Сичиньский (1887–1979) – украинский общественно-политический деятель, убийца наместника Галиции Анджея Потоцкого.

⁵⁷³ *Okolo sprawy uniwersytetu ruskiego* // Świat Słowiański. Kraków, 1912. N 91. S. 530.

⁵⁷⁴ Ibidem. S. 532.

⁵⁷⁵ Ibidem. S. 533.

⁵⁷⁶ Ibidem. S. 533.

поляков: «Возникают сомнения относительно того, не станет ли русинский университет инструментом русификации, точкой опоры для идеи “Триединой Руси” и политической и православной пропаганды [...] Мало кто из поляков верит, что будущий русинский университет будет антироссийским учреждением»⁵⁷⁷.

Впрочем, борьба русинов за создание своего университета, пройдя путь от студенческих стычек до общеимперского кризиса, не привела к его появлению до Первой мировой войны.

Стоит сказать, что, несмотря на все сложности, Конечный искал возможность выстраивания контактов с представителями русинской интеллигенции. В 1905 г. он попробовал завязать полемику с украинским автором из Российской империи С. Ефремовым, выступившим с критикой политики царского режима в отношении украинцев. Конечный, находившийся тогда под влиянием надежд на изменения в России в ходе революции, призывал коллегу проводить границу между Россией официальной, реакционной и Россией прогрессивной, земской, которую и поляки, и русины должны поддержать для достижения общей защиты национальных интересов⁵⁷⁸. Обращение к автору из России не случайно, Конечный отмечал, что «независимо от Львова Краков может достичь взаимопонимания с Киевом или даже Полтавой»⁵⁷⁹. Данная попытка Конечного обратиться к российской части Украины очевидно показывает его расчет на то, что договориться с представителями по другую сторону границы было более вероятным, ввиду отсутствия с ними прямого конфликта.

Вместо Ефремова на статью Конечного откликнулся Иван Франко⁵⁸⁰ на страницах «Литературно-научного вестника» (*Літературно-науковий вістник*). Франко критиковал Конечного за игнорирование интересов русинов из Восточной Галиции, польский же автор обвинял Франко в том, что он в таком случае не доверяет днепровским собратьям, если выступает против их переговоров с

⁵⁷⁷ Ibidem. S. 533.

⁵⁷⁸ *Koneczny F. Czy będzie sąd? // Świat Słowiański. Kraków, 1905. N 11. S. 343.*

⁵⁷⁹ Ibidem. S. 344.

⁵⁸⁰ Иван Яковлевич Франко (1856–1916) – украинский писатель, публицист, политический деятель.

поляками⁵⁸¹. Со стороны Франко также звучал упрек в адрес редакции журнала в слабом освещении русинских дел⁵⁸². Конечный указывал на несправедливость этого выпада. И действительно, к моменту полемики «Славянский мир» издавался всего год, но даже за этот период больше, чем о русинских вопросах журнал писал только о России, что объяснялось вниманием к революционным процессам в ней. Более того, Конечный наоборот подчеркивал отсутствие у русинов какого-либо интереса к деятельности краковского «Клуба» и «Славянского мира». Как заявлял польский автор в 1907 г., голос Франко оставался единственным русинским голосом, донесшимся до краковских славянофилов за три года существования журнала⁵⁸³, хотя стоит отметить, что это утверждение спорно, так как в первые годы с журналом активно сотрудничал украинский поэт Богдан Лепкий⁵⁸⁴.

Ответ на статью Франко Конечный использовал также для того, чтобы высказать мнение о вреде апелляции к истории в политических спорах. С его точки зрения, Франко и другие русины злоупотребляли этим, доказывая историческую вину поляков перед ними⁵⁸⁵. Впрочем, уже в 1913 г. на фоне роста скептического отношения и недоверия к русинам Конечный сам написал обширную статью «О первоначальной польскости Червонной Руси»⁵⁸⁶, в которой доказывал, что Восточная Галиция стала этнографически русинской только после монгольского нашествия⁵⁸⁷.

После убийства Потоцкого в работах Конечного вместо призыва к примирению стал преобладать патриотический призыв к культурному и политическому доминированию поляков в регионе. В 1908 г. он выступил с обращением ко всем польским партиям (за исключением радикальных, которых он винил в поддержке украинского радикализма), желая, чтобы те занялись «защитой, укреплением и

⁵⁸¹ *Koneczny F. Z powodu artykułu p. Iwana Franki// Świat Słowiański. Kraków, 1906. N 13. S.46.*

⁵⁸² *Ibidem. S. 53.*

⁵⁸³ *Koneczny F. Czy można dogodzić rusinom... S. 404.*

⁵⁸⁴ Богдан Лепкий (1872–1941) – украинский писатель, поэт, историк литературы, переводчик.

⁵⁸⁵ *Koneczny F. Z powodu artykułu... S. 48–49.*

⁵⁸⁶ Стоит заметить, что Конечный использовал понятие Червонная Русь и в современном контексте, говоря о русинах.

⁵⁸⁷ *Koneczny F. O pierwotnej polskości Rusi Czerwonej// Świat Słowiański. Kraków, 1913. N 100. S. 212–236.*

углублением» польского присутствия в Галиции⁵⁸⁸. Так, в целях «повышения уровня [...] патриотизма» он предлагал эндекам, имевшим опыт работы с мещанами и интеллигенцией, вести пропаганду в городах, а аграрной партии – среди крестьян⁵⁸⁹.

Отношение Конечного к сторонникам москвофильского движения могло меняться в зависимости от политической конъюнктуры. Изначально польский автор вел бескомпромиссную борьбу с «москвофилами», рассматривая их как силу, распространявшую искаженные представления о реальной ситуации в Восточной Галиции. Политику поляков в регионе критиковали обе украинские группировки, однако «москвофилы» имели влияние на представления в русском обществе о положении дел в Галиции, что нашло отражение в публикациях русского профессора, либерала Радецкого, который после посещения Восточной Галиции и общения с «москвофилами» написал открытое письмо «К братьям полякам», где обвинял поляков в угнетении восточнославянского населения. В то же время о русинах Радецкий писал, что они «не гайдамаки, а люди с высокими культурными качествами, благородной, доброй, славянской душой, с необычайно мягким сердцем»⁵⁹⁰. Не удовлетворившись открытым письмом, Радецкий, являвшийся членом конституционно-демократической партии, написал еще одно письмо в Государственную Думу, где повторил свои обвинения в адрес поляков. Русский автор писал: «Для меня, российского гражданина, возмущенного бюрократическим насилием в отношении поляков и других народов России, подобное деспотическое поведение польских лидеров Галиции кажется странным и заслуживает не только порицания, но и публичного протеста со стороны всех здравомыслящих людей по всей Европе»⁵⁹¹. Естественно, после этих выступлений в печати Конечный обрушился с критикой на Радецкого и «москвофилов», заявив, в частности: «Кто хочет выступить посредником между нами и русинами, должен полностью

⁵⁸⁸ *Koneczny F.* Co robić wobec rusinów?// *Świat Słowiański*. Kraków, 1908. N 42. S. 581.

⁵⁸⁹ *Ibidem*. S. 583–585.

⁵⁹⁰ Цит. по: *Koneczny F.* Oliwa do ognia// *Świat Słowiański*. Kraków, 1906. N 20. S. 116.

⁵⁹¹ *Ibidem*. S. 121–122.

игнорировать “москвофилов”»⁵⁹². Хотя далее Конечный (по всей вероятности в ироническом ключе) высказывал сожаление, что поляки не поддерживали «москвофильскую» партию, потому что введение в учреждениях вместо русинского языка русского, «которого народ не знает», по мнению Конечного, лишь способствовало бы распространению польского языка и полонизации⁵⁹³.

Острая дискуссия, спровоцированная деятельностью Радецкого, была очевидно вызвана не просто желанием показать «истинную» картину положения дел в Галиции. В 1906 г. Конечный и его коллеги еще питали надежды на изменения в политике России в отношении польского народа, а подобные выпады в адрес поляков, причем от представителя либерального крыла русского общества, в котором краковские славянофилы видели союзника, ожидаемо вызвали опасения. Кроме того, подобное освещение польско-русинского конфликта могло подрывать позиции поляков среди других славян Австро-Венгрии.

Со временем позиция Конечного в отношении «москвофилов» несколько смягчилась, вслед за Здзеховским он стал задумываться об аккуратном налаживании контактов с данной ветвью русинского национального движения, что было вызвано радикализацией «украинофилов», а также большей активностью «москвофилов» в неославистском движении. Один из их лидеров Николай Глебовицкий⁵⁹⁴ вместе с Крамаржом и Иваном Хрибаром⁵⁹⁵ ездил в 1908 г. в Россию в рамках организации Славянского съезда. В том же году Глебовицкий в печатном органе Польского Коло в Вене (*Polnische Post*) заявил: «Из славянского принципа нашей политики вытекает наше отношение к братьям славянам, а особенно к полякам; с другой стороны, украинцев мы считаем откровенными прусофилами. В связи с тем, что наша деятельность должна быть славянской, нам

⁵⁹² Ibidem. S. 123.

⁵⁹³ Ibidem. S. 125.

⁵⁹⁴ Николай Павлович Глебовицкий (1876–1918) – русинский политический деятель и писатель, депутат австрийского парламента.

⁵⁹⁵ Иван Хрибар (1851–1941) – словенский политический деятель, мэр Любляны (1896–1910). См. подробнее: Кирилина Л.А. Иван Хрибар и Россия // *Slovenica* II. М., 2011. С. 110-123; *Ее же*. Некоторые аспекты политической деятельности И. Хрибара в конце XIX – начале XX вв. // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2015. Т. 10. С. 256–265.

следует прежде всего провести ревизию наших историко-политических отношений с соседним славянским народом – с поляками»⁵⁹⁶. Подобное заявление принесло свои плоды: так, Конечный высказался за готовность к сотрудничеству с «москвофилами», поскольку в их среде тоже есть «люди доброй воли»⁵⁹⁷.

Хотелось бы подчеркнуть, что статьи Конечного по русинской тематике отличались от остальных его публикаций. В них он в меньшей степени обращался к славянской идее, однако польский историк считал, что польское славянофильство являлось в том числе способом сохранить польское влияние на землях, когда-то принадлежавших Речи Посполитой. Он писал: «Если мы откажемся от славянофильства, мы ограничим польскость этнографической областью. Можно ли предположить, что это позволит удержать польское влияние в восточных провинциях бывшей Речи Посполитой под лозунгом исключительно польским? [...] У нас должна быть такая политическая идея, которая была бы не только для нас самих. У нас должны быть такие идеи, поддержка которых была бы выгодной – и как можно более выгодной – не только для поляков»⁵⁹⁸. Позиция Конечного хорошо иллюстрирует вывод Вильгельма Фельдмана о том, что «в польском обществе русины всегда рассматривались в соответствии с традициями Люблинской унии: то есть как неотъемлемая часть Польши»⁵⁹⁹. Таким образом, польское славянофильство Конечного можно считать своеобразной разновидностью «ягеллонской идеи»⁶⁰⁰.

В отличие от чехов, которых Конечный рассматривал как внешних союзников, русины были для него внутренней проблемой – частью повседневной реальности Галиции, где польское и русинское население сталкивалось в борьбе за культурное

⁵⁹⁶ Цит. по: Giza A. Neoslawizm i Polacy. 1906–1910. Szczecin, 1984. S. 56.

⁵⁹⁷ *Koneczny F.* Co robić wobec rusinów... S. 586.

⁵⁹⁸ *Koneczny F.* Słowianofilstwo bez ustępstw... S. 415.

⁵⁹⁹ *Feldman W.* Stronnictwa i programy polityczne w Galicji. Kraków, 1907. S. 334.

⁶⁰⁰ Ягеллонская идея - польская концепция федеративного государства, направленная на Восток, и связанная с представлениями о польском культурном влиянии к востоку от Польши. См. подробнее: *Halecki O.* Idea Jagiellońska // *Kwartalnik Historyczny*. 1937. T. 51. N 1-2. S. 486–510; *Avramchuk O.* Między ideą jagiellońską a Międzymorzem. Ewolucja kwestii ukraińskiej w poglądach politycznych Oskara Haleckiego (1891–1973) // *Klio Polska. Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej*. 2017. T. 9. S. 57–79.

и политическое доминирование. Признавая необходимость диалога и даже поддержав на раннем этапе идею создания отдельного русинского университета, он в конечном счете исходил из приоритета польских национальных интересов. Так, русинская высшая школа мыслилась им прежде всего как инструмент сохранения и укрепления польского влияния в регионе.

Рассмотренные сюжеты польско-чешских отношений и русинского вопроса в публицистике Феликса Конечного позволяют сделать некоторые выводы. Они показывают, что патриотическая идея Конечного была не отвлеченной теорией, а практической программой, требовавшей от поляков активного участия в решении проблем других славянских народов. Чешский вопрос и русинская проблема были для него не периферийными сюжетами, а конкретными случаями, в которых проверялась его концепция польского славянофильства. В чехах Конечный видел союзников, ценность которых определялась внешнеполитической конъюнктурой, в русинах – конкурентов, чьи национальные притязания следовало ограничить рамками, не угрожавшими польскому доминированию в Галиции. Славянская солидарность для него служила инструментом достижения польских национальных интересов: защиты от германской экспансии, усиления влияния поляков в Австро-Венгрии и сохранения культурного присутствия на восточных землях бывшей Речи Посполитой.

Глава 3. Практическая деятельность краковских славянофилов: «Славянский клуб», «Славянский мир», «Славянское общество»

3.1. Институциональные формы краковского славянофильства: «Славянский клуб», журнал «Славянский мир» и «Славянское общество»

Первой важной предпосылкой создания краковского «Славянского клуба» был научный интерес польской интеллектуальной среды к славянской тематике, который существовал на протяжении всего XIX в. В эмиграции, например, действовали «Общество друзей славянства» (Towarzystwo Przyjaciół Słowiańszczyzny)⁶⁰¹, «Парижское славянское общество» (Towarzystwo Słowiańskie Paryskie) Циприана Роберта (1848–1851), «Братство славян в Америке» (Zbratanie Słowian w Ameryce), основанное в Нью-Йорке в 1866 г. Людвигом Бурлевским⁶⁰². В Галиции также возникали общества, объединенные интересом к славянству. Так, во Львове в 1825 г. по инициативе Людовика Набеляка (1805–1883) было создано «Общество сторонников славянства» (Towarzystwo Zwolenników Słowiańszczyzny), которое занималось преимущественно исследованиями в сфере славянских литератур и было вынуждено прекратить свою деятельность после Ноябрьского восстания⁶⁰³. Краковский «Славянский клуб», возникший на рубеже XIX–XX вв., стал продолжением этой традиции, а его появление и довольно продолжительное успешное существование стало возможным именно в Австро-Венгрии, где поляки соседствовали с другими славянскими народами и где были относительно благоприятные условия для развития славянской идеи. Галиция оказалась плодотворной почвой для организации, которая стремилась соединить патриотизм с идеей славянской взаимности и сделать это соединение основой своей деятельности.

⁶⁰¹ Klarnierówna Z. Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. Warszawa, 1926. S. 165.

⁶⁰² Rubacha J. Tematyka bułgarska w działalności naukowejsłowianofilów krakowskich (1901–1914) // Bułgarystyka: tradycje i przyszłość. 2020. S. 252.

⁶⁰³ Ibidem. S. 252.

Возвращаясь к термину «славянофильство», уже упоминавшемуся в связи с концепцией Конечного, следует отметить: увлечение поляков своим славянским прошлым и настоящим современники определяли именно так⁶⁰⁴. В таком значении оно употреблялось и в польской историографии, исследовательница Зофья Кларнерувна закрепила это понятие в научном обороте⁶⁰⁵.

Понятие «славяноведение» (*słowianoznawstwo*), по мнению современного польского историка Мацея Михальского, являлось калькированием с русского. Михальский связывал этот процесс с научной деятельностью В.А. Францева, издавшим в 1906 г. труд «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст.». Однако Михальский подчеркивает, что, несмотря на избранное Францевым для своей монографии название, предметом его исследования было скорее то, что правильнее было бы обозначить как «польское славянофильство»⁶⁰⁶. Францев, читавший лекции в Императорском Варшавском университете, тем не менее, последовательно использовал в своих работах именно термин «славяноведение» применительно как к польской, так и чешской науке⁶⁰⁷. Михальский утверждает, что активисты «Славянского клуба» в Кракове впоследствии восприняли этот термин, который был популяризирован Феликсом Конечным и Эдмундом Колодзейчиком⁶⁰⁸.

В XIX в. постепенно формировались центры и кафедры, занимавшиеся изучением славянских народов. Славистические исследования в Габсбургской монархии развивались в нескольких научных центрах (университеты Кракова, Львова, Праги, Вены, Граца) при поддержке австрийского правительства⁶⁰⁹. В

⁶⁰⁴ *Michalski M.* Dawni Słowianie w tradycji polskiej pierwszej połowy XIX wieku. Poznań, 2013. S. 14.

⁶⁰⁵ *Ibidem.* S. 12.

⁶⁰⁶ *Ibidem.* S. 15–16.

⁶⁰⁷ *Францев В.А.* Главнейшие моменты в развитии чешского славяноведения: вступ. лекция, чит. 8 нояб. 1900 г. в Императорском Варшавском университете. Варшава, 1901; *Его же.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906.

⁶⁰⁸ *Michalski M.* Dawni Słowianie... S. 16.

⁶⁰⁹ *Бондарь Л.Д.* Славистическая наука в эпохи перемен: время взлетов и время падений // Судьбы ученых в эпоху перемен. Очерки и документы. СПб., 2021. С. 252.

конце XIX – начале XX вв. выстраивались научные связи между польскими и русскими славистами⁶¹⁰.

В Ягеллонском университете в конце XIX в. славистикой занимались на кафедре славянской филологии философского факультета, где проблематика исследований определялась научными интересами ее заведующего Люциана Малиновского, занимавшего эту должность с 1877 г., и была сконцентрирована в основном в области языкознания⁶¹¹. В связи с этим Здзеховский, писавший после переезда в Краков о байронизме в европейской литературе, был вынужден первоначально работать вне структур университета⁶¹². Тем не менее, на рубеже веков на кафедре наблюдалось расширение сферы исследований, что формировало широкий круг специалистов в различных областях славяноведения⁶¹³.

Второй важной предпосылкой к созданию «Славянского клуба» в Кракове был рост популярности идеи славянской взаимности среди славян Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв., что обуславливалось желанием славянских политиков консолидировать силы для политической борьбы внутри империи, а также гегемонией Германии и угрозой германизации. В марксистской историографии подчеркивался экономический интерес славянской, прежде всего чешской, буржуазии в налаживании контактов с братскими народами⁶¹⁴. Кроме того, расширение демократических начал в общественной и политической жизни славянских народов ставило вопрос о переосмыслении славянской идеи в новых условиях. Если научная традиция создавала интеллектуальную базу для интереса

⁶¹⁰ Бондарь Л.Д. Краковский лингвист Ян Розвадовский и Российская Академия наук (к вопросу о российско-польских академических связях в области славистики в конце XIX – первой половине XX вв.) // Методика преподавания славянских языков как иностранных с использованием технологии диалога культур. Томск, 2007. С. 136–144; *Ее же*. Научные контакты российских и галицийских славистов на рубеже XIX–XX в. в эпистолярных документах Санкт-Петербургского филиала архива РАН (СПБФ АРАН) // История науки и техники: источники, памятники, наследие: четвертые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники. Иваново, 2023. С. 77–79.

⁶¹¹ *Opacki Z.* W kręgu Polski... S. 190; *Rusek J.* Slawistyka na uniwersytecie Jagiellońskim na przełomie XIX i XX w. // *Slawistyka na przełomie XIX i XX wieku.* Wrocław, 1990. S. 117–118.

⁶¹² *Opacki Z.* W kręgu Polski... S. 190.

⁶¹³ *Ibidem.* S. 190.

⁶¹⁴ *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX вв. Чехи, словаки и неославизм, 1898–1914. М., 1984. С. 6–7.

поляков к славянам, то именно внешние угрозы и модернизация всех сторон жизни общества придавали ему политическое измерение.

Развитие взаимных контактов славян Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX вв. нашло свое отражение в регулярном, начиная с 1898 г., проведении съездов славянских журналистов. Уже II съезд в 1899 г. прошел в Кракове, где с польской стороны присутствовали Мариан Здзеховский и Мариан Соколовский⁶¹⁵. Последний выступил с идеей создания печатного органа славян на французском языке для отстаивания их интересов⁶¹⁶. Вероятно, эта идея была предтечей появления «Славянского мира». Польские представители в дальнейшем продолжали участвовать в журналистских съездах. На съездах изначально планировалось избегать политических вопросов, однако этот принцип впоследствии нарушался, причем одним из первых его нарушил на III съезде в Дубровнике весной 1901 г. Здзеховский, зачитав доклад «О литературной и политической взаимности австрийских славян»⁶¹⁷. В 1903 г. уже открыто прозвучал призыв Я. Грубого как можно шире пропагандировать идею сближения славянских народов⁶¹⁸.

Наконец, нельзя не отметить, что в создании краковского «Славянского клуба» весомую роль сыграла активная организаторская, общественная и публицистическая деятельность Мариана Здзеховского. Поселившись в Кракове, польский ученый первые годы налаживал связи с представителями местной интеллектуальной среды. Этому способствовал тот факт, что в Кракове проживало много выходцев из российской части польских земель, в том числе знакомых Здзеховского, именно они стали его основным кругом общения, особенно в период 1890-х гг. Среди краковских «земляков» Здзеховского можно назвать Наполеона Цибыльского, Эдварда Янчевского, профессоров Люциана Малиновского,

⁶¹⁵ *Фирсов Е. Ф.* Съезды славянских журналистов (1898–1912) // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 151. – Мариан Соколовский (1839–1911) – польский искусствовед, профессор Краковского университета.

⁶¹⁶ *Фирсов Е. Ф.* Съезды славянских журналистов... С. 151.

⁶¹⁷ *Ненашева З. С.* Идеино-политическая борьба... С. 54.

⁶¹⁸ Там же. С. 54.

Мариана Соколовского, Владислава Натансона, Ежи Мычельского⁶¹⁹. Заметное число поляков из Российской империи было сотрудниками Ягеллонского университета, что подчеркивало внутреннее единство польского народа и в особенности его интеллектуалов из разных частей разделенной Польши.

Опацкий отмечает роль аристократических семейных связей польской шляхты, которые продолжали служить важным каналом неформальной коммуникации внутри польской элиты⁶²⁰. Он также обращает внимание на то, что именно в данной среде российских поляков зародилась инициатива создания «Славянского клуба»⁶²¹. Это замечание придает еще большее значение личности Здзеховского и позволяет предположить, что в деле популяризации идеи славянской взаимности в Кракове выходцы из России играли весомую роль.

Краковские славянофилы к 1901 г. имели опыт сотрудничества с интеллектуалами других славянских народов, что, помимо участия в съездах славянских журналистов проявлялось также в научных связях, особенно тесными они были с чехами. Так, Здзеховский в процессе работы над исследованием «Байрон и его век» ездил в 1891 г. в Прагу, где завязал близкие знакомства с некоторыми представителями чешской культуры, такими как полонофил Эдвард Елинка, поэт и переводчик Ярослав Врхлицкий⁶²², поэт и публицист Адольф Черны (с последним Здзеховский состоял в длительной переписке)⁶²³. Среди чехов, с которыми Здзеховскому удалось завести приятельские отношения, был также будущий президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик⁶²⁴.

Формат «славянских клубов», занимавшихся просветительской, благотворительной и патриотической деятельностью, был известен в разных странах. Свои «славянские клубы» существовали в Белграде⁶²⁵, Праге⁶²⁶,

⁶¹⁹ *Opacki Z.* W kręgu Polski...S. 63.

⁶²⁰ *Ibidem.* S. 64.

⁶²¹ *Ibidem.* S. 64.

⁶²² Ярослав Врхлицкий (1853–1912) — чешский поэт, переводчик.

⁶²³ *Biliński P., Durčanský M., Skrzyński T.* Nieznana korespondencja Mariana Zdziechowskiego z Adolfem Černým // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki.* 2007. N 2. S. 7–50.

⁶²⁴ *Opacki Z.* W kręgu Polski... S. 191.

⁶²⁵ Славянский век. Вена, 1902. № 49. С. 14.

⁶²⁶ Там же. С. 14.

Славянские общества образовывались в Москве⁶²⁷ и Санкт-Петербурге⁶²⁸, Славянские благотворительные общества действовали в Санкт-Петербурге, Киеве⁶²⁹ и Болгарии⁶³⁰. Среди новых организаций, созданных в этот период, был Союз славянских студентов Австро-Венгрии⁶³¹. Специфика деятельности и взгляды членов подобных организаций могли различаться, но интерес к славянству и стремление выстраивать дружеские контакты на славянской почве было характерно для всех. Для польских земель краковский «Клуб» также не был уникальным явлением, свой «славянский клуб» имелся в Варшаве⁶³². Таким образом, деятельность краковских славянофилов вписывалась в тенденции общеславянского движения.

В качестве инициаторов создания «Славянского клуба» в Кракове в историографии выделяют два имени: Мариан Здзеховский и Мариан Соколовский. Единого мнения о первенстве одного из них нет, но чаще лидером краковских славянофилов историки называют все же Здзеховского⁶³³; такая позиция согласуется с информацией, которую дают как источники, связанные с деятельностью «Клуба»⁶³⁴, так и внешние описания, оценивавшие ее со стороны, например, «»⁶³⁵. Но это не мешает историку Ежи Кохану оспаривать это мнение, утверждая, что более корректно считать основателем и лидером «Клуба» именно Мариана Соколовского⁶³⁶ (Кохан допускает ошибку, и называет его Августом, путая тем самым с другим деятелем «Клуба», однофамильцем Мариана, Августом Соколовским, однако Кохан ссылается на фрагменты, в которых

⁶²⁷ Славянский век. Вена, 1903. № 72. С. 753.

⁶²⁸ Славянский век. Вена, 1903. № 66. С. 570.

⁶²⁹ Славянский век. Вена, 1903. № 70. С. 696.

⁶³⁰ Славянский век. Вена, 1903. № 71. С. 724.

⁶³¹ Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба... С. 54.

⁶³² Славянский век. Вена, 1903. № 64. С. 503.

⁶³³ См. например: Дианова В.М., Скочиньский Я.Г. «Славянский клуб» в Кракове: научно-просветительская деятельность в 1901–1912 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 709–720.

⁶³⁴ Towarzystwo Słowiańskie w latach 1912–1913. Kraków, 1914. S. 5.

⁶³⁵ Славянский век. Вена, 1903. № 70. С. 695.

⁶³⁶ Kochan J. Oblicze ideowo-polityczne «Świata Słowiańskiego» // Kwartalnik Historii Prasy Polskiej 18. 1979. N 2. S.41.

говорится о Мариане), что частично признавал в своих воспоминаниях сам Здзеховский: «Это (основание «Славянского клуба». – *И.Е.*) связывают с моим именем, но это не так. Настоящим инициатором был профессор Мариан Соколовский»⁶³⁷. С оценкой Здзеховского можно согласиться на том основании, что Мариан Соколовский принадлежал к старшему поколению ученых и университетских сотрудников, чей авторитет мог поддерживать статус «Клуба», привлекать специалистов к участию в его жизни, как пишет Кохан: «Соколовский [...] был душой славянского движения»⁶³⁸.

«Клуб» по своему характеру представлял собой элитарное и закрытое профессиональное объединение, численность которого не превышала 45 человек⁶³⁹, стремлений принять массовый характер на начальном этапе не было.

Четкие сведения о поименном составе «Клуба» отсутствуют: информацию о предполагаемых членах можно реконструировать, опираясь на имена докладчиков и участников дискуссий в опубликованных отчетах. При этом с уверенностью можно утверждать, что ядро организации составляли сотрудники Ягеллонского университета. Опацкий⁶⁴⁰ и Солак⁶⁴¹ в качестве членов «Клуба» называют: ученых – Яна Бодуэна де Куртенэ, Францишека Буяка⁶⁴², Освальда Бальцера⁶⁴³, Виктора Чермака⁶⁴⁴, Альбина Хербачевского, Людвиг Гумпловича⁶⁴⁵, Яна Лося, Казимира

⁶³⁷ *Zdziechowski M.* W obliczu końca. Wilno, 1938. S. 356.

⁶³⁸ *Kochan J.* Oblicze ideowo-polityczne «Świata Słowiańskiego»... S. 41.

⁶³⁹ *Opacki Z.* W kręgu Polski...S. 200. Дианова В.М., Скочиньский Я.Г. «Славянский клуб» в Кракове... С. 710.

⁶⁴⁰ *Opacki Z.* W kręgu Polski...S. 200.

⁶⁴¹ *Solak Z.* Marian Zdziechowski i Klub Słowiański // *Studia Historyczne.* 1987. N 2. S. 220.

⁶⁴² Францишек Буяк (1875–1953) – польский историк, профессор Ягеллонского университета, занимался социально-экономической историей. В 1920 г. занимал министерское кресло в правительстве Владислава Грабского.

⁶⁴³ Освальд Бальцер (1858–1933) – польский историк, специалист по польскому праву, член Краковской академии, председатель научного общества во Львове.

⁶⁴⁴ Виктор Чермак (1863–1913) – польский историк, специалист по истории Европы XVII–XVIII вв., профессор Ягеллонского университета.

⁶⁴⁵ Людвиг Гумлович (1838–1909) – польский социолог и экономист еврейского происхождения.

Моравского⁶⁴⁶, Казимира Нича⁶⁴⁷, Мариана Соколовского, Генриха Улашина⁶⁴⁸; публицистов и журналистов – Антони Бопре⁶⁴⁹, Адольфа Цыбинского, Витольда Гостомского, Адама Гжмала-Седлецкого, Ежи Мошинского, Константа Сроковского⁶⁵⁰, Людвика Страшевича⁶⁵¹. Есть основания предполагать, что не все представители организации участвовали в ее деятельности с одинаковой регулярностью. «Славянский век» характеризовал краковский «Клуб» как общество немногочисленное, в собраниях и работе которого на постоянной основе участвовало всего около 15 человек⁶⁵².

Информацию о людях, сотрудничавших с «Клубом», может дать журнал «Славянский мир», на страницах которого печаталось множество авторов, однако некоторые из них, без сомнения, не входили в краковское общество славистов⁶⁵³, поэтому причислять всех публицистов журнала к членам «Клуба» было бы некорректно.

Открытие «Славянского клуба» в Кракове было с энтузиазмом воспринято в среде российских панславистов, так анонимный «читатель» в «Санкт-Петербургских ведомостях» встретил эту новость следующими словами: «Недавно в духовной жизни славянства произошло важное и в будущем может быть, очень плодотворное явление: в Кракове открылся польский славянский клуб»⁶⁵⁴. Эти слова были процитированы на страницах панславистского «Славянского века», который добавил к ним свой редакторский комментарий: «Далеко ли время, когда

⁶⁴⁶ Казимир Моравский (1852–1925) – польский филолог-классик, историк, профессор и ректор Ягеллонского университета (1906–1907), кандидат в президенты Польши 1922 г.

⁶⁴⁷ Казимир Игнацы Нич (1874–1958) – польский лингвист, славист, профессор Ягеллонского и Львовского университетов.

⁶⁴⁸ Генрих Улашин (1874–1956) – польский и русский филолог, обучался в Кракове в 1897–1901 гг., в 1904 г. защитил докторскую диссертацию в Лейпциге, где и работал до 1914 г.

⁶⁴⁹ Антони Бопре (1860 [1863] – 1937) – польский журналист, сотрудничал с газетами «Нова реформа» и «Час».

⁶⁵⁰ Константин Сроковский (1878–1935) – польский журналист украинского происхождения.

⁶⁵¹ Людвик Страшевич (1857–1913) – польский журналист, один из учредителей Партии реальной политики.

⁶⁵² Славянский век. Вена, 1903. № 70. С. 695.

⁶⁵³ Так, например, автором одной из статей был Александр Ледницкий. *Lednicki A. Grudniowe dni w Moskwie // Świat Słowiański. Kraków, 1906. N 14–15. S. 119–126.*

⁶⁵⁴ Цит. по: Новое славянское общество // Славянский век. Вена, 1902. № 39–40. С. 424.

на страницах многих и многих славянских газет и журналов имя “поляк” значило то же, что и “изменник славянства”: И в самом деле, был ли среди славянских народов другой, менее дороживший своим славянством, чем народ польский? [...] И вот теперь в одном из умственных средоточий этого самого народа зародилось общество, цель которого – литературная славянская взаимность, сохранение общеплеменного славянского начала, вытекающее из ясного сознания не только своей народной, но и племенной особенности»⁶⁵⁵. Русские авторы были полны ожиданий, что новый клуб послужит укреплению славянского самосознания в поляках, однако с самого начала они отрицательно оценивали ориентацию краковских славянофилов на славян-католиков, а также их попытку соперничать с русским народом в «области нравственного авторитета у других славян»⁶⁵⁶. Редакция «Славянского века», как кажется, справедливо отмечала, что создание «Клуба» не обошлось без русского влияния: «Если основалось в Кракове славянское общество, в этом есть капля и русского меду, отголосков тех бесед, которые когда-то во времена студенчества вел будущий польский ученый (Здзеховский. – И.Е.) со своими русскими профессорами»⁶⁵⁷. Тем не менее, «Славянский век» продолжал в дальнейшем освещать деятельность краковского объединения, которое на несколько лет пережило издание Д.Н. Вергуна.

В польской среде Галиции основание нового общества славянофильского направления поначалу было встречено скорее враждебно, что связано с укоренившимися представлениями о неразрывной связи идеи славянской взаимности с Россией и проводимой ею имперской политикой. В галицийской прессе во второй половине XIX в. сложилась традиция критического отношения к «русскому панславизму», что находило свое отражение в таких изданиях, как «Газета Польска» (*Gazeta Polska*) и «Пшегленд польски» (*Przegląd polski*)⁶⁵⁸. В связи с этим группа поляков, продвигавшая идеи славянского сближения,

⁶⁵⁵ Новое славянское общество // Славянский век. Вена, 1902. № 39-40. С. 424–425.

⁶⁵⁶ Там же. С. 425.

⁶⁵⁷ Там же. С. 426.

⁶⁵⁸ Травкина А.А. Отношение к российскому славянофильству и панславизму в польской прессе Галиции (1863–1905 гг.) // Социальная политика и социология. 2011. № 1 (67). С. 109–117.

воспринималась некоторыми жителями Галиции как замаскированные агенты русского влияния⁶⁵⁹. Недовольство вылилось в акции протеста, когда весной 1902 г. львовская молодежь, поддерживавшая народно-демократические силы, сорвала лекцию Здзеховского об отношении Красиньского к славянам⁶⁶⁰. В Кракове «Академическая читальня» (*Czytelnia Akademicka*) организовала собрание по вопросу отношения польской молодежи к панславизму, где в ходе дискуссии обсуждались также взгляды Здзеховского⁶⁶¹. В принятой на собрании резолюции призывалось воздерживаться от участия в съездах славянских журналистов и отказаться от «смутной панславистской деятельности»⁶⁶².

Можно заметить, что открытие краковского «Славянского клуба» вызывало противоречивые оценки, в которых отразились разные представления о сути идеи славянской взаимности. Русские панслависты видели в нем пробуждение польского славянского самосознания, но не могли принять его католической ориентации. Часть галицийского общества, напротив, усматривала в польском славянофильстве «панрусизм», с которым и Конечный, и Здзеховский открыто боролись. «Клуб» оказался между двух огней: его обвиняли в недостаточном патриотизме, с одной стороны, и в неправильной трактовке славянской взаимности – с другой.

В первые три года существования «Клуба» (декабрь 1901–1904 гг.) основным форматом его деятельности было проведение докладов. Эти доклады служили не только научным, но и патриотическим целям: в узком кругу единомышленников вырабатывалось то понимание славянской взаимности, которое должно было стать частью новой польской патриотической идеологии. Именно в этих обсуждениях складывались ключевые положения концепции «польского славянофильства», которую позже системно изложил Феликс Конечный.

⁶⁵⁹ *Opacki Z. W kręgu Polski...* S. 201.

⁶⁶⁰ *Ibidem.* S. 201.

⁶⁶¹ *Ibidem.* S. 201. Станислав Стояловский (1845–1911) — польский католический священник демократических взглядов, сторонник панславизма.

⁶⁶² *Opacki Z. W kręgu Polski...* S. 201.

Всего за этот период было зачитано 47 докладов на самые разные темы, бóльшая их часть была о славянской литературе, однако были также выступления, посвященные экономическим вопросам. Уже на самом начальном этапе деятельности «Клуба» проявился интерес его членов к процессу славянского сближения. Так, 7 июня 1902 г. Конечный выступил с рассказом о съезде славянских журналистов в Любляне, а 13 июня 1903 г. А. Бопре зачитал доклад о съезде в городе Пльзень⁶⁶³.

Кроме того, «Клуб» занимался популяризацией славянской культуры в польских землях и польской культуры среди других славян. Его представители приняли на себя обязанность посредника между различными театрами в деле постановки пьес и между литераторами в деле перевода славянских трудов⁶⁶⁴. На одном из заседаний было решено закупить и послать партию польских книг в славянскую семинарию Градецкого университета (по просьбе студентов). В связи с этим было постановлено заняться распространением польских книг в центрах славянской науки. Для этого была создана специальная комиссия, в состав которой вошли Здзеховский, Завилинский⁶⁶⁵ и другие⁶⁶⁶, что позволило организовать рассылку книг в разные славянские страны, где изъявлялось желание учиться по-польски⁶⁶⁷.

Мариан Соколовский указывал на необходимость озаботиться о составлении грамматик и словарей славянских языков на польском языке⁶⁶⁸. Для этого впоследствии была также создана комиссия во главе с профессором Розвадовским⁶⁶⁹.

Краковский «Славянский клуб» послужил примером для других галицийских поляков в деле самоорганизации на почве интереса к славянству, и, вероятно,

⁶⁶³ Klub słowiański w Krakowie. Sprawozdanie z trzechlecia // Świat Słowiański. Kraków, 1905. N 1. S. 17.

⁶⁶⁴ Новое славянское общество // Славянский век. Вена, 1902. № 39-40. С. 426.

⁶⁶⁵ Роман Завилинский (1855–1932) – польский этнограф, лингвист, славист, директор гимназии в Тарнове.

⁶⁶⁶ Славянский век. Вена, 1903. № 62. С. 433.

⁶⁶⁷ Славянский век. Вена, 1903. № 64. С. 503.

⁶⁶⁸ Славянский век. Вена, 1903. № 62. С. 433.

⁶⁶⁹ Славянский век. Вена, 1903. № 64. С. 503.

оказывал таким начинаниям поддержку. Свой славянский клуб был основан в Тарнове, над его созданием работал директор местной гимназии Роман Завилиньский, который тесно сотрудничал с краковскими коллегами. Имеются свидетельства о попытках создать клуб в Жешуве, над уставом которого работал адвокат Крогульский⁶⁷⁰.

Стараниями «Славянского клуба» был создан кружок молодых славистов, объединявший студентов Ягеллонского университета и курировавшийся Здзеховским и Лосем⁶⁷¹.

Новым этапом в жизни краковских славянофилов стало создание журнала «Славянский мир», что было продолжением просветительской деятельности краковских славянофилов. Здзеховский в воспоминаниях указывал на Мариана Соколовского как на автора идеи печатного органа. В деле организации деятельности журнала поляки ориентировались на опыт других славянских журналов. Здзеховский писал Ромуальде Бодуэн де Куртенэ: «Был создан проект основания небольшого ежемесячника “Славянский мир” по типу “Слованского Преледа” (*Slovansky Prehled*. – И.Е.), но с более сильным акцентом на политические вопросы. Дело почти закончено, потому что нашелся благодетель, который предлагает деньги на это предприятие»⁶⁷². Примечательно, что Здзеховский пессимистично оценивал перспективы журнала и не верил в его успех⁶⁷³.

Под благодетелем, по всей видимости, подразумевался Константин Володкович⁶⁷⁴. Он был известен своими благотворительными и патриотическими акциями, в том числе славянской направленности. Он выделил средства на памятник легендарному славянскому сказителю Бояну в Кракове, занимал должность председателя Одесского католического благотворительного общества, выступал за примирение поляков, русских и русинов⁶⁷⁵. Поддержка начинаний

⁶⁷⁰ Славянский век. Вена, 1903. № 71. С. 724.

⁶⁷¹ Giza A. Stosunki polsko-czeskie 1795–1920. Szczecin, 1995. S. 116–117.

⁶⁷² Цит. по: Opacki Z. W kręgu Polski... S. 212.

⁶⁷³ Opacki Z. W kręgu Polski... S. 212. – Именно с пессимистичным настроем Здзеховского Опацкий связывает тот факт, что он не стал главным редактором журнала.

⁶⁷⁴ Константин Володкович (1828–1909) – польский дворянин, предприниматель, филантроп.

⁶⁷⁵ Świat Słowiański. Kraków. 1909. N 53. S. 359–361.

краковских славянофилов вполне соответствовала его устремлениям. Как вспоминала редакция «Славянского мира», в первый год издание финансировалось исключительно из средств Володковича⁶⁷⁶.

К спонсорству журнала присоединились также братья Евгений и Тадеуш Любомирские⁶⁷⁷, а несколько позднее материальное обеспечение взял в свои руки граф Франтишек Потоцкий⁶⁷⁸. Хотя теоретически можно было бы поставить вопрос о влиянии спонсоров на политику издания, вероятно, оно было минимальным, и поддержка носила характер меценатства. Идея создания собственного печатного органа зрела в среде краковских славянофилов давно, а линия, проводимая на страницах «Славянского мира» после его основания в 1905 г., была закономерным следствием деятельности «Клуба» в предшествующие годы. Поддержка журнала со стороны состоятельных кругов польского общества, в свою очередь, говорит о существовании в этой среде симпатий к пропагандируемым «Клубом» идеям.

Журнал изначально распространялся не только в Австро-Венгрии, но и в России, но уже спустя три месяца был запрещен цензурой. В дальнейшем этот запрет был снят, но ненадолго⁶⁷⁹. Проследить связь запретов и их снятия с содержанием выпусков весьма сложно, поэтому можно согласиться с позицией Опацкого, который считает, что причиной нестабильной цензурной политики был сложный процесс функционирования контролирующих институтов⁶⁸⁰.

Основание собственного печатного издания говорило о готовности «Славянского клуба» выйти из статуса закрытой организации: теперь с результатами его работы и взглядами его членов могли ознакомиться более широкие слои польского общества. Журнал стал средством пропаганды той патриотической идеи, которая до этого вырабатывалась лишь в узком кругу. Этой цели служила первая статья первого выпуска журнала, в которой одновременно

⁶⁷⁶ Ibidem. S. 359.

⁶⁷⁷ Ян Тадеуш Любомирский (1826–1908) – польский князь, историк, общественный деятель. Евгений Адольф Любомирский (1825–1911) – польский дворянин, коллекционер искусства.

⁶⁷⁸ *Zdziechowski M. W obliczu końca...* S. 356. – Франтишек Салезий Потоцкий (1877–1949) – польский политик, журналист и общественный деятель консервативного толка.

⁶⁷⁹ *Opacki Z. W kręgu Polski...* S. 213.

⁶⁸⁰ Ibidem. S. 213.

подводился итог предшествовавшему периоду существования данной организации и обозначалась программа дальнейших действий. Помимо прочего в данной статье подчеркивался аполитичный характер деятельности «Клуба», который был объявлен «неполитическим обществом», поскольку он «не пропагандирует никаких политических взглядов и не навязывает их своим членам»⁶⁸¹. Далее автор статьи счел нужным уточнить: «Клуб не делал и не намерен делать ничего такого, что могло бы вывести его за пределы серьезного академического настроения»⁶⁸². Из этих слов следует, что и «Клуб», и его печатный орган декларировали желание оставаться в рамках академической, научной деятельности. Необходимость обозначить аполитичность «Славянского клуба» объясняется как имевшимся давлением и обвинениями в пророссийских симпатиях со стороны части польского общества, так и спорным статусом некоторых его членов. Таким было, например, положение читавшего в Ягеллонском университете лекции в период с 1893 по 1899 гг. Бодуэна де Куртенэ, которому австрийское Министерство народного просвещения не продлило контракт по причине «независимого образа мыслей», после чего он покинул Краков и вернулся к работе в Петербургском университете⁶⁸³.

Однако редакция журнала была вынуждена в скором времени признать, что журнал носит политический характер хотя бы отчасти: «Наш ежемесячник был создан на слишком политически развитой почве, чтобы слепо культивировать славянофильство для литературных сентиментальностей... Мы не принадлежим к тем славянофилам, которым достаточно [...] мечтать. Мы идеалисты, но те, кому недостаточно исповедовать идею сердцем, и кто также желает работать разумом над постепенным воплощением идеи в жизнь»⁶⁸⁴. Набравшее обороты неославистское движение и революционные процессы в России создавали

⁶⁸¹ Klub słowiański w Krakowie. Sprawozdanie z trzechlecia // Świat Słowiański. Kraków, 1905. N 1. S. 2.

⁶⁸² Ibidem. S. 2.

⁶⁸³ Дианова В.М., Скочинский Я.Г. «Славянский клуб» в Кракове... С. 714.

⁶⁸⁴ Słowiański interes w sprawie polskiej // Świat Słowiański. Kraków, 1905. N 6. S. 437.

конъюнктуру, в которой от польских сторонников славянской взаимности требовалась выработка своей программы.

В историографии нет единого мнения относительно того, кто формировал политическую линию «Славянского мира», позиционировавшуюся как общая для краковских славянофилов. Здислав Солак считает, что ведущую роль в этом играл Здзеховский, поскольку в начале деятельности у «Клуба» не было конкретной программы, за исключением популяризации знаний о славянах и пробуждения полонофильских симпатий⁶⁸⁵. Опацкий также указывает на Здзеховского, однако с осторожностью, ссылаясь на точку зрения Солака⁶⁸⁶. С этим можно согласиться лишь отчасти: Здзеховский действительно был участником многих важных политических мероприятий (Русско-польский съезд 1905 г., Славянский съезд в Праге 1908 г.), а его славянофильские симпатии прослеживаются с конца XIX в.

Тем не менее, более обоснованным представляется мнение, что формированием политической линии журнала занимался прежде всего Феликс Конечный. Именно он сформулировал тезис «славянофильство без уступок» и активно продвигал идею «польского славянофильства» как альтернативу российскому панславизму и неославизму. Должность главного редактора обязывала его вырабатывать позицию редакции по ключевым вопросам славянской политики. Кроме того, на страницах «Славянского мира» Здзеховский появлялся значительно реже, чем Конечный, а его публицистика была сосредоточена преимущественно на русско-польских отношениях, тогда как Конечный затрагивал гораздо более широкий круг сюжетов — от польско-чешских отношений до русинского вопроса и австрославизма.

Вместе с тем, журнал не ставил перед собой задачу создания собственной политической партии⁶⁸⁷, а стал площадкой, в рамках которой могли выступать представители польской интеллектуальной среды разных взглядов. Так, несмотря на негативное отношение к социалистам, наблюдавшееся в работах Здзеховского и

⁶⁸⁵ *Opacki Z.* W kręgu Polski...S. 211.

⁶⁸⁶ *Ibidem.*S. 211.

⁶⁸⁷ *Koneczny F.* Przed konferencyą Praską // *Świat Słowiański.* Kraków, 1908. N 43. S. 634.

Конечного, с печатным органом краковских славянофилов сотрудничал член ППС Леон Василевский⁶⁸⁸, публиковавший статьи преимущественно по русинскому вопросу⁶⁸⁹.

В первом выпуске «Славянского мира» были обозначены основные направления деятельности «Клуба» на начальном этапе. Первый доклад, зачитанный в декабре 1901 г., был посвящен русинской тематике, и, как уверяла редакция журнала, это не было случайностью⁶⁹⁰. Интерес к русинам, налаживание с ними культурных связей были напрямую связаны с тем, что «Клуб» был создан в Галиции, где польское и русинское население сосуществовало в условиях постоянного конфликта. Как уже отмечалось в предыдущих главах, русинский вопрос занимал важное место и в публицистике Здзеховского, и в работах Конечного – но у каждого из них он имел свою специфику. Исследователь Мыслиньский, подчеркивая важную роль русинской проблематики в публицистике «Славянского мира», считает, что авторы журнала (а следовательно, и «Клуб») смотрели на славянский вопрос не столько с точки зрения поляков, сколько с точки зрения жителей Галиции⁶⁹¹.

Другими важными направлениями «Клуба» признавались чешское, словенское, южнославянское и русское. Словенцы, благодаря своему католическому вероисповеданию и географическому положению, рассматривались как «мост между северным и южным славянством»⁶⁹². Южные славяне признавались областью, недостаточно изученной польскими исследователями⁶⁹³, и этот пробел «Славянский клуб» должен был восполнить. Интерес к русским делам

⁶⁸⁸ Леон Василевский (1870–1936) — польский политик социалистических взглядов, министр иностранных дел Польши в 1918–1919 гг.

⁶⁸⁹ Wasilewski L. Inteligencja ukraińska w Rosyi // Świat Słowiański. Kraków, 1912. N 95. S. 750–763; Idem. Michał Dragomanów // Świat Słowiański. Kraków, 1913. N 98. S. 79–94. – О месте «кресов» в политических взглядах Василевского см. подробнее: Павлов П.А. «Восточные кресы» в политической мысли Леона Василевского // Славянский альманах. 2025. №1-2. С. 65–81; Короткова Д. А. Эволюция взглядов Леона Василевского на белорусский вопрос // Славяноведение. 2021. № 3. С. 50–56.

⁶⁹⁰ Klub Słowiański w Krakowie... S. 2.

⁶⁹¹ Opacki Z. W kręgu Polski... S. 211.

⁶⁹² Klub Słowiański w Krakowie... S. 5.

⁶⁹³ Ibidem. S. 6.

считался жизненно необходимым. Наиболее актуальным, с точки зрения редакции, было изучение социально-экономических вопросов в России⁶⁹⁴, однако большое место в ранних докладах «Клуба» уделялось анализу взглядов таких русских мыслителей и ученых, как Б.Н. Чичерин и А.Н. Пыпин, чья деятельность и отношение к полякам внушали надежду на возможность русско-польского примирения.

Дальнейшая деятельность «Клуба» была неразрывно связана с журналом, где публиковались статьи его членов и отчеты о заседаниях. Можно предположить, что пик активности «Славянского клуба» пришелся на 1905–1906 гг., что связано с Первой русской революцией, разработкой проектов автономии Царства Польского и участием Здзеховского в российской общественно-политической жизни. Значительная часть заседаний «Клуба» в этот период была посвящена России, в частности подробно освещалась работа земских съездов.

После 1907 г. рубрика с отчетами о заседаниях «Клуба» стала появляться на страницах журнала заметно реже. Это не означает, что заседания прекратились, однако их регулярность, по-видимому, снизилась. Одновременно рос авторитет самого «Славянского мира», который постепенно превращался из печатного органа «Клуба» в самостоятельную площадку, объединявшую поляков, интересовавшихся славянской жизнью.

Показательна в этом отношении реакция публицистки Стефании Ляудын⁶⁹⁵, которая в 1906 г. на страницах «Московского еженедельника» приветствовала создание журнала: «Славянский клуб издал орган, взявший на себя служение великой идее, – ежемесячник “Славянский мир” [...] Если бы русскому обществу доступен был польский язык [...] тогда нашло бы оно, я уверена, много любопытного и объясняющего в некоторых выдающихся статьях “Славянского мира”»⁶⁹⁶. Ляудын, таким образом, рассматривала новый журнал как важный шаг в развитии славянской идеи в Польше.

⁶⁹⁴ Ibidem. S. 11.

⁶⁹⁵ Стефания Ляудын-Хшановская (1872–1942) – польская писательница и публицист, сотрудничавшая с русскими либеральными изданиями, вела переписку Л.Н. Толстым.

⁶⁹⁶ Ляудын С. Славянская идея // Московский еженедельник. 1906. № 14. С. 437.

О возросшем влиянии «Славянского мира» свидетельствуют и слова Феликса Конечного, сказанные им в 1908 г.: «За последние годы к “Славянскому миру” несколько раз обращались с предложением о создании славянской партии в Польше»⁶⁹⁷. Примечательно, что обращались именно к журналу, а не к «Клубу», что подтверждает его более высокий авторитет к этому моменту.

Структурно краковский ежемесячник состоял из авторских и редакторских статей, корреспонденции, обзоров на славянскую прессу, рецензий и освещения важнейших событий славянской жизни в виде хроники.

Содержание журнала было очень разнообразным, тематически он охватывал все славянские народы и их ближайших соседей. В нем печатались статьи о поляках из разных частей разделенной Речи Посполитой, а также о русских, русинах, чехах, словаках, словенцах, сербах, хорватах, болгарам, литовцам, венграм, немцам, румынам, албанцам. Разумеется, количество статей на ту или иную тематику зависело от политических событий. Так, в 1905–1907 гг. превалировало освещение российских дел, а после взятого курса редакции на австрославизм в конце 1900-х стало заметно больше статей о славянах Габсбургской монархии.

Краковских славянофилов обвиняли в симпатии и бóльшем внимании к славянам-католикам⁶⁹⁸, что отчасти справедливо; такую позицию можно встретить в работах Здзеховского и Конечного, однако эта симпатия не превалировала над научным подходом. Так, на одном из заседаний «Клуба» была подвергнута критике статья профессора Брюкнера, в которой тот «выставил св. Кирилла и Мефодия продажными греками, явившимися в Моравию с целью обратить славян в “схизму”»⁶⁹⁹. Со «Славянским миром» плотно сотрудничал Зыгмунт Стефаньский⁷⁰⁰, который писал преимущественно о сербах и продолжал традицию польских путешественников-славянофилов, изучавших балканский регион на

⁶⁹⁷ *Koneczny F. Przed konferencyą Praską... S. 634.*

⁶⁹⁸ Новое славянское общество // Славянский век. Вена, 1902. № 39-40. С. 425–426.

⁶⁹⁹ Славянский век. Вена, 1903. № 70. С. 695-696.

⁷⁰⁰ Зыгмунт Стефаньский (1875–1937) – польский юрист, журналист, дипломат в период II Речи Посполитой.

рубеже XVIII – XIX вв.⁷⁰¹. Он относил южных славян к особому этнокультурному типу, отличавшемуся как от Запада (представленного Австро-Венгрией), так и от России⁷⁰².

Члены «Клуба» стремились к налаживанию связей с интеллектуальной средой других славянских народов. Зачастую это можно свести к установлению личных контактов (дружба Здзеховского с Адольфом Черны или Конечного с Ярославом Бидло), поэтому хотелось бы обратить внимание на славянских деятелей, имевших опыт продолжительного взаимодействия с органами краковских славянофилов.

В период 1901–1905 гг. с ними активно сотрудничал украинский общественный и культурный деятель Богдан Лепкий. Именно он по просьбе Мариана Соколовского подготовил доклад о украинско-русинской литературе, который стал первым в истории «Клуба». В 1905 г. Лепкий опубликовал несколько статей в «Славянском мире». Впоследствии он перестал сотрудничать с «Клубом» и его журналом, ввиду разногласий по русинскому вопросу⁷⁰³. Их отражение можно видеть в отчете о заседании «Клуба» от 15 октября 1905 г., который был посвящен сентябрьскому съезду земских и городских представителей в России. В ходе дискуссии была затронута русинская проблематика, в частности, Август Соколовский высказал мнение, что на окраинах Российской империи еще не «выкристаллизовалась национальная индивидуальность», с чем Лепкий был категорически несогласен, заявив, что «Малороссия» уже созрела для политической самостоятельности, и «двух мнений в этом вопросе быть не может»⁷⁰⁴.

⁷⁰¹ *Ćuk A. Słowiańszczyzna południowa na przełomie wieków XIX i XX z perspektywy Klubu Słowiańskiego // Galicja. Studia i materiały. 2019. N. 5. S. 63.*

⁷⁰² *Ćuk A. Słowiańszczyzna południowa na przełomie... S. 64.*

⁷⁰³ *Дианова В.М., Скочиньский Я.Г. «Славянский клуб» в Кракове... С. 714. Дианова и Скочиньский считают, что Лепкий был одним из членов «Клуба» и после выявившихся разногласий покинул его состав. Однако есть основания считать, что Лепкий никогда не был непосредственно членом организации, в одной из статей он именовался «другом Клуба». Klub słowiański w Krakowie... S. 2.*

⁷⁰⁴ *Posiedzenie Klubu Słowiańskiego w Krakowie z powodu wrześniowego kongresu ziemstw w Moskwie // Świat Słowiański. Kraków, 1905. N 10. S. 280.*

Краковские славянофилы добились определенных успехов в выстраивании дружеских связей со словенской интеллектуальной средой. В Словении в начале XX в. интерес к идее славянской взаимности проявляли две конфликтующие между собой партии: либералы и католики⁷⁰⁵. Первые в большей степени ориентировались на Россию, особенно в период расцвета неославистского движения. Один из лидеров словенских либералов Иван Хрибар⁷⁰⁶ в мае 1908 г. вместе с Карелом Крамаржем и Николаем Глебовицким посетил Санкт-Петербург и принял участие в подготовке Славянского съезда в Праге. Отношение же «католиков» к России было скептическим, но ряд католических интеллектуалов выступал за установление более тесных связей с поляками⁷⁰⁷.

Наиболее активным полонофилом был Леопольд Ленард⁷⁰⁸. Он обучался во Львовском, Венском и Ягеллонском университетах⁷⁰⁹, в период пребывания в Кракове сблизился со «Славянским клубом» и впоследствии публиковался в «Славянском мире». Ленард подчеркивал важную роль поляков в процессе консолидации славян и видел перспективы этого: «Задача поляков в настоящее время состоит в том, чтобы приложить все усилия к тому, чтобы из Австрии появился противовес Германии. А это представляет одновременно жизненно важные интересы и для австрийского государства, и для всех австрийских народов и даже славянских Балкан. Таким образом, польские интересы наиболее полно согласуются с интересами австрийских славян, и, как только они поймут свою роль,

⁷⁰⁵ О славянской идее в словенском обществе см. подробнее: Чуркина И.В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. М., 2017; *Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci*. Ljubljana, 1994.

⁷⁰⁶ Иван Хрибар (1851–1941) – словенский политик либерального направления, мэр Любляны (1896–1910).

⁷⁰⁷ Кирилина Л.А. Словенские католики в конце XIX – начале XX в.: идеи славянской взаимности и отношение к России и православию // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. (к 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского) М.-СПб., 2013. С. 200.

⁷⁰⁸ Леопольд Ленард (1879–1962) – словенский публицист, философ, переводчик. О Ленарде см. подробнее: *Gantar Godina I. Leopold Lenard* // *Zgodovinski Časopis* 46. 1992. S. 395–400; Cetnarowicz A. Leopold Lenard – słoweński polonofil z początku XX wieku // *Prace Historyczne*, 2020. N 147 (2). S. 315–345.

⁷⁰⁹ Cetnarowicz A. Leopold Lenard... S. 316.

они найдут во всех негерманских народах Австрии естественных союзников»⁷¹⁰. Взгляды Ленарда на текущее положение вещей в славянском мире в целом соответствовали представлениям редакции «Славянского мира».

Ленард продолжал поддерживать идеи краковских сторонников славянской взаимности, вернувшись в Любляну. Одна из его статей в журнале «Словенец» («Slovenec») носила название «Чувствуют ли поляки себя славянами?». Защищая славянство поляков, он писал: «Со славянской стороны чаще всего слышится против поляков упрек: поляки не чувствуют себя славянами и не хотят идти вместе с другими славянами. Они всегда идут своим путем и не соединяются с нами [...] Эта жалоба должна удивить человека, который хоть немного ознакомился с историей Польши и с историей польской литературы. Ведь славянофильство в действительности является, той красной нитью, которая проходит через всю польскую историю и литературу»⁷¹¹. Анализируя русско-польский конфликт, словенский полонофил полностью возлагал ответственность за него на русскую бюрократию⁷¹². При этом он не отождествлял позицию официальных властей с настроениями всего русского общества: в своих статьях он проводил различие между имперской администрацией и теми представителями русской интеллигенции, которые, как и польские славянофилы, искали пути к солидарности. В этом смысле его взгляды перекликались с позицией Здзеховского и Конечного, также стремившихся отделить «Россию официальную» от «России либеральной».

Ленард продолжал работать над налаживанием польско-словенских связей. Он указывал, что ориентация на Прагу в славянском вопросе не принесла словенцам ожидаемых результатов, и призывал студентов ехать учиться в польские университеты⁷¹³. Спустя несколько месяцев после краковских торжеств 1910 г., приуроченных к годовщине Грюнвальдского сражения, в Любляне было основано «Общество любителей польского народа», в которое вошло множество словенских

⁷¹⁰ *Lenard L.* Polityczne zadanie polaków // *Świat Słowiański*. Kraków, 1907. N 27. S. 181.

⁷¹¹ *Czy Polacy czują się Słowianami?* // *Świat Słowiański*. Kraków, 1910. N 69-70. S. 193.

⁷¹² *Lenard L.* Nekaj slovanskih vprašanj // *Čas*. 1909. N 1-2. S. 80–84.

⁷¹³ *Cetnarowicz A.* Leopold Lenard... S. 336.

политических и культурных деятелей⁷¹⁴. Весной 1911 г. Здзеховский и Конечный принимали участие в приеме делегации словенцев в Кракове⁷¹⁵.

Установление контактов краковских славянофилов со словенскими католиками проявлялось также в сотрудничестве Здзеховского с люблянской газетой «Час» (*Čas*), где в 1907 г. вышла его статья «Русские и поляки»⁷¹⁶, в которой описывались ужасы российского самодержавия и притеснения поляков в России⁷¹⁷.

Пример Ленарда демонстрирует, что влияние краковских славянофилов выходило за пределы Кракова и Галиции. Они смогли установить устойчивые связи с католическими, идеологически более близкими, кругами словенского национального движения, что соответствовало намерениям Здзеховского и Конечного, сознательно делавшим ставку на католическую солидарность. Тем самым они претендовали на то, чтобы сделать Польшу одним из центров славянского движения – прежде всего для католических славянских народов.

Параллельно с работой журнала зрела идея создания более широкого объединения, в котором могли бы принять участие не только ученые, но и все, кто сочувствовал славянской идее. Краковские славянофилы стремились вывести свою патриотическую деятельность за пределы узкого академического круга и вовлечь в неё более широкие слои польского общества. Так в 1912–1913 годах возникло «Славянское общество»⁷¹⁸ – более массовая и внутренне организованная структура.

Поводом для создания «Общества» послужил визит хорватской писательницы Зденки Маркович 4 марта 1912 г. в Краков, где состоялся прием в Женской читальне имени Словацкого, на котором была высказана идея организации «Славянского общества». Этот вопрос поднимался в речах М. Седлецкой и доктора

⁷¹⁴ *Opacki Z.* W kręgu Polski... S. 220.

⁷¹⁵ *Cetnarowicz A.* Leopold Lenard... S. 341.

⁷¹⁶ *Zdziechowski M.* Rusi in Poljaki // *Čas*. 1907. N 3. S. 98–108.

⁷¹⁷ *Кирилина Л.А.* Словенские католики в конце XIX – начале XX в... С. 206.

⁷¹⁸ *Gruca A.* Towarzystwo Słowiańskie (1912–1939) w Krakowie, jego działalność wydawnicza i popularyzatorska w zakresie literatur słowiańskich // *Książka, biblioteka, informacja. Między podziałami a wspólnotą*. Kielce, 2007. S. 91–99; *Róziwicz J.* Towarzystwo Słowiańskie w Krakowie // *Towarzystwa naukowe i upowszechniające naukę działające w przeszłości na ziemiach polskich*. T. 2. Cz. 1. Wrocław – Warszawa, 1990. S. 231–237; *Jaroszewicz-Kleindienst B.* Towarzystwo Słowiańskie w Krakowie. Zarys działalności // *Pamiętnik Słowiański*. T. 24. 1974. S. 151–170.

А. Карбовяка, посвятившего несколько следующих месяцев работе над новым объединением, устав и деятельность которого согласовывались с наместничеством, министерством и другими инстанциями. Основано краковское «Славянское общество» было 9 февраля 1913 г.⁷¹⁹.

В выпуске «Славянского мира» за декабрь 1912 г. был опубликован устав нового объединения, утвержденный «после долгих стараний». В нем подчеркивалась преемственность этого общества по отношению к предшествовавшим формам самоорганизации краковских сторонников славянской взаимности.

«Общество», как и «Клуб», объявлялось неполитическим объединением, не провозглашавшим цельной программы. Оно ставило перед собой просветительские цели по распространению знания о славянских делах в Польше и о польских делах среди «братских» народов. Создатели «Общества» приглашали к участию в том числе людей, которые не симпатизировали славянской идее, или были противниками польского славянофильства. Последние призывались к сотрудничеству на почве совместного изучения славянских вопросов, чтобы споры, которые могли бы вестись в дальнейшем, были более конструктивными⁷²⁰.

В своем составе «Общество» имело такие органы как Общее собрание, Правление, Ревизионная комиссия, секции и Третейский суд. Его члены были обязаны содействовать целям «Общества» и платить взнос 12 крон ежегодно. Среди возможностей, открывавшихся перед членами «Общества», были участие в собраниях, организационных мероприятиях, выездах, а также они получали право пользоваться читальней и библиотекой «Общества»⁷²¹.

Должность председателя занимал Роман Завилиньский, его заместителем стал Карбовяк. В Правлении было 12 человек, где помимо прочих были такие значимые для краковских славянофилов имена как Здзеховский, Колодзейчик, Конечный, Грабовский.

⁷¹⁹ Towarzystwo Słowiańskie w latach 1912–1913. Kraków, 1914. S. 14.

⁷²⁰ Towarzystwo Słowiańskie w Krakowie // Świat Słowiański. Kraków, 1912. N 96. S. 844–846.

⁷²¹ Ibidem. S. 847–850.

Среди конкретных задач объединения была организация публичных чтений и бесед, выездов в славянские земли, финансирование периодических изданий и популярных публикаций на славянскую тему.

Отчеты о проводившихся в рамках «Общества» лекциях печатались в краковской прессе разных политических направлений: «Нова реформа» (*Nowa Reforma*), «Час» (*Czas*), «Глос народу» (*Głos Narodu*)⁷²². Представители «Общества» выражали благодарность этим изданиям за возможность доносить свои цели и задачи до более широких слоев населения⁷²³. Основным журналом, который освещал его деятельность, оставался «Славянский мир», где публиковались как материалы, связанные с просветительской работой «Общества», так отчеты о важных событиях.

Известно о работе в период 1913–1914 гг. тематической секции⁷²⁴, посвященной проблемам поляков в Великой Польше, то есть поляков в Германии. В качестве задач секции было установлено: защита польских «приграничных» территорий от «постоянно усиливающейся германизации», «повышение национального самосознания посредством национального образования в Великой Польше», «сближение прусской и австрийской частей»⁷²⁵. Данная секция сотрудничала с поляками из Германии, которые приглашались для чтения лекций, среди них был, например, поэт и «панславист» Тадеуш Мициньский. При участии секции было организовано собрание молодых поляков из Великой Польши, обучавшихся в Кракове, на котором было принято решение о создании отдельной молодежной организации⁷²⁶.

В 1914 г. в «Обществе» состояло 165 человек⁷²⁷, среди которых были как люди, известные своим сотрудничеством со «Славянским миром» (М. Здзеховский, Э.

⁷²² Towarzystwo Słowiańskie... S. 13.

⁷²³ Ibidem. S. 13.

⁷²⁴ Изначально она называлась «Секция кресов». Ibidem. S. 14.

⁷²⁵ Ibidem. S. 14.

⁷²⁶ Ibidem. S. 14.

⁷²⁷ В опубликованном списке участников указано 167 позиций, однако две из них занимали организации: «Кружок славистов» студентов Ягеллонского университета и Туристическое объединение в Кракове. Towarzystwo Słowiańskie... S. 32–34.

Колодзейчик, Л. Ленард и др.), так и другие интересовавшиеся славянскими делами представители польского общества (профессора, преподаватели, сотрудники гимназий, врачи, юристы, инженеры и прочие).

Весной–летом 1913 г. «Славянским обществом» по согласованию с Ягеллонским университетом были организованы курсы славянских языков, среди доступных для изучения указывались русский, русинский, словенский, чешский, однако в связи с «появлением новых перспектив заработка на Балканском полуострове» наибольшей популярностью пользовались курсы по сербохорватскому и болгарскому языкам, на которые записались 8 и 26 человек соответственно⁷²⁸.

Члены «Славянского общества» тесно сотрудничали с «Чешской беседой»⁷²⁹ – организацией краковских чехов, существовавшей с 1893 г. Последняя активно участвовала в польских национальных мероприятиях, а в 1897 г. устроила манифестацию в честь возвращения в Краков министра-президента Цислейтании Казимира Бадени (1846–1909). Особенно интенсивным была деятельность «Чешской беседы» в период, когда ее лидером был Фердинанд Гофман (1896–1902). После непродолжительного застоя 1900-х гг. объединение вновь стало играть весомую роль в польско-чешских контактах при докторе В. Хлумском, который также числился в «Славянском обществе»⁷³⁰. Благодаря этому сотрудничеству, именно чешское направление можно считать наиболее успешным.

Одной из самых первых акций «Общества» был торжественный вечер в память о Ярославе Врхлицком, чешском поэте, который в конце XIX – начале XX вв. сыграл весомую роль в популяризации польской литературы в Чехии, осуществляя переводы произведений преимущественно поэтов-мессианистов. Местом проведения мероприятия стал актовый зал Ягеллонского университета, за что «Общество» выражало благодарность ректору Фридрику Золлу (1912–1913)⁷³¹.

⁷²⁸ Towarzystwo Słowiańskie... S. 20.

⁷²⁹ Упоминается о ее содействии в основании «Славянского общества». Towarzystwo Słowiańskie... S. 14.

⁷³⁰ Česka Beseda w Krakowie// Świat Słowiański. Kraków, 1914. S. 39–43.

⁷³¹ Towarzystwo Słowiańskie... S.16.

Поляки организовали выставку работ Врхлицкого, а также произведений искусства и литературы, посвященных ему. В Краков на траурные мероприятия прибыли чехи Франтишек Квапил и Франтишек Пастрнек. Их визиту был посвящен отдельный отчет, опубликованный в «Славянском мире», где подчеркивался официальный статус гостей, которые были не «частными туристами», а «делегированными представителями»⁷³². В том же отчете отмечалось, что, несмотря на неожиданный трагичный повод, налаживание польско-чешских контактов было осознанным приоритетом «Славянского общества»⁷³³.

В течение следующего года при участии его членов прошло еще несколько польско-чешских совместных празднований. Так, на годовщину «Чешской беседы» были приглашены Здзеховский и Конечный⁷³⁴, главные лица краковских славянофилов. Вместе с «Художественно-литературным кружком» и «Обществом польских журналистов» члены «Славянского общества» организовали торжества по случаю 40-летнего юбилея публицистической и славянофильской деятельности Франтишека Ховорки. Он был чешским полонофилом, одним из основателей польского клуба в Праге⁷³⁵, продвигал идею польско-чешского сотрудничества, в 1912 г. после серии критических выпадов в чешской прессе в отношении поляков (в частности, статьи публициста Карела Файфра в «Народни листах»), вступил в полемику, продемонстрировав глубину и всесторонность связи между двумя народами⁷³⁶. Вместе с Ховоркой Краков также посетил редактор «Народни политики» Ян Хейрет и художник Йожа Упрка⁷³⁷.

«Общество» стремилось реагировать на события из жизни всех славянских народов, от его имени посылались телеграммы с поздравлениями на юбилеи деятелей и организаций. Одними из самых примечательных являются, пожалуй,

⁷³² Dwaj pierwsi goście «Towarzystwa Słowiańskiego» (Fr. Kvapil i Fr. Pastrněk) // Świat Słowiański. Kraków, 1913. N 99. S. 159.

⁷³³ Ibidem. S. 158–159.

⁷³⁴ Towarzystwo Słowiańskie... S.22.

⁷³⁵ Głos Fr. L. Hovorki o stosunkach polsko-czeskich // Świat Słowiański. Kraków, 1912. N 92-93. S. 614.

⁷³⁶ Ibidem. S. 611–621.

⁷³⁷ Towarzystwo Słowiańskie... S. 27.

поздравительные письма, направленные в Президиумы Сербской скупщины и Болгарского Собрания в связи со взятием Адрианополя в ходе Первой Балканской войны (1912–1913)⁷³⁸.

Новое объединение краковских славянофилов имело более официальный статус, нежели «Славянский клуб», однако, вероятно, именно деятельность последнего обеспечила авторитет «Общества», к которому обращались за комментариями по славянским вопросам, а также с просьбами о сотрудничестве в разных культурных начинаниях⁷³⁹.

Тем не менее, краковское «Славянское общество» сталкивалось с определенными трудностями в основном материального характера, что не позволяло его членам в полной мере реализовывать свои планы. Так, «Общество» не имело достаточно ресурсов даже для организации лекций в Западной Галиции вне Кракова, исключением являлась одна лекция Яна Гжегошевского, проведенная 23 ноября 1913 г. в Дембице⁷⁴⁰.

Ограниченное участие представителей «Общества» в некоторых славянских мероприятиях также объяснялось его членами значительными расходами⁷⁴¹. Работа «Общества» осложнялась отсутствием собственных помещений, что вынуждало его сотрудничать с другими краковскими объединениями, располагавшими подходящими залами и библиотеками⁷⁴². Однако можно с уверенностью сказать, что упомянутые проблемы сполна компенсировались энтузиазмом членов «Общества».

В историографии распространено утверждение, что «Общество» было новой формой организации краковских славянофилов, заменившей собой «Клуб», вследствие чего хронологические границы существования последнего

⁷³⁸ Ibidem. S. 23.

⁷³⁹ Ibidem. S. 24.

⁷⁴⁰ Towarzystwo Słowiańskie... S. 17.

⁷⁴¹ Ibidem. S.21.

⁷⁴² Ibidem. S. 26.

определяются как 1901–1912 гг.⁷⁴³ Имеющиеся источники позволяют говорить о том, что подобное мнение является скорее ошибочным.

Во-первых, в опубликованном материале, приуроченном к созданию «Общества», говорилось, что оно основано «при активном соучастии “Славянского Клуба”»⁷⁴⁴.

Во-вторых, на страницах «Славянского мира» можно найти подтверждения деятельности «Клуба» в период после учреждения «Общества». Так, упоминалось заседание, прошедшее 15 октября 1913 г. в «узком, закрытом круге “Славянского клуба”»⁷⁴⁵. Кроме того, в 1914 г. в брошюре, посвященной «Обществу», констатировалось, что «Славянский клуб» «был и остается своего рода высшей инстанцией, академией славянских дел»⁷⁴⁶.

Таким образом, за полтора десятилетия своего существования краковские славянофилы прошли путь от узкого академического кружка до институционально оформленного «Славянского общества», насчитывавшего уже более 160 членов. На каждом этапе они расширяли аудиторию и круг задач: популяризация знаний о славянах, выработка польского взгляда на идею славянской взаимности, распространение польского культурного влияния. При этом «Клуб» не был региональным явлением: он успешно встраивался в общеславянскую сеть организаций, отстаивая польский взгляд на славянскую идею. Институциональная эволюция краковских славянофилов – от элитарного «Клуба» через журнал к относительно массовому «Обществу» – была не просто сменой организационных форм, а последовательным расширением пространства патриотической деятельности. Если «Клуб» был площадкой для выработки патриотической идеи, то журнал стал средством её пропаганды, а «Общество» – попыткой сделать её достоянием широкой польской общественности. Именно в рамках работы этих объединений формировались основные концепции и принципы, которые развивали в своих публицистических работах Феликс Конечный и Мариан Здзеховский.

⁷⁴³ См. например: Дуанова В.М., Скочинский Я.Г. «Славянский клуб» в Кракове... С. 709–720.

⁷⁴⁴ Towarzystwo Słowiańskie w Krakowie // Świat Słowiański. Kraków, 1912. N 96. S. 845.

⁷⁴⁵ Z «Towarzystwa Słowiańskiego» // Świat Słowiański. Kraków, 1913. N 108. S. 752.

⁷⁴⁶ Towarzystwo Słowiańskie... S. 6.

3.2. Историческая аргументация на страницах «Славянского мира» в защиту польского славянофильства как патриотической идеи

Ключевой проблемой, которую авторы «Славянского мира» стремились разрешить уже в первые годы существования журнала, был скептицизм польского общества в отношении славянской идеи, а также сомнения среди других славянских народов в симпатиях поляков к своим братьям. Доказательством актуальности этой проблемы служит статья Леопольда Ленарда в журнале «Словенец» под названием «Чувствуют ли поляки себя славянами?», где словенский полонофил доказывал своим соотечественникам «исконность» славянской идеи в Польше⁷⁴⁷. Для краковских славянофилов решение этой задачи было частью их патриотической деятельности: им предстояло доказать, что славянская идея не противоречит польскому патриотизму, а составляет его органическую часть. Эта задача, обозначенная главным редактором Феликсом Конечным, решалась на страницах журнала не только им.

Многие авторы публиковали статьи, посвященные контактам поляков с другими славянскими народами, тем самым вписывая польскую историю в общеславянский контекст. Так, уже в первом выпуске «Славянского мира» вышла работа Августа Соколовского «Поляки в борьбе за независимость Сербии», где на основании уникальных источников доказывалось участие поляков в сербском восстании⁷⁴⁸.

Однако наиболее примечательной была деятельность молодого польского историка Эдмунда Колодзейчика. Он писал о поляках в Венгрии, в Закарпатье и Словакии⁷⁴⁹, а в 1911 г. вышла его «Библиография польского славяноведения», в которой он собрал более 4000 наименований польских исследований по славянской проблематике⁷⁵⁰.

Задача Эдмунда Колодзейчика, принявшего на себя роль главного историка «польского славянофильства», состояла в том, чтобы доказать: идея славянской

⁷⁴⁷ Czy Polacy czują się Słowianami? // Świat Słowiański. Kraków, 1910. N 69-70. S. 193–195.

⁷⁴⁸ Sokołowski A. Polacy w walce o niepodległość serbską // Świat Słowiański. 1905. N 1. S. 42–46.

⁷⁴⁹ Elżbieciak J. Edmund Kołodziejczyk (1888–1915) – życie i dzieło // Wadoviana: przegląd historyczno-kulturalny. 2006. T. 10. S. 123.

⁷⁵⁰ Kołodziejczyk E. Bibliografia sowianoznawstwa polskiego. Kraków, 1911.

солидарности не пришла в Польшу извне, а являлась исконной частью ее общественной мысли. Она пронизывала польскую культуру, политическую мысль и даже самосознание на протяжении столетий. Тем самым он стремился показать, что славянофильство – не утопия, а неотъемлемая составляющая польской национальной традиции. Можно предположить, что Колодзейчик, которому в момент начала выхода «Славянского мира» было всего 17 лет, в период обучения в Ягеллонском университете испытал влияние старших коллег, Здзеховского и Конечного.

В серии кратких очерков, опубликованных в «Славянском мире» в 1909–1912 гг., а затем в отдельной брошюре «Славянофильские течения в среде Великой эмиграции», Колодзейчик развернул масштабную панораму польского славянофильства от XVI до середины XIX вв. Он не просто собирал и систематизировал факты, а концептуально выстраивал историю, доказывавшую, что идея славянской общности – органическая, «кровная» черта польского национального характера.

Исходной точкой для Колодзейчика был XVI в., который он – вслед за другими польскими историками – называл «золотым веком» польской истории, но ценил его прежде всего за то, что именно тогда, по его мнению, славянское чувство проявлялось с наибольшей силой «как в литературе, так и в общественной и государственной жизни»⁷⁵¹. Для Колодзейчика это было важно не только как исторический факт, но и как аргумент в пользу его патриотической концепции: если славянская идея была органична для Польши в эпоху её расцвета, значит, она не чужда польскому патриотизму и в начале XX в. Он находил тому многочисленные свидетельства, которые служили для него доказательством глубокой укорененности славянской идеи. Колодзейчик по этому поводу писал: «В польском обществе того времени существовало чувство солидарности со славянским миром, тесно и почти всегда связанное с чувством национальным»⁷⁵².

⁷⁵¹ *Kołodziejczyk E. Z przeszłości słowianofilstwa w Polsce (z lat 1572, 1587, 1589, 1593, 1709) // Świat Słowiański. 1912. N 88. S. 279.*

⁷⁵² *Ibidem. S. 279.*

Колодзейчик находил проявления славянской идеи в польской мысли Раннего Нового времени, в литературе и политике. Так, он обращался к деятельности Яна Мачиньского⁷⁵³, издавшего в 1564 г. первый латинско-польский словарь, который тот адресовал не только «полякам», но и «всем народам [...] пользующимся славянским языком», перечисляя десятки племен – от русских и чехов до хорватов и сербов⁷⁵⁴. Другим примером для молодого историка был Гжегож Кнапский⁷⁵⁵, который в предисловии к своему «Тезаурусу» (1621) открыто выступал против засорения польского языка неславянскими заимствованиями, призывая использовать слова, взятые из «русинского и других славянских языков»⁷⁵⁶. Для Колодзейчика эти факты были бесспорным доказательством того, что польская культура XVI в. мыслила себя в общеславянском контексте, а польский язык воспринимался как один из главных языков в границах славянского мира. Современный польский историк Януш Тазбир частично сходится с оценками Колодзейчика; анализируя польскую публицистику периода Контрреформации, он отмечал, что определения «польский» и «славянский» в ту эпоху были взаимозаменяемы и нередко выступали как синонимы⁷⁵⁷.

Колодзейчик также находил проявления славянской солидарности в политической мысли Раннего Нового времени. Он цитировал речь примаса Карнковского⁷⁵⁸ перед королем Сигизмундом III, где тот напоминал монарху, что он властвует над «народом [...] доблестным, славным (от славы берущего свое имя), расселившимся по всему миру»⁷⁵⁹. Показательным Колодзейчик считал мнение Яна Замойского⁷⁶⁰, что из всех славян «только чехи и поляки защищают достоинство и

⁷⁵³ Ян Мачиньский (ок. 1520–ок. 1587) – польский лексикограф, гуманист, член общины польских братьев.

⁷⁵⁴ *Kołodziejczyk E. Z przeszłości słowianofilstwa w Polsce // Świat Słowiański. 1912. N 86. S. 127.*

⁷⁵⁵ Гжегож Кнапский (ок. 1564–1638) – польский иезуит, филолог, писатель.

⁷⁵⁶ *Ibidem. S. 128.*

⁷⁵⁷ *Tazbir J. Reformacja w Polsce. Szkice o ludziach i doktrynie. Warszawa, 1993. S. 42–43.*

⁷⁵⁸ Станислав Карнковский (1520–1603) – польский религиозный деятель.

⁷⁵⁹ *Kołodziejczyk E. Z przeszłości... (z lat 1572, 1587, 1589, 1593, 1709). S. 279.*

⁷⁶⁰ Ян Замойский (1542–1605) – польский государственный деятель.

свободу славянского племени», противопоставляя их «варварским» москвитам и порабощенным южным славянам⁷⁶¹.

Колодзейчик обращался к малоизученным памятникам, позволявшим ему подтвердить свою концепцию. Так, он приводил слова из брошюры Петра Мычельского 1573 г., где польский шляхтич доказывал преимущества избрания на королевский престол московского царя, аргументируя это тем, что русские «это один с нами народ»⁷⁶². Для Колодзейчика подобные высказывания, пусть и не ставшие магистральными, доказывали, что даже в XVI веке идея славянского единства была «жива» и могла становиться политическим аргументом. Польскому историку было важно показать, что славянская идея в Речи Посполитой была не только предметом литературных увлечений, но и частью политического дискурса.

Однако, как показывает современный историк Мороз-Гжелак, в польской публицистике рубежа XVI–XVII вв. представление о принадлежности к славянскому племени сочеталось с идеей превосходства латинского мира, а православные славяне объявлялись еретиками⁷⁶³. Иными словами, для поляков их католическая идентичность часто оказывалась важнее славянской, а границы славянского мира определялись конфессионально. Это означает, что пример Мычельского, на который ссылался Колодзейчик, скорее не был типичным. Славянская риторика в Речи Посполитой сосуществовала с представлением о культурном превосходстве латинского Запада и нередко уступала ему по значимости.

Колодзейчик к исконной германской угрозе, которая подробно анализировалась Конечным, добавлял турецкую. Именно необходимость противостояния османской экспансии, по мнению Колодзейчика, заставляла польских публицистов и политиков XVI–XVII вв. обращать взоры на южных славян, искать в них естественных союзников. Это была солидарность, рожденная из необходимости выживания.

⁷⁶¹ Ibidem. S. 280.

⁷⁶² Ibidem. S. 281.

⁷⁶³ Moroz-Grzelak L. Bracia Słowianie. Wizje wspólnoty a rzeczywistość. Warszawa, 2011. S. 29.

В очерке, посвященном «турецкой» публицистике, Колодзейчик подробно разбирал труды авторов, призывавших к объединению славян перед лицом общего врага. Так, Колодзейчик упоминал Андроника Далматинца, который в 1545 г. обращался к польской знати с просьбой о помощи, рисуя картину угнетенного состояния славян под турецкой властью и заявляя, что «все славяне [...] должны молиться за всяческое благополучие Польши и желать ей счастья»⁷⁶⁴, а также Бартоломея Папроцкого⁷⁶⁵, который в брошюре 1595 г. упрекал поляков в недостатке энергии, напоминая им о «славных славянских предках, известных еще при Александре Великом», и призывал совместно с чехами выступить против турок: «Поляки и чехи – люди одного племени и братья. Должны совместно действовать против турок и доказать всему миру, что в них еще живо славянское имя»⁷⁶⁶. Польша, защищая себя, должна была защищать и южных славян, их свобода была условием ее собственной безопасности. Эта историческая параллель была актуальна для читателей «Славянского мира» начала XX в., которые жили в условиях острого германо-славянского противостояния.

Для Колодзейчика эта традиция была принципиально важна. Она показывала, что польское славянофильство не было продуктом романтического идеализма XIX века, а имело глубокие корни, уходящие в политические взгляды и практику предшествующих столетий. Славянская идея, таким образом, зарождалась не в кабинетах ученых, а пронизывала всю польскую общественную мысль на протяжении истории.

Кульминацией исторической реконструкции Колодзейчика стала эпоха после Ноябрьского восстания⁷⁶⁷. Именно тогда, по его мнению, произошел решающий момент, славянская идея превратилась в политическую программу национального освобождения. В своей обобщающей работе «Славянофильские течения среди Великой эмиграции» он подвел итог многолетним изысканиям.

⁷⁶⁴ *Kołodziejczyk E. Z przeszłości...* (Michał Konstantinović i Andronicus Dalmata...) // *Świat Słowiański*. 1912. N 90. S. 457–458.

⁷⁶⁵ Бартоломей (Бартош) Папроцкий (ок. 1543–1614) – польский историк, поэт и публицист.

⁷⁶⁶ *Ibidem*. S. 458–459.

⁷⁶⁷ Следует заметить, что ситуация XVIII в. была освещена в очерках Колодзейчика слабо.

Колодзейчик подробно проанализировал духовное состояние эмигрантов. По мнению польского историка, утратив надежду на поддержку западных держав, они обратили свои взоры к угнетенным славянским народам, а лозунг «За вашу и нашу свободу», провозглашенный во время восстания, стал их политическим кредо⁷⁶⁸. Этот лозунг адресовался прежде всего тем славянским народам, которые, как и поляки, находились под чужеземным владычеством. Колодзейчик указывал, что под влиянием мессианизма сложилась идея особой, жертвенной миссии Польши среди славян, он писал: «Польша, терновым венцом коронованная королева славян — именно тот мессия, который своими страданиями должен искупить грехи всего человечества»⁷⁶⁹.

Однако Колодзейчик не ограничивался анализом идей. Он фиксировал и организационные формы эмиграционного славянофильства. Так, он обращал внимание на появление в 1834 г. в Париже «Славянского общества» с участием Мицкевича и на специализированные журналы: «Славянское обозрение» (*Revue Slave*) (1839) Иеронима Боньковского, который ставил целью информировать Европу о славянах и славян друг о друге⁷⁷⁰; «Славянин» (*Sławianin*) (1841–1843) Антония Стажиньского, на титульном листе которого был девиз «За вашу и нашу свободу»⁷⁷¹; «Стадло» (*Stadło*) (1849) Романа Зморского, издававшееся у лужицких сербов⁷⁷². Все эти начинания, несмотря на краткость существования, свидетельствовали, по мнению Колодзейчика, о сохранении славянской традиции в польской политической мысли.

Молодой автор, однако, не идеализировал эмиграцию. Он честно фиксировал и ее расколы (Колодзейчик выделял демократическое и аристократическое направления, хотя и указывал, что оба тяготели к славянской идее)⁷⁷³, и появление

⁷⁶⁸ *Kołodziejczyk E.* Prądy słowianofilskie wśród Emigracji Wielkiej 1830–1863. Kraków, 1914. S. 5–6.

⁷⁶⁹ *Kołodziejczyk E.* Słowianofilstwo Emigracji Wielkiej (1830–1863 r.) // *Świat Słowiański*. 1912. N 89. S. 330.

⁷⁷⁰ *Kołodziejczyk E.* Z przeszłości... // *Świat Słowiański*. 1910. N 67. S. 46.

⁷⁷¹ *Kołodziejczyk E.* Z przeszłości... (*Sławianin*, 1841–1843) // *Świat Słowiański*. 1910. N 62. S. 116–118.

⁷⁷² *Kołodziejczyk E.* Prądy słowianofilskie... S. 39–42.

⁷⁷³ *Ibidem*. S. 14–15.

«ренегатов», готовых пожертвовать польской независимостью ради союза с Россией (Вацлав Яблоновский, Михаил Грабовский, а также Адам Гуровский и Святополк-Мирский)⁷⁷⁴. Несмотря на то, что Колодзейчик был не согласен с их позицией, обращение этих деятелей к славянской идее, пусть и в духе российского панславизма, он рассматривал как подтверждение своего тезиса о глубоко славянском самосознании поляков. Однако такая позиция Колодзейчика кажется уязвимой, так как она размывала границу между «польским славянофильством» и «российским панславизмом».

Другим автором, писавшим в «Славянском мире» об истории польского славянофильства, был Эдвард Воронецкий (1886–1960). Он сосредоточился преимущественно на детальном изучении польской общественной мысли второй половины XVIII–XIX вв.

Если для Колодзейчика характерен собирательный, во многом апологетический подход – он стремился найти и предъявить как можно больше свидетельств славянской идеи в польской истории, – то для Воронецкого характерен более критический анализ источников. Его задача состояла не в том, чтобы просто продемонстрировать «древность» польского славянофильства, а в том, чтобы рассмотреть принципы и особенности его развития. В центре его внимания была не столько хронология, сколько идейная эволюция: как польские мыслители понимали славянскую взаимность, и какое место она занимала в их патриотических программах.

Главной работой Воронецкого стала статья «Славянофильство Царства Польского» (*Słowianofilstwo Królestwa Kongresowego*), в которой он, анализируя взгляды Гуго Коллонтая⁷⁷⁵, Станислава Сташица⁷⁷⁶ и Адама Чарторыйского⁷⁷⁷,

⁷⁷⁴ Ibidem. S. 31–35.

⁷⁷⁵ Гуго Коллонтай (1750–1812) – польский общественно-политический деятель, глава Эдукационной комиссии.

⁷⁷⁶ Станислав Сташиц (1755–1826) – польский общественно-политический деятель, ученый, философ, публицист.

⁷⁷⁷ Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861) – польский и российский государственный и политический деятель, советник Александра I, министр иностранных дел Российской империи (1804–1806), один из лидеров польской эмиграции.

проводил разграничения между разными течениями внутри польского славянофильства, показывая, что оно никогда не было монолитным⁷⁷⁸.

Существенно, что Воронецкий интерпретировал польское славянофильство скорее как реакцию на политические вызовы. Но, как и для Колодзейчика, для него славянская идея была неотъемлемой частью польской патриотической идеи. С его точки зрения, «славянофильство» позволяло полякам искать опору в широком славянском мире и одновременно противостоять германизации. Примечательна оценка, которую Воронецкий дает Сташицу: по его мнению, тот «создал великолепную синтетическую историософскую систему славянофильства с точки зрения польского патриотизма»⁷⁷⁹.

Историческая аргументация была общей стратегией не только краковских славянофилов, но и их единомышленников в других славянских странах. Показательно, что в 1912 г. в Праге вышел коллективный труд «Славянство. Картина его прошлого и настоящего», одним из авторов которого был друг Конечного Ярослав Бидло, а предисловие написал Крамарж. Несмотря на угасание неославистского движения, Крамарж заявлял: «Нет причин для отчаяния [...] Идея внутреннего объединения славян настолько грандиозна, устранение многовековых споров между отдельными славянскими народами настолько сложно [...], что было бы дерзким, непростительным самообманом думать, что мы достигнем этой великой цели плавно»⁷⁸⁰. Таким образом, необходимость славянского единства обосновывалась не только прагматическими соображениями, но и исторической традицией, культурной общностью и памятью о прошлом. Историческая аргументация оставалась важнейшим инструментом для сторонников славянской взаимности – как в Чехии, так и в Польше.

Подводя итог, можно сказать, что краковские славянофилы, находившиеся под давлением со стороны польского общества, ставили перед собой цель легитимировать славянскую идею в умах поляков. На страницах «Славянского

⁷⁷⁸ Woroniecki E. Słowianofilstwo Królestwa Kongresowego // Świat Słowiański. 1910. N 68. S. 103.

⁷⁷⁹ Ibidem. S. 103.

⁷⁸⁰ Slovanstvo: obraz jeho minulosti a přítomnosti. Praha, 1912. S. XIV.

мира» эту задачу наиболее успешно решали молодые историки Колодзейчик и Воронецкий. Кроме того, они стали новой кровью, дававшей надежды на продолжение развития краковского славянофильства. Главный патриотический пафос очерков Колодзейчика – не в изобретении новой идеи, а в открытии старой, «золотой», традиции, на которую можно и нужно опереться в борьбе за будущее. Как писал сам Колодзейчик в заключении своей брошюры об эмиграции: «Его (славянофильства. – *И.Е.*) развитие является вместе с тем историей кристаллизации независимой мысли. Оно выросло на почве “обширного” патриотизма, а его идея была чисто национальной идеей»⁷⁸¹. Таким образом, Колодзейчик в выводах своей работы рассматривал «славянофильство» как неотъемлемую часть польского патриотизма, следуя в этом по стопам Конечного.

⁷⁸¹ *Kołodziejczyk E. Prądy słowianofilskie... S. 54.*

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что в интеллектуальной среде Кракова на рубеже XIX–XX вв. сложилось особое понимание польской национальной патриотической идеи. Его главными выразителями стали Мариан Здзеховский и Феликс Конечный – две ключевые фигуры, вокруг которых сформировался «Славянский клуб» (1901) и его печатный орган – журнал «Славянский мир» (1905). В их творчестве и деятельности патриотическая идея получила оригинальное воплощение, соединившее религиозно-философское осмысление национальной идентичности с политическим прагматизмом и активной апелляцией к историческому наследию. При всем различии подходов Здзеховского и Конечного, их объединяло общее стремление доказать, что Польша способна сохранить и укрепить свою идентичность не посредством изоляции или вооруженного сопротивления, а в результате культурного и политического сотрудничества с другими славянскими народами.

Этот проект имел свои интеллектуальные истоки. С одной стороны, он вырос из традиции польского мессианизма, с другой – он формировался под влиянием позитивистского требования «органического труда» и реалистической оценки политических возможностей. Краковские славянофилы попытались примирить эти две линии, предложив версию патриотизма, в которой мистическая миссия Польши уступала место практической деятельности на славянской арене, а христианская этика оставалась её нравственной основой.

Краковское славянофильство не порывало с предшествовавшей интеллектуальной традицией, но предлагала иное содержание польской патриотической идеи. От романтического мессианизма оно отличалось стремлением отказаться от мистицизма, от краковского консерватизма унаследовало прагматизм, которому, однако, противопоставляло активную славянскую политику. Краковские славянофилы в своих взглядах не совпадали ни с национал-демократией, видевшей в славянстве лишь инструмент борьбы с

Германией, ни с социалистами, для которых славянская проблематика была вторичной по отношению к классовым интересам.

Одним из ключевых выводов исследования является то, что краковское славянофильство являлось частью более широкого феномена польского неомессианизма рубежа XIX–XX вв. Это течение, возникшее как реакция на кризис классического мессианизма и на вызовы позитивизма, стремилось переосмыслить романтическое наследие в новых политических условиях. При всем разнообразии его представителей – от религиозных философов до публицистов и политиков – их объединяло стремление сохранить веру в особую миссию Польши, но придать этой вере более реалистическое, инструментальное измерение.

Так, Мариан Здзеховский представлял религиозно-философскую версию неомессианизма. Для него патриотическая идея была неразрывно связана с христианской этикой, а миссия Польши понималась не как политическое господство, а как нравственное свидетельство – служение высшим христианским ценностям. В этом смысле его взгляды перекликались с идеями Зыгмунта Красиньского и Анджея Тoviaньского, но были очищены от мистического миллениаризма и адаптированы к реалиям начала XX в. Здзеховский отнюдь не ожидал чудесного восстановления Польского государства; он верил, что поляки должны заслужить свое будущее через нравственное совершенствование и культурный диалог с соседями, прежде всего с Россией. Именно поэтому его патриотическая деятельность была сосредоточена на посредничестве, налаживании контактов с теми российскими интеллектуалами, которые не разделяли официальный имперский подход к польскому вопросу.

Феликс Конечный, напротив, тяготел к более прагматической версии неомессианизма. Он редко говорил о мистическом призвании Польши, хотя и подчеркивал ее историческую роль как «оплота христианства» и защитника славянских народов от германской экспансии. Его патриотическая идея была ориентирована не на нравственное совершенствование, а на политическую активность: поляки, как он был уверен, должны были не просто сохранять свою культуру, но и активно участвовать в жизни других славянских народов,

поддерживая их требования как свои собственные. В этом смысле Конечный был ближе к политическому измерению неомессианизма, где славянская взаимность выступала не как абстрактный идеал, а как инструмент укрепления польских позиций в Австро-Венгрии и России.

Таким образом, краковское славянофильство можно рассматривать как одну из форм неомессианизма, где идея славянской взаимности занимала место, которое в классическом мессианизме отводилось мистической миссии. Славянская идея становилась тем универсальным принципом, который позволял полякам сохранять веру в свою значимость, не впадая в иллюзии, и не отказываясь от политического реализма. Это был своего рода компромисс между романтическим наследием и требованиями современности — компромисс, который позволял краковским интеллектуалам оставаться патриотами, не вступая в ряды ни революционеров, ни конформистов.

Патриотический дискурс всегда активно апеллирует к истории, и краковские славянофилы не были исключением. Однако они обращались к прошлому избирательно, акцентируя те фрагменты польской истории, которые подтверждали их тезис о «славянстве» Польши и ее исторической роли в славянском мире. Наиболее показательной в этом смысле была деятельность Эдмунда Колодзейчика, выстраивавшего концептуальную историю польского славянофильства начиная с XVI в. Конечный, в свою очередь, акцентировал внимание на борьбе с Тевтонским орденом и политике Ягеллонов, а Здзеховский обращался к мессианизму как к общеславянскому явлению. Для всех троих история служила не только для познания прошлого, но и для легитимации настоящего: она должна была доказать, что славянская идея составляет органическую часть польской культурной и политической традиции, а не является заимствованием из России или продуктом романтической фантазии. Иными словами, краковские славянофилы не просто изучали прошлое, а конструировали его в соответствии со своей патриотической задачей — отбирая те факты и тенденции, которые работали на их концепцию, и оставляя в тени те, которые ей противоречили. Это не означает, что их исторические построения были искажением; скорее, они создавали свой

исторический нарратив, являвшийся инструментом для обоснования определенного понимания генезиса нации, национального наследия и патриотизма.

Вместе с тем, краковское славянофильство следует рассматривать не как изолированное явление, а как часть более широкого неославистского движения, охватившего интеллектуалов славянских народов Австро-Венгрии и России в начале XX в. Достаточно вспомнить, что краковские славянофилы разделяли с неославистами ключевые установки: стремление к славянскому сближению, поиск путей мирного сотрудничества, ориентацию на культурный диалог. Однако они были готовы примкнуть к неославизму на своих условиях, отстаивая польскую версию славянской взаимности. Их принципиальное отличие от неославистов заключалось в том, что они решительно не принимали посредническую роль России и настаивали на равноправном положении поляков в славянском мире. Когда неославистское движение оказалось неспособным разрешить русско-польские противоречия, краковские славянофилы все больше дистанцировались от него, делая ставку на собственный проект – «польское славянофильство», которое они противопоставляли как российскому панславизму, так и восточноевропейскому неославизму. Тем не менее, именно в рамках неославистского движения краковские славянофилы смогли наладить широкие контакты с другими славянскими народами и заявить о польских интересах на общеславянской арене.

Славянская взаимность в понимании краковских славянофилов была одновременно политической программой и культурной установкой. Она предполагала конкретные политические шаги – укрепление позиций поляков в Австро-Венгрии, поддержку требований других славянских народов империи, противостояние германской экспансии. Краковские славянофилы подчеркивали необходимость признания интересов каждого славянского народа, уважения его языка, веры и обычаев – этот принцип Конечный сформулировал как «славянофильство без уступок».

Культурный диалог был для них родом практической деятельности. Здзеховский видел свою миссию в том, чтобы знакомить русскую публику с «истинным»

обликом польского патриотизма и одновременно показывать полякам неоднородность русского общества. Конечный сосредоточился на связях с другими славянскими народами Австро-Венгрии – чехами, словенцами, видя в них естественных союзников поляков в борьбе против германской экспансии. Они оба верили в существование культурной общности славянских народов, которая могла бы стать основой для их политического сотрудничества. Разница была лишь в том, как они понимали эту общность: для Здзеховского она имела прежде всего религиозно-этическое измерение, для Конечного – более политизированное.

Деятельность краковских славянофилов представляет собой пример того, как патриотическая идея может реализовываться не через политическую борьбу, а через сочетание научной работы, просветительства и сохранения исторической памяти. «Славянский клуб» с момента своего основания в 1901 г. стал местом, где академические исследования славянства соединялись с осмыслением положения Польши в славянском мире. Журнал превратил эту деятельность в систематическую пропаганду польского взгляда на славянскую взаимность, а «Славянское общество» попыталось придать ей массовый характер – через публичные лекции, курсы славянских языков и торжественные мероприятия, приуроченные к юбилеям славянских деятелей и событий. Таким образом, краковские славянофилы не только формулировали новую патриотическую идею, но и стремились воплотить ее в конкретных делах, видя в сохранении исторической памяти и просвещении форму патриотического служения.

Проект краковских славянофилов в конечном счете не был, да и не мог быть реализован – и причиной тому стали не только внешние обстоятельства, но и внутренние препятствия. Прежде всего, славянская идея встречала в польском обществе устойчивое сопротивление: она по-прежнему ассоциировалась с российским панславизмом и воспринималась как угроза национальной идентичности. Кроме того, краковские славянофилы сознательно отказывались от партийных форм политической борьбы в пользу культурного диалога, что заметно ограничивало их влияние на реальные политические процессы и делало их программу уязвимой для критики как со стороны консерваторов, так и со стороны

радикалов. Наконец, между самими славянскими народами сохранялись серьёзные противоречия – польско-русинский конфликт в Галиции, польско-чешские трения в Тешинской Силезии, взаимное недоверие между поляками и русскими, – которые подрывали саму возможность того славянского единства, к которому они стремились.

Тем не менее, их деятельность не была безрезультатной. Они создали интеллектуальное пространство, объединившее польских, русских, чешских, словенских мыслителей; разработали альтернативную модель патриотизма, основанную на культурном диалоге с другими народами; внесли весомый вклад в изучение истории польского славянофильства, идеи славянской взаимности.

Идейное наследие краковских славянофилов не исчезло после 1914 г. Оно повлияло на формирование польской общественно-политической мысли в межвоенный период. Так, Конечный, переживший Первую мировую войну, продолжил научные и философские поиски в независимой Польше, став одним из важных теоретиков цивилизационного подхода к истории. Таким образом, краковское славянофильство оказалось не только страницей прошлого, но и одним из источников польской общественно-политической традиции XX в.

Список источников и литературы

Источники

1. *Брянчанинов А.Н.* Россия и Польский народ. Ответ проф. М.Э. Здзеховскому // Новое звено. 1913. № 2. С. 50–53.
2. *Здзеховский М.* Австрославизм и Россия // Московский еженедельник. 1909. № 20. С. 35–44.
3. *Здзеховский М.* Государственный инстинкт в Польше // Московский еженедельник. 1906. № 25. С. 38–45.
4. *Здзеховский М.* О польском религиозном сознании. М: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1915. 35 с.
5. *Здзеховский М.* Плоды искренности // Новое звено. 1914. № 11. С. 8–9.
6. *Здзеховский М.* Поляки и украинофильство // Московский еженедельник. 1908. № 17. С. 27–40.
7. *Здзеховский М.* Польский идеализм // Московский еженедельник. 1906. № 9. С. 276–282.
8. *Здзеховский М.* Польско-русинский спор // Московский еженедельник. 1907. № 14. С. 31–48.
9. *Здзеховский М.* Революция и культура // Московский еженедельник. 1906. № 22. С. 24–33.
10. *Здзеховский М.* Чего хотят поляки? (письмо к издателю) // Новое звено. 1913. № 1. С. 20–23.
11. *Здзеховский М.* Письмо Льву Толстому // Новая Польша. 2003. № 7–8. С. 59–60.
12. *Кареев Н.И.* Новейшая польская историография и переворот в ней // Вестник Европы. 1886. Кн. 12. С. 535–588.
13. *Ляудын С.* Славянская идея // Московский еженедельник. 1906. № 14. С. 436–441.
14. *Милош Ч.* Религиозность Здзеховского (Отрывки) // Новая Польша. 2003. № 7/8. С. 57–58.

15. *Перовский-Петрово-Соловово*. Письмо к редактору-издателю // Новое звено. 1914. № 3. С. 79–81.
16. Поляк о русском полонофильстве // Новое звено. 1914. № 5. С. 141–143.
17. Славянский век. 1901–1904. № 39-40, 49, 64, 66, 70, 71, 72.
18. *Толстой Л.Н.* Патриотизм или мир? Письмо к Мансону 2 января 1896 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). М.; Л: Гос. изд-во, 1928–1964. Т. 90. М.; Л., 1964. С. 45-53.
19. *Толстой Л.Н.* Патриотизм и правительство // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). М.; Л: Гос. изд-во, 1928–1964. Т. 90. М.; Л., 1964. С. 425–445.
20. *Толстой Л.Н.* Христианство и патриотизм // Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 39. М.; Л: Гос. изд-во, 1928–1964. С. 27–80.
21. *Урсин М. [Zdziechowski M.]* Очерки из психологии славянского племени. Славянофилы. СПб: Типография Г. Шахта и Ко, 1887. 221 с.
22. *Урсин М. [Zdziechowski M.]* Религиозно-политические идеалы польского общества // Северный вестник. 1895. № 7. С. 36–54.
23. *Урсин М. [Zdziechowski M.]* Религиозно-политические идеалы польского общества. Лейпциг: Э.Л. Каспарович, 1896. 30 с.
24. *Bobrzyński M.* Z moich pamiętników. Wrocław; Kraków: Wydawnictwo Zakładu im. Ossolińskich, 1957. 404 s.
25. *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1974. 496 s.
26. *Buszczyński S.* Przyszłość Austrii. Kraków, 1869. 20 s.
27. *Buszczyński S.* Słowiańska sprawa. Polska i prawa narodów. Kraków: Wydawnictwo Nowej Reformy, 1884. 51 s.
28. *Buszczyński S.* Znaczenie dziejów Polski i walki o niepodległość. Poznań: Nakładem Dra Ludwika Rzepeckiego, 1882. 378 s.
29. Česka Beseda w Krakowie // Świat Słowiański. Kraków, 1914. S. 39–43.

30. Czy Polacy czują się Słowianami? // *Świat Słowiański*. Kraków, 1910. N 69–70. S. 193–195.
31. Dwa warunki solidarności słowiańskiej // *Świat Słowiański*. Kraków, 1906. N 19. S. 1–10.
32. Dwaj pierwsi goście «Towarzystwa Słowiańskiego» (Fr. Kvapil i Fr. Pastrnek) // *Świat Słowiański*. Kraków, 1913. N 99. S. 158–159.
33. Głos Fr. L. Hovorki o stosunkach polsko-czeskich // *Świat Słowiański*. Kraków, 1912. N 92–93. S. 611–621.
34. *Grzymała-Siedlecki A.* Niepospolici ludzie w dniu swoim powszednim. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1962. 356 s.
35. II Zjazd dziennikarzy słowiańskich w Krakowie. Kraków: Czas, 1900. 76 s.
36. *Jablonowski W.* La France et la Pologne: le slavianisme et la dynastie polonaise. Paris: Jules Renouard et Ce, 1843. 279 p.
37. *Jaworski F.* Uniwersytet Lwowski: wspomnienia jubileuszowe z 28 rycinami w tekście. Lwów: Towarzystwo Miłośników Przeszłości Lwowa, 1912. 88 s.
38. *Jeż T. T. [Miłkowski Z.]* Ostapek: powieść: ustęp z przeszłości emigracyjnej. Lwów: Gubrynowicz, Schmidt, 1875. 393 s.
39. *J.L.P.* Konstytucjonalizm Galicyjski // *Prawda*. Warszawa, 1883. N 52. S. 615.
40. *K.K. z Wielkopolski, Koneczny F.* Problem zgody z Rosyą // *Świat Słowiański*. Kraków, 1907. N 34. S. 209–221.
41. *Karowski W. [Zdziechowski M.]* Etyka polityczna w Rosyi. Kraków, 1899. 51 s.
42. Klub słowiański w Krakowie. Sprawozdanie z trzechlecia // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 1. S. 1–18.
43. *Kołodziejczyk E.* Bibliografia słowianoznawstwa polskiego. Kraków: Akademia Umiejętności, 1911. 303 s.
44. *Kołodziejczyk E.* Prądy słowianofilskie wśród Emigracji Wielkiej 1830–1863. Kraków: Towarzystwo Słowiańskie, 1914. 54 s.
45. *Kołodziejczyk E.* Z przeszłości słowianofilstwa w Polsce // *Świat Słowiański*. 1910–1913.

46. *Koneczny F.* Co robić wobec rusinów? // *Świat Słowiański*. Kraków, 1908. N 42. S. 580–586.
47. *Koneczny F.* Czy będzie sąd? II. Artykuł polski // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 11. S. 341–346.
48. *Koneczny F.* Czy można dogodzić rusinom? // *Świat Słowiański*. Kraków, 1907. N 36. S. 401–404.
49. *Koneczny F.* Czesi i słowienicy wobec nowej ery słowiańskiej // *Świat Słowiański*. Kraków, 1906. N 19. S. 31–34.
50. *Koneczny F.* Dr Kramar na tle neosławizmu // *Świat Słowiański*. Kraków, 1909. N 56–57. S. 150–157.
51. *Koneczny F.* Dzieje Polski opowiedziane dla młodzieży. Kraków: Miles, 2024. 386 s.
52. *Koneczny F.* Dzieje Polski za Jagiellonów. Kraków: Towarzystwo Oświaty Ludowej, 1903. 358 s.
53. *Koneczny F.* Dzieje Polski za Piastów. Kraków: Towarzystwo Oświaty Ludowej, 1902. 408 s.
54. *Koneczny F.* Dzieje Śląska. Bytom: Katolika, 1897. 506 s.
55. *Koneczny F.* Niepotrzebny ferment wśród Słowaków // *Świat Słowiański*. Kraków, 1911. N 82. S. 217–231.
56. *Koneczny F.* O pierwotnej polskości Rusi Czerwonej // *Świat Słowiański*. Kraków, 1913. N 100. S. 212–236.
57. *Koneczny F.* On the plurality of civilisations. London: Polonica Publications, 1962. 348 p.
58. *Koneczny F.* O ład w historii. Londyn: Nakł. Komitetu Wydawniczego, 1977. 202 s.
59. *Koneczny F.* Po konferencji Praskiej // *Świat Słowiański*. Kraków, 1908. N 44–45. S. 707–713.
60. *Koneczny F.* Polityczne znaczenie Moraw // *Świat Słowiański*. Kraków, 1906. N 23. S. 350–357.
61. *Koneczny F.* Prawa dziejowe. Warszawa: Prohibita, 2020. 764 s.

62. *Koneczny F.* Propaganda zgody z Rosyą // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 10. S. 259–273.
63. *Koneczny F.* Przed konferencją Praską // *Świat Słowiański*. Kraków, 1908. N 43. S. 631–640.
64. *Koneczny F.* Słowianofilstwo a handel // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 8. S. 98–120.
65. *Koneczny F.* Słowianofilstwo bez ustępstw // *Świat Słowiański*. Kraków, 1907. N 30. S. 409–416.
66. *Koneczny F.* Słowianoznawstwo a słowianofilstwo // *Świat Słowiański*. Kraków, 1913. N 98. S. 61–79.
67. *Koneczny F.* Słowiańska obrona Wielkopolski // *Świat Słowiański*. Kraków, 1908. N 37. S. 1–9.
68. *Koneczny F.* Słowiańskie wyznanie wiary Polaka // *Świat Słowiański*. Kraków, 1914. N 115. S. 42–46.
69. *Koneczny F.* Słowo o prognozie politycznej (Z powodu przewidywań wojny austriacko-rosyjskiej) // *Świat Słowiański*. Kraków, 1909. N 60. S. 339–351.
70. *Koneczny F.* Spór polsko-czeski na Śląsku // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 9. S. 189–191.
71. *Koneczny F.* Swary uniwersyteckie we Lwowie // *Świat Słowiański*. Kraków, 1906. N 16. S. 225–232.
72. *Koneczny F.* Z powodu artykułu p. Iwana Franki // *Świat Słowiański*. Kraków, 1906. N 13. S. 46–54.
73. *Koneczny F.* Nowiny z historyografii polskiej // *Przegląd Powszechny*. Kraków, 1902. T. LXXVI. N. 228. S. 336–356.
74. *Lednicki A.* Grudniowe dni w Moskwie // *Świat Słowiański*. Kraków, 1906. N 14–15. S. 119–126.
75. *Lenard L.* Nekaj slovanskih vprašanj // *Čas*. 1909. N 1–2. S. 80–84.
76. *Lenard L.* Polityczne zadanie polaków // *Świat Słowiański*. Kraków, 1907. N 27. S. 177–185.

77. *Manteuffel G.* Z dziejów Dorpatu i byłego Uniwersytetu Dorpackiego. Warszawa: Nakładem Byłych Wychowalców b. Uniwersytetu Dorpackiego, 1911. 232 s.
78. *Morawski K.* Kraków przed trzydziestu laty. Warszawa: Koop. Prac. Druk, 1932. 74 s.
79. Mowa Pana Mariana Zdziechowskiego miana w Dorpacie do kolegów uniwersyteckich dla uczczenia 50-letniego jubileuszu Powstania Polskiego 1831 roku. Do druku podał i opracował Marian Zaczyński // *Znak*. Kraków, 1982. N 3 (328). S. 141–144.
80. Nasza metoda (na siódmy rok wydawnictwa «Świata słowiańskiego») // *Świat Słowiański*. Kraków, 1911. N 73. S. 1–3.
81. Ognisko: książka zbiorowa wydana dla uczczenia 25-letniej pracy T.T. Jeża. Warszawa: Druk K. Kowalewskiego, 1882. 485 s.
82. Około sprawy uniwersytetu ruskiego // *Świat Słowiański*. Kraków, 1912. N 91. S. 530–534.
83. Polsko-rosyjski zjazd w Moskwie: sprawozdanie poprzedzone wstępem krytycznym wydawców. Kraków: Książka, 1905. 24 s.
84. Posiedzenie Klubu Słowiańskiego w Krakowie z powodu wrześniowego kongresu ziemstw w Moskwie // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 10. S. 276–280.
85. Program słowieńskiego patryoty // *Świat Słowiański*. Kraków, 1906. N 22. S. 271–272.
86. Przegląd prasy słowiańskiej // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 4. S. 322–324.
87. Rosya federacyjna. Sergiusz Szarapow: Самодержавие и самоуправление // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 6. S. 461–473.
88. Slovanstvo: obraz jeho minulosti a přítomnosti. Praha: Jan Laichter, 1912. 777 s.
89. Słowiański interes w sprawie polskiej // *Świat Słowiański*. Kraków, 1905. N 6. S. 437–445.
90. *Sokołowski A.* Polacy w walce o niepodległość serbską // *Świat Słowiański*. 1905. N 1. S. 42–46.

91. *Szczepanowski S.* Myśli o odrodzeniu narodowem. Lwów, Warszawa: Książnica Polska, 1923. 332 s.
92. *Szczepanowski S.* Nędza Galicyi w cyfrach i program energicznego rozwoju gospodarstwa krajowego. Lwów: Gubrynowicz i Schmidt, 1888. 198 s.
93. Towarzystwo Słowiańskie w Krakowie // *Świat Słowiański*. Kraków, 1912. N 96. S. 844–850.
94. Towarzystwo Słowiańskie w latach 1912–1913. Kraków, 1914. 34 s.
95. *Woroniecki E.* Słowianofilstwo Królestwa Kongresowego // *Świat Słowiański*. 1910. N 68. S. 70–104.
96. Z czesko-polskich grzechów publicystycznych // *Świat Słowiański*. Kraków, 1910. N 66. S. 389–390.
97. Z «Towarzystwa Słowiańskiego» // *Świat Słowiański*. Kraków, 1913. N 108. S. 752–754.
98. *Zdziechowski M.* Byron i jego wiek: studia porównawczo-literackie. T. 1, Europa Zachodnia. Kraków, 1894. 447 s.
99. *Zdziechowski M.* Byron i jego wiek: studia porównawczo-literackie. T. 2, Czechy, Rosya, Polska. Kraków: Akademia Umiejętności, 1897. 686 s.
100. *Zdziechowski M.* Idea katolická ve společnosti Polské // *Nový život*. 1902. N. 6. S. 181–184; N 7. S. 213–218.
101. *Zdziechowski M.* Ideały Mickiewicza i Krasińskiego i słowianofilstwo Rosyjskie // *Kraj*. Petersburg, 1882. N 5–7.
102. *Zdziechowski M.* Jeszcze słów kilka o neoslawizmie // *Świat Słowiański*. Kraków, 1910. N 69–70. S. 132–135.
103. *Zdziechowski M.* Mesjaniści i słowianofile: szkice z psychologii narodów słowiańskich. Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1888. 338 s.
104. *Zdziechowski M.* O mesyanizmie Preradowicza. Kraków, 1889. 9 s.
105. *Zdziechowski M.* Odrodzenie Chorwacyi w wieku XIX: illiryzm. Stanko Vraz. Iwan Mažuranić. Piotr Preredović. Kraków, 1902. 208 s.

106. *Zdziechowski M.* Pesymizm, romantyzm a podstawy chrześcijaństwa. T. 1. Kraków: Czas, 1914. 376 s.
107. *Zdziechowski M.* Pesymizm, romantyzm a podstawy chrześcijaństwa. T. 2. Kraków: Czas, 1915. 420 s.
108. *Zdziechowski M.* Pestis perniciosissima: rzecz o współczesnych kierunkach myśli katolickiej. Warszawa: E. Wende i Spółka, 1905. 95 s.
109. *Zdziechowski M.* Rusi in Poljaki // Čas. 1907. N 3. S. 98–108.
110. *Zdziechowski M.* Szkice literackie. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1900. 339 s.
111. *Zdziechowski M.* U opoki mesjanizmu. Nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich. Lwów: Gubrynowicz i syn, 1912. 408 s.
112. *Zdziechowski M.* W obliczu końca. Wilno: S. Turski, 1938. 360 s.
113. *Zdziechowski M.* Widmo przyszłości: szkice historyczno-publicystyczne. Wilno: Grafika, 1939. 226 s.
114. *Zdziechowski M.* Wizja Krasińskiego: ze studiów nad literaturą i filozofią polską. Kraków, Warszawa: Księgarnia S. A. Krzyżanowskiego, 1912. 202 s.
115. *Zdziechowski M.* Wpływy rosyjskie na duszę polską. Kraków: Czas, 1913. 36 s.
116. *Zdziechowski M.* Wpływy rosyjskie na duszę polską. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1920. 155 s.
117. *Zdziechowski M.* Wrażenia z Dorpatu // Słowo. 1932. N 164. S. 1.
118. *Zdziechowski M.* Wybór pism. Kraków: Znak, 1993. 452 s.
119. *Zdziechowski M.* Wychowanie a religia // Nasza Przyszłość: wolna trybuna zachowawczej myśli państwowej. Warszawa, 1932. T. 25. S. 5–44.
120. *Zdziechowski M.* Zygmunt Miłkowski (T. T. Jeż) a idea słowiańska w Polsce. Piotrogród, 1915. 39 s.

Литература

122. *Аляев Г.Е., Оболевич Т.* «С польским вопросом мы, русские, вообще недостаточно знакомы...». Евгений Трубецкой и Мариан Зdziechowski. Зелена Гура: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2025. 303 s.

123. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М: Кучково поле, 2016. 416 с
124. *Аржакова Л.М.* Группировка станьчиков как проявление (само)организации краковских консерваторов, ориентированных на Вену // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 40–52.
125. *Аржакова Л.М.* Ещё раз о польском вопросе // *Częstochowskie teki historyczne*. Т. VI. 2016. С. 169–182.
126. *Аржакова Л.М.* Опыт польско-российского диалога: Н.А. Попов, Н.И. Кареев и М. Бобжиньский // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2009. Вып. 3. С. 9–17.
127. *Аржакова Л.М.* Польский вопрос в России XIX века (трактовка и время возникновения) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2014. № 3. С. 4–17.
128. *Бабоша И.А.* Секретный комитет высшего политического надзора в России и польская эмиграция (1837-1839) // Славяноведение. 2024. № 3. С. 5-17.
129. *Баженова А.Ю.* Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014. 406 с.
130. *Банашкевич М.* Рецепция взглядов краковской исторической школы в публицистике петербургской газеты «Край» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 11. С. 6–11.
131. *Белов М.В.* Перекрестная история «славянской взаимности» // Петербургские славянские и балканские исследования. 2017. № 2 (22). С. 51–62.
132. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М: Новое литературное обозрение, 2011. 997 с.
133. *Болдин В.А.* К вопросу о дихотомии «панславизм-неославизм» в отечественной науке // Геополитический журнал. 2017. № 2-3(18). С. 76–82.
134. *Болдин В.А.* Контент-анализ заголовков статей журнала «Славянский век» (1900–1904) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 67. С. 107–112.
135. *Болдин В.А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. М: Аквилон, 2018. 376 с.

136. *Бондарь Л.Д.* Краковский лингвист Ян Розвадовский и Российская Академия наук (к вопросу о российско-польских академических связях в области славистики в конце XIX – первой половине XX вв.) // Методика преподавания славянских языков как иностранных с использованием технологии диалога культур. Томск, 2007. С. 136–144.
137. *Бондарь Л.Д.* Научные контакты российских и галицийских славистов на рубеже XIX–XX в. в эпистолярных документах Санкт-Петербургского филиала архива РАН (СПБФ АРАН) // История науки и техники: источники, памятники, наследие. Иваново, 2023. С. 77–79.
138. *Бондарь Л.Д.* Славистическая наука в эпохи перемен: время взлетов и время падений // Судьбы ученых в эпоху перемен. Очерки и документы. СПб., 2021. С. 250–264.
139. *Борзова Е.С.* История образования Холмской губернии // Славяноведение. 2014. № 5. С. 75–81.
140. *Булахтин М.А.* Краковские консерваторы и демократические вызовы в начале XX века // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 145–151.
141. *Булахтин М.А.* Краковские консерваторы и межнациональные отношения в Галиции в начале XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 5. С. 58–64.
142. *Булахтин М.А.* Краковские консерваторы и польские демократы в начале XX века: от конкуренции к партнерству // Вестник Пермского университета. Серия «История и политология». 2007. № 3 (8). С. 24–34.
143. *Булахтин М.А.* Принципы и компромиссы: эволюция взаимоотношений «Краковских консерваторов» и польских социалистов Австро-Венгрии в начале XX века // Вестник ЧелГУ. 2008. № 34. С. 84–89.
144. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М: Новое литературное обозрение, 2019. 704 с.
145. *Верняев И.И.* Решение холмского вопроса: дискурсивные практики в Российской империи начала XX в. // Русин. 2018. Т. 53. № 3. С. 97–114.
146. *Волкова Е.А.* В.И. Ламанский: славяноведение, славянофильство, панславизм // Вече. 2020. № 32. С. 164–178

147. *Воронцова И.В.* «Заколдованный круг русского сознания». Проблемы социально-религиозного поиска в православной России второй половины XIX – начала XX века. М., СПб: Нестор-История, 2019. 932 с.
148. *Воронцова И.В.* «Между нами не может быть ни малейшего спора...»: Письма С.Н. Булгакова М.Э. Здзеховскому о необходимости церковного обновления / Публ. и предисл. И.В. Воронцовой // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 101–111.
149. *Воронцова И.В.* «Мы живем на повороте мировой истории...»: Вопросы христианского модернизма в переписке «неохристиан» и «неокатолика» М. Э. Здзеховского // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. 2011. Вып. 2 (39). С. 35–47.
150. *Воронцова И.В.* «Неокатолик» М. Э. Здзеховский и Л. Н. Толстой: история знакомства и эволюция отношения М. Э. Здзеховского к «христианскому анархизму» Л. Н. Толстого // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. 2023. Вып. 114. С. 66–82.
151. *Воронцова И.В.* Модернизм (1890–1914) в Римско-Католической Церкви и путь в нем Альфреда Луази // Исторические исследования. 2017. № 8. С. 315–331.
152. *Воронцова И.В.* Польский модернизм, которого «не было»: особенности, направления, участники // Российский журнал истории церкви. 2025. N 6(1). С. 51–61.
153. *Воронцова И.В.* Статья «неокатолика» М. Э. Здзеховского «Модернистское движение в Р.-К. Церкви» как источник по римо-католическому модернизму: опыт критического анализа // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 140–153.
154. *Воронцова И.В.* Церковный модернист профессор М.Э. Здзеховский и его апология христианской веры. По материалам сочинений и корреспонденции 1890–1908 годов // Вопросы теологии. 2025. № 2. С. 304–322.
155. *Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX — начало XX века). Иркутск: Аспринт, 2013. 198 с.
156. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
157. *Дианова В.М.* Пограничье в судьбе и творчестве Мариана Здзеховского // Русский логос – 2: Модерн – границы контроля. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2019 г. СПб., 2019. С. 689–690.

158. *Дианова В.М.* Теория цивилизаций Феликса Конечного: своеобразие и смысловые параллели // *Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений.* 2015. Вып. 1(6). С. 154–164.
159. *Дианова В.М., Скочинский Я.Г.* «Славянский клуб» в Кракове: научно-просветительская деятельность в 1901–1912 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология.* 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 709–720.
160. *Дианова В.М., Скочинский Я.Г.* Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского // *Вопросы философии.* 2017. № 6. С. 82–92.
161. *Долбилов М.Д., Миллер А.И.* (ред.). Западные окраины Российской империи. М: Новое литературное обозрение, 2006. 605 с.
162. *Дронов А.М.* От иллиризма к хорватизму в австрийской империи первой половины XIX века // *Славяноведение.* 2018. № 1. С. 55–69.
163. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М: Мысль, 1983. 271 с.
164. *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М: Наука, 1993. 280 с.
165. *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г.: (Опыт статистического анализа). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. 232 с.
166. *Кедури Э.* Национализм. СПб: Алетейя, 2010. 135 с.
167. *Кирилина Л.А.* Иван Хрибар и Россия // *Slovenica II.* М., 2011. С. 110–123.
168. *Кирилина Л.А.* Некоторые аспекты политической деятельности И. Хрибара в конце XIX – начале XX вв. // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2015. Т. 10. С. 256–265.
169. *Кирилина Л.А.* Словенские католики в конце XIX – начале XX в.: идеи славянской взаимности и отношение к России и православию // *Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами (к 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского).* М.–СПб., 2013. С. 199–210.
170. *Китаев В.А.* XIX век: пути русской мысли: науч. труды. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2008. 355 с.

171. *Клопова М.Э.* Русины, русские, украинцы: Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М: Индрик, 2016. 280 с.
172. *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М: Наука, 2005. 383 с.
173. *Короткова Д.А.* Эволюция взглядов Леона Василевского на белорусский вопрос // Славяноведение. 2021. № 3. С. 50–56.
174. *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 140 с.
175. *Котов В.В.* Сокольский взлёт: спорт и политика в чешских землях (1861–1871). М., СПб: Нестор-История, 2024. 320 с.
176. *Красицки Я.* Философия Соловьева в Польше // Соловьевские исследования. 2013. № 1(37). С. 39–52.
177. *Кром М.М.* Патриотизм, или Дым отечества. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 157 с.
178. *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. М: Институт русской цивилизации, 2010. 928 с.
179. *Лапунов А.А.* И.Г. Гердер как славист. Славистические исследования Гердера // Клио. 2025. № 2 (218). С. 270–278.
180. *Лапунов А.А.* Иоганн Готфрид Гердер и его глава «Славянские народы»: Источники взглядов Гердера на славянские народы // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. №1 (54). С. 62–71.
181. *Ларионова Е.О.* Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «русская идея» в зеркале польского мессианизма // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб, 2010. С. 184–205.
182. *Лециловская И.И.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М: Наука, 1968. 340 с.
183. *Лыкошина Л.С.* Образ России в польской общественной мысли // Современная Россия в оценках восточноевропейцев. 2009. С. 8–43.
184. *Матленгевич Т.* Общество друзей науки в Варшаве (1800–1832). Возникновение польского славянофильства // Вестник Северного (Арктического)

федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 26–30.

185. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. М: Новое литературное обозрение, 2010. 315 с.

186. *Миллер А.И.* Национализм как теоретическая проблема (Предварительные итоги) // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. I–XII.

187. *Мыльников А.С.* Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII – XIX вв. СПб: Петрополис, 1997. 220 с.

188. Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. 198 с.

189. *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX вв. Чехи, словаки и неославизм, 1898–1914. М: Наука, 1984. 240 с.

190. *Ненашева З.С.* Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. № 1–2. С. 130–135.

191. *Неменский О. Б.* Историческая концепция Франтишека Духинского. Часть первая // Вопросы национализма. 2016. № 4 (28). С. 49–65.

192. *Неменский О. Б.* Историческая концепция Франтишека Духинского. Часть вторая // Вопросы национализма. 2017. № 1 (29). С. 62–96.

193. *Носов Б.В.* Разделы Речи Посполитой и русско-польские отношения второй половины XVIII века в зарубежной историографии (1970-е – начало 1990-х годов) // Славяноведение. 1993. № 5. С. 86–100.

194. *Оболевич Т.* Польские философы и Петербург: Фома Парчевский и другие // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 130–158.

195. *Опацкий З.* Мариан Здзеховский – Вацлав Ледницкий. Из истории дружбы двух ученых (у истоков польской русистики) // Pax Latina & Pax Orthodoxa: Славистические Исследования: История, культура, литература: В честь 80-летия со дня рождения Александра Владимировича Липатова. М., 2017. С. 187–206.

196. *Павленко О. В.* Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.

197. *Павленко О.В.* Панславизм реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М: Российский государственный гуманитарный университет, 2023. 404 с.
198. *Павлов П.А.* «Восточные кресы» в политической мысли Леона Василевского // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 65–81.
199. *Панченко А.Б.* Наднационализм в эпоху национализма: цивилизационный подход от Н.Я. Данилевского до В.И. Ламанского // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 121–134.
200. *Парфирьев Д.С.* Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. М: Центрполиграф, 2023. 223 с.
201. Патриотизм // Большая Российская энциклопедия: в 35 т. Т. 25. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С. 456.
202. Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. М: Индрик, 2018. 406 с.
203. Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши. М: Индрик, 2014. 416 с.
204. Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. 228 с.
205. *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб: Колосс, 1913. 220 с.
206. *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. Т. 1–2. СПб: Типография М. М. Стасюлевича, 1879–1881.
207. *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб: Типография О. И. Бакста, 1865. 520 с.
208. *Разьны А.* Россия в глазах Мариана Здзеховского // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 155–161.
209. *Робисон М.А.* Регионы Европы в историософском трактате В.И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славяноведение. 2019. № 3. С. 4–12.
210. *Рокина Г.В.* Из истории трактовки термина «Панславизм» в работах отечественных и зарубежных авторов XIX века // Запад–Восток. 2010. № 3. С. 92–102.

211. *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М: Новое литературное обозрение, 2020. 480 с.
212. Русский Сборник: исследования по истории России. Том XV: Польское восстание 1863 года. М.: Модест Колеров, 2013. 536 с.
213. *Селиверстов С.В.* «Истинный славизм» раннего В.И. Ламанского и полемика с позицией А.С. Пушкина (конец 1850-х годов) // Славяноведение. 2021. № 3. С. 94–103.
214. *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М: Наука, 2006. 512 с.
215. *Сироткина Е.В.* «Не остается ничего другого как надеяться на бога и выполнять свои обязанности»: А. Фон Эренталь и развитие австрийско-российских отношений в начале XX в // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. № 2. С. 82–87.
216. *Сироткина Е.В.* Граф Алоис Лекса фон Эренталь // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 32–48.
217. Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М: Наука, 1979. 400 с.
218. *Смит Э.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М: Праксис, 2004. 458 с.
219. *Собестинский И.М.* Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян: Историко-критическое исследование. Харьков: Типография А. Н. Гусева, 1892. 320 с.
220. *Соловьев В.С.* Великий спор и христианская политика. М., 1883. 60 с.
221. *Соловьев В.С.* Ерейство и христианский вопрос. М., 1884. 80 с.
222. *Соловьёв В.С.* Патриотизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 22А (44). С. 479–480.
223. *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России / сост. и вступит. ст. А.А. Тесля. М: Рипол-Классик, 2018. 864 с.
224. *Соловьев С.М.* История падения Польши. М: Типография Грачева и К, 1863. 369 с.

225. *Сталюнас Д.* Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М: Новое литературное обозрение, 2024. 360 с.
226. *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М: Международные отношения, 2002. 696 с.
227. *Твердислова Е.С.* Владимир Соловьев. Мессианство: Идея – модель – завет – символ // Вестник культурологии. 2021. № 1 (96). С. 140–162.
228. *Тесля А.А.* Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно: рецензия на книгу Бориса Прокудина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 11. № 2. С. 177–185.
229. *Травкина А.А.* Отношение к российскому славянофильству и панславизму в польской прессе Галиции (1863–1905 гг.) // Социальная политика и социология. 2011. № 1 (67). С. 109–117.
230. *Травкина А.А.* Специфика польского романтического мессианизма XIX века // Вестник славянских культур. 2008. № 3–4. С. 56–64.
231. *Турій О.* Політичні аспекти діяльності Митрополита Андрея Шептицького // Ковчег. Науковий збірник з церковної історії. 2015. Ч. 7. С. 277–286.
232. *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с.
233. *Фалькович С.М.* Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907–1912). М: Наука, 1975. 382 с.
234. *Фалькович С.М.* Религиозные течения в польской эмиграции на фоне подъема национально-освободительного движения в Польше в 50–60-е гг. XIX в. // *Studia polonica*. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002. С. 49–59.
235. *Фалькович С.М.* Сотрудничество русских и польских неославистов и славянские съезды начала XX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 110–128.
236. *Фирсов Е.Ф.* Съезды славянских журналистов (1898–1912) // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 151–161.
237. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М: Наука, 1981. 296 с.

238. *Францев В.А.* Главнейшие моменты в развитии чешского славяноведения: Вступ. лекция, чит. 8 нояб. 1900 г. в Имп. Варш. ун-те. Варшава: Варшавская университетская типография, 1901. 43 с.
239. *Францев В.А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага: Типография «Политика», 1906. 692 с.
240. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М: Весь Мир, 2017. 344 с.
241. *Хаванова О.В.* Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М: Институт славяноведения РАН, 2000. 191 с.
242. *Хаванова О.В.* Этничность, нация, «любовь к стране» в Европе раннего Нового времени // Полит. наука. 2002. № 4. С. 5–24.
243. *Хорев В.А.* Россия и русская литература в польском сознании // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М., 2014. С. 69–83.
244. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М: Государственная публичная историческая библиотека России, 2013. 446 с.
245. *Чуркина И.В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. М: Институт славяноведения РАН, 2017. 576 с.
246. *Чуркина И.В.* Русские панслависты 1860—1870-х годов // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 2013. С. 85–105.
247. *Шарый А., Шимов Я.* Австро-Венгрия: судьба империи. М: КоЛибри, 2015. 400 с.
248. *Шимчак Д.* «Мы друг друга понимаем...». Франц Иосиф и поляки в Галиции // Славяноведение. 2017. № 5. С. 3–13.
249. *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1899. 250 с.
250. *Ястребов Н.В.* Галиция накануне Великой Войны 1914 года. Петроград: Типография А. Э. Коллинс, 1915. 146 с.
251. *Augustyniak U.* Two patriotisms? Opinions of townsmen and soldiers on duty to the fatherland in seventeenth-century Poland // Whose love of which country? Composite

states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe / Ed. Trencsényi B., Zászkaliczky M. Leiden, Boston, 2010. P. 461–496.

252. *Avramchuk O.* Między ideą jagiellońską a Międzymorzem. Ewolucja kwestii ukraińskiej w poglądach politycznych Oskara Haleckiego (1891–1973) // *Klio Polska. Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej*. 2017. T. 9. S. 57–79.

253. *Baumfeld A.* Andrzej Towiański i towianizm. Zarys chwili i postaci. Kraków: Księgarnia D. E. Friedleina, 1908. 73 s.

254. *Beauvois D.* U źródeł panslawizmu: Polskie oświecenie i słowiańszczyzna (1795–1820) // *Revue des études slaves*. T. 51. N 1–2. 1978. S. 35–44.

255. *Białokozowicz B.* Korespondencja Mariana Zdziechowskiego z Lwem Tołstojem // *Slavia Orientalis*. 1966. N 4. S. 435–452.

256. *Białokozowicz B.* Listy Gieorgija Cziczierina do Mariana Zdziechowskiego // *Slavia Orientalis*. 1965. N 1. S. 101–115.

257. *Białokozowicz B.* Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj. Białystok: Łuk, 1995. 313 s.

258. Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut». T. 13–16: Literatura pozytywizmu i Młodej Polski. Warszawa; Wrocław: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1970–1982.

259. *Biliński P.* Feliks Koneczny (1862–1949) – szkic biograficzny // *Arcana*. 2000. N 3. S. 187–212.

260. *Biliński P.* Feliks Koneczny a "Świat Słowiański" // *Slovanství a věda v 19 a 20 století. Práce z Archivu Akademie věd ČR*. Praha: Řada A, 2005. S. 15–39.

261. *Biliński P.* Feliks Koneczny jako badacz dziejów Rosji i Europy Wschodniej // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2003. N 38. S. 227–246.

262. *Biliński P., Ďurčanský M.* Korespondencja Feliksa Konecznego z Jaroslavem Bidlo // *Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej*. 2016. T. LXVI. S. 45–68.

263. *Biliński P., Ďurčanský M., Skrzyński T.* Nieznana korespondencja Mariana Zdziechowskiego z Adolfem Černym // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 2007. T. 52. N 2. S. 7–50.

264. *Bojomir W.* Mesyanizm polski a kościół katolicki. Kraków: Skład Główny w Księgarni G. Gebethnera i Sp., 1916. 47 s.

265. *Boroch R.* Patriotism Concept by Jędrzej Stanisławek // *Kultura i Wartości*. 2021. N 32. S. 187–204.
266. *Braun J.* Feliks Koneczny, twórca nauki o cywilizacji // *Wiadomości*. 1970. N 10. S. 3.
267. *Brykalska M.* Aleksander Świętochowski jako wydawca i redaktor „Prawdy” (1881–1900) // *Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego*. 1972. N. 3. S. 343–392.
268. *Brzozowska M.* Patriotyzm i nacjonalizm w polskim dyskursie ideologicznym // *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. 2009. T. 21. S. 103–120.
269. *Bukowska S.* Feliks Koneczny – indukcyjna nauka o cywilizacji a prawa dziejowe // *Folia Philosophica*. 1991. N 8. S. 201–215.
270. Bunt wolnych ludzi: 160. rocznica Powstania Styczniowego. Warszawa: Wydawnictwo Muzeum Niepodległości, 2023. 634 s.
271. *Buszko J.* Społeczno-polityczne oblicze Uniwersytetu Jagiellońskiego w dobie autonomii galicyjskiej (1869–1914). Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1963. 105 s.
272. *Cetnarowicz A.* Leopold Lenard – słoweński polonofil z początku XX wieku // *Prace Historyczne*. 2020. N 147 (2). S. 315–345.
273. *Ćuk A.* Idea słowiańska w ujęciu Feliksa Konecznego // *Studia z Filozofii Polskiej*. 2009. T. 4. S. 261–275.
274. *Ćuk A.* Słowiańszczyzna południowa na przełomie wieków XIX i XX z perspektywy Klubu Słowiańskiego // *Galicja. Studia i materiały*. 2019. N. 5. S. 57–68.
275. *Daszyk K.K.* Osobliwy podolak: w kręgu myśli historiozoficznej i społeczno-politycznej Wojciecha hr. Dzieduszyckiego. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1993. 151 s.
276. *Dianova V.M., Rybas A.E.* Interethnic Relations in Russian Publicism by M.E. Zdziechowski // *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 436–444.
277. *Djakow W.* «Polskie słowianofilstwo» i jego wpływ na slawistykę polską (koniec XVIII w. – 1939 r.) // *Analecta* 2/1(3). 1993. S. 9–24.
278. *Ďurčanský M.* Czeski historyk Jaroslav Bidlo i jego udział w ruchu neosłowiańskim przed i wojną światową // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. 2020. T. 147. N 2. S. 347–359.

279. *Dziedzic A.* Galicyjski Sejm Krajowy wobec namiestnictwa w początkach ery konstytucyjnej w Austrii // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2016. Vol. 25. N 3. S. 261–276.
280. *Dzieduszycki W.* Mesjanizm Polski a prawda dziejów. Kraków: Czas, 1901. 160 s.
281. *Eberhardt P.* Polski panslawizm jako idea geopolityczna // *Przegląd geopolityczny*. 2014. T. 7. S. 59–74.
282. *Elżbieciak J.* Edmund Kołodziejczyk (1888–1915) – życie i dzieło // *Wadoviana: przegląd historyczno-kulturalny*. 2006. T. 10. S. 121–131.
283. *Estreicher S.* Znaczenie Krakowa dla życia narodowego polskiego w ciągu XIX wieku: odczyt wypowiedziany w «Klubie Społecznym» w dniu 21 października 1931 roku. Kraków: Biblioteka Krakowska, 1931. 47 s.
284. *Feldman W.* Dzieje polskiej myśli politycznej. 1864–1914. Warszawa: Instytut Badania Najnowszej Historji Polski, 1933. 512 s.
285. *Feldman W.* Stronnictwa i programy polityczne w Galicji. Kraków: Książka, 1907. 371 s.
286. *Flis-Czerniak E.* Panslawizm czy panrusycyzm?, czyli „Słowiańszczyzna à la fourchette”. O idei jedności słowiańskiej w twórczości Tadeusza Micińskiego // *Panslawizm wczoraj, dziś, jutro*. Siedlce, 2016. S. 133–145.
287. *Galkowski S.* „Pesymizm jako siła twórcza”. Idee wychowawcze Mariana Zdziechowskiego // *Polska Myśl Pedagogiczna*. 2022. N. 8. S. 193–207.
288. *Gantar Godina I.* Leopold Lenard // *Zgodovinski Časopis*. 1992. T. 46. S. 395–400.
289. *Gantar Godina I.* Neoslavizem in Slovenci. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 1994. 191 s.
290. *Gawlik M.* Marian Zdziechowski (1861–1938) wobec modernizmu katolickiego // *Roczniki Teologiczne*. 2007. T. LIII–LIV. N 7. S. 165–176.
291. *Gawor L.* Filozofia w Galicji. Wprowadzenie // *Galicja. Studia i materiały*. Rzeszów. 2016. N 2. S. 11–23.
292. *Gawor L.* Galician neomessianism // *Galicja. Studia i materiały*. Rzeszów. 2019. N. 5. S. 13–39.

293. *Gawor L.* Katastrofizm konsekwentny. O poglądach Mariana Zdziechowskiego i Stanisława Ignacego Witkiewicza. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1998. 118 s.
294. *Gawor L.* O Wielości Cywilizacji. Filozofia Społeczna F. Konecznego. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 196 s.
295. *Gawor L.* Polska myśl historiozoficzna I połowy XX wieku: Analiza wybranych poglądów. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2005. 242 s.
296. *Gawor L.* Świat Słowiański [1905–1914] // *Sofia*. 2004. N 4. S. 342–347.
297. *Gellner E.* Nations and nationalism. Oxford: Basil Blackwell, 1983. 150 p.
298. *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego w 1861–1864 r. T. 3. Paryż: Księgarnia Luxemburska, 1870. 450 s.
299. *Giza A.* Neoslawizm i Polacy. 1906–1910. Szczecin: Wydawnictwa Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Szczecinie, 1984. 265 s.
300. *Giza A.* Stosunki polsko-czeskie, 1795–1920. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 1995. 209 s.
301. *Głębocki H.* „Diabeł Asmodeusz” w niebieskich binoklach i kraj przyszłości: hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana, 2012. 812 s.
302. *Grabski A. F.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2000. 277 s.
303. *Greń Z.* Tożsamość śląska w systemie pojęciowym budzicieli polskiego życia narodowego na Śląsku Cieszyńskim w XIX wieku // *Zeszyty Łużyckie*. 2022. T. 57. S. 151–183.
304. *Groch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 220 p.
305. *Gruca A.* Towarzystwo Słowiańskie (1912–1939) w Krakowie, jego działalność wydawnicza i popularyzatorska w zakresie literatur słowiańskich // *Książka, biblioteka, informacja. Między podziałami a wspólnotą*. Kielce, 2007. S. 91–99.
306. *Gruchała J.* Koło Polskie w austriackiej Radzie Państwa wobec kwestii czeskiej i Śląska Cieszyńskiego (1879–1899). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1982. 138 s.

307. *Grześkowiak-Krwawicz A.* Citizen, fatherland and patriotism in the political discourse of the Polish-Lithuanian Commonwealth // Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe / Ed. Trencsényi B., Zászkaliczky M. Leiden, Boston, 2010. P. 255–281.
308. *Grześkowiak-Krwawicz A.* Polska myśl polityczna lat 1772–1792 o systemie władzy absolutnej // *Kwartalnik Historyczny*. 1987. T. 94. N 3. S. 41–58.
309. *Hayes C.* Essays on Nationalism. New York: The Macmillan Company, 1926. 279 p.
310. *Halecki O.* Idea Jagiellońska // *Kwartalnik Historyczny*. 1937. T. 51. N 1–2. S. 486–510.
311. *Himka J.-P.* Sheptyts'kyi and the Ukrainian National Movement before 1914 // Morality and Reality. The Life and Times of Andrei Sheptyts'kyi. Edmonton, 1989. P. 29–46.
312. *Jakubiak K.* Polskie tradycje edukacji domowej // *Studia Paedagogica Ignatiana*. 2017. T. 20. N 3. S. 19–30.
313. *Janusz K.* Konfrontacje Rosja – Zachód. Wokół myśli Feliksa Konecznego. Komorów: Wydawnictwo Antyk – Marcin Dybowski, 1997. 250 s.
314. *Jaroszewicz-Kleindienst B.* Towarzystwo Słowiańskie w Krakowie. Zarys działalności // *Pamiętnik Słowiański*. 1974. T. 24. S. 151–170.
315. *Jedlicki J.* Problems with the intelligentsia // *Acta Poloniae Historica*. 2009. T. 100. S. 17–30.
316. *Jedynak B.* Z historii obyczaju patriotycznego w czasach Oświecenia // *Niepodległość i Pamięć*. 2000. N. 16. S. 15–23.
317. *Jurkowski R.* Piotr Stołypin jako marszałek szlachty w guberni kowieńskiej 1889–1902. Nominacje, rangi order i medale // *Zeszyty Naukowe*. 2014. T. XXVIII. S. 226–238.
318. *Jurkowski R.* The role of P.A. Stolypin in the Creation of the People's House in Kovno in 1898–1899 // *Historia provinciae – the journal of regional history*. 2020. N 3. S. 734–764.
319. *Jurkowski R.* Udział Piotra Stołypina w życiu teatralnym Kowna w latach 1899–1901 // *Studia Białorutenistyczne*. 2014. T. 8. S. 59–69.

320. *Kantor R.* Krakowskie pogrzeby – budowanie przestrzeni narodowej: z dziejów obrzędowości patriotycznej w okresie zaborów // *Niepodległość i Pamięć*. 1998. N. 10. S. 95–110.
321. *Karpiński W.* Marian Zdziechowski // *Znak*. 1973. N. 3. S. 335–343.
322. *Kich-Maslej O.* Ukraine from the perspective of Cracow at the turn of the nineteenth and twentieth centuries and the activities of Marian Zdziechowski in the field of ukrainian studies // *Politeja*. 2008. N 10/1. P. 143–164.
323. *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1795–1918. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998. 597 s.
324. *Klarnerówna Z.* Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. Warszawa: Kasa im. J. Mianowskiego, Instytut Popierania Nauki, 1926. 302 s.
325. *Kochan J.* Oblicze ideowo-polityczne «Świata Słowiańskiego» // *Kwartalnik Historii Prasy Polskiej*. 1979. N 2. S. 41–62.
326. *Kohn H.* The Idea of Nationalism. New York: The Macmillan Company, 1944. 735 p.
327. *Kojkoł J.* Pozytywizm a wychowanie. Aleksandra Świętochowskiego poglądy na wychowanie – interpretacje wstępne // *Colloquium Edukacja – Polityka – Historia*. 2018. T. 10. N. 4. S. 57–70.
328. *Kołodziejczyk A., Pałaszewska M.* Tradycje patriotyczne na obrazkach religijnych // *Niepodległość i Pamięć*. 1998. N. 10. S. 121–133.
329. *Kostkiewiczowa T.* Reflections on patriotism in Polish literature in the second half of the eighteenth century // *Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe* / Ed. Trencsényi B., Zászkaliczky M. Leiden, Boston, 2010. P. 689–710.
330. *Kraushar A.* Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk 1800–1832: monografia historyczna osnuta na źródłach archiwalnych. Ks. 1–4. Kraków–Warszawa: Gebethner i Wolff, 1900–1906.
331. *Kronika Towarzystwa Gimnastycznego «Sokół» we Lwowie* // *Księga pamiątkowa ku uczczeniu dwudziestej piątej rocznicy założenia Towarzystwa Gimnastycznego «Sokół» we Lwowie*. Lwów, 1892.

332. *Krokosz P.* Polskie Towarzystwo gimnastyczne Sokół w Wieliczce w latach 1892–1939 // Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. N 1. С. 208–222.
333. *Kulecka A.* Patriotyzm, poświęcenie, jedność. Społeczeństwo 1863 roku w dokumentach powstania. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. 282 s.
334. *Kurowska K.* Feliksa Konecznego nauka o wielości cywilizacji // Przegląd Humanistyczny. 1978. T. 22. N 7–8. S. 75–90.
335. *Kurczak J.* Historiozofia nadziei: romantyczne słowianofilstwo polskie. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2000. 190 s.
336. *Lis T. J.* Polish-Croatian relations in the context of the activities of the Krakow Slavic Society at the beginning of the twentieth century // *Studia lexicographica*. 2024. Vol. 18. N 34. P. 83–99.
337. *Ludorowski L.* Patriotyczno-obywatelska służba Henryka Sienkiewicza dla Ojczyzny // Niepodległość i Pamięć. 2018. N 61. S. 105–130.
338. *Małyśzek D.* Zygmunt Miłkowski wobec poglądów Lwa Tołstoja u schyłku XIX stulecia // *Studia Polonijne*. Lublin, 2007. T. 28. S. 133–148.
339. *Michalska-Bracha L.* Wojciech Dmowski wobec oceny powstania styczniowego i polskich dziejów porzecznych. Wokół debaty nad dziełem Stanisława Koźmiana. Rzecz o roku 1863 // *Galicja. Studia i materiały*. Rzeszów. 2019. N. 5. S. 130–150.
340. *Michalski M.* Dawni Słowianie w tradycji polskiej pierwszej połowy XIX wieku. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2013. 290 s.
341. *Michels R.* Der Patriotismus: Prolegomena zu seiner soziologischen Analyse. 2. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 2013. 211 s.
342. *Mochnecki M.* Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. T. 1–2. Paryż: Drukarnia P. Baudouin, 1834.
343. *Moroz-Grzelak L.* Bracia Słowianie. Wizje wspólnoty a rzeczywistość. Warszawa: Instytut Sławistyki PAN, 2011. 333 s.
344. *Myśliński J.* Studia nad polską prasą społeczno-polityczną w zachodniej Galicji 1905–1914. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. 491 s.

345. *Myśliński J.* Prasa w Galicji w dobie autonomicznej 1867–1918 // Prasa polska w latach 1864–1918. Warszawa, 1976. S. 213–329.
346. *Nadolski Ł.* Wątki historyczne w publicystyce Feliksa Konecznego na łamach «Świata Słowiańskiego» // Feliks Koneczny dzisiaj. Kraków, 2000. S. 59–63.
347. *Nawrał-Borowska M.* Tradycje powstania styczniowego i ich rola w wychowaniu patriotycznym młodego pokolenia (w świetle wspomnień z zaboru rosyjskiego) – w 150. rocznicę zrywu niepodległościowego z 1863 roku // Przegląd Pedagogiczny. 2013. N. 1. S. 59–70.
348. *Nawrot-Borowska M.* Nauczanie domowe na ziemiach polskich w II połowie XIX i początkach XX wieku – zapatrywania teoretyczne i praktyka. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2011. 574 s.
349. *Nowak A.* Oblicza panslawizmu. Zapomniana karta dziejów politycznej myśli wielkiej emigracji // Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 1992. T. 27. S. 5–30.
350. *Opacki Z.* Między uniwersalizmem a partykularyzmem. Myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego w latach 1914–1938. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006. 421 s.
351. *Opacki Z.* W kręgu Polski, Rosji i Słowiańszczyzny: myśl i działalność społeczno-polityczna Mariana Zdziechowskiego do 1914 roku. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996. 270 s.
352. *Opacki Z.* Z archiwum Mariana Zdziechowskiego. List Borisa Cziczierina do Mariana Zdziechowskiego // Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 2002. S. 247–250.
353. *Paprocki H.* Marian Zdziechowski i rosyjski renesans religijny // Karto-Teka Gdańska. 2020. N 1(6). S. 49–58.
354. *Pieróg S.* Neomesjanizm a recepcja Cieszkowskiego // Edukacja Filozoficzna. 1983. Vol. 3. S. 311–315.
355. *Piotrowska J.* Marian Zdziechowski and Leo Tolstoy: on true Christianity and Polish patriotism // Studies in East European Thought. 2024. 16 p.
356. *Polak P.* The historical and philosophical context of Marian Zdziechowski's intellectual activities in Krakow // Studies in East European Thought. 2025. 19 s.

357. *Polak R.* Dzieje Polski w ujęciu Feliksa Konecznego na podstawie jego syntez historycznych // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. 2013. T. 9. S. 303–321.
358. *Polak R.* Feliks Koneczny. Biografia uczonego // *Człowiek w Kulturze*. 1998. T. 10. S. 159–180.
359. *Popiołek F.* Studia z dziejów Śląska Cieszyńskiego. Katowice: Śląsk, 1958. 238 s.
360. *Pyda J.* „Irydion” – „Syn cieniów”. O ewolucji myśli antropologicznej Zygmunta Krasińskiego // *Kronos*. 2023. N 4. S. 189–203.
361. *Pyda J.* Marian Zdziechowski jako czytelnik twórczości Zygmunta Krasińskiego // *Tekstualia*. 2017. N 3 (50). S. 85–100.
362. *Ratajska K.* Neomesjanistyczni spadkobiercy Mickiewicza. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2010. 222 s.
363. *Rogalski M.* Marian Zdziechowski a Katolicką moderna. Na tropie związków polskiego i czeskiego modernizmu katolickiego // *Studia z Historii Filozofii*. 2014. N 5 (1). S. 95–109.
364. *Rogalski M.* Producenci margaryny? Marian Zdziechowski i polski modernizm katolicki. Kraków: Universitas, 2018. 245 s.
365. *Roszak S.* Forms of patriotism in the early modern Polish-Lithuanian Commonwealth // *Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe*. Leiden, Boston, 2010. P. 443–460.
366. *Różewicz J.* Towarzystwo Słowiańskie w Krakowie // *Towarzystwa naukowe i upowszechniające naukę działające w przeszłości na ziemiach polskich*. T. 2. Cz. 1. Wrocław – Warszawa, 1990. S. 231–237.
367. *Rubacha J.* Tematyka bułgarska w działalności naukowej słowianofilów krakowskich (1901–1914) // *Bułgarystyka: tradycje i przyszłość*. 2020. S. 251–266.
368. *Rusek J.* Sławistyka na uniwersytecie Jagiellońskim na przełomie XIX i XX w. // *Sławistyka na przełomie XIX i XX wieku*. Wrocław: Ossolineum, 1990. S. 115–126.
369. *Ruszczyńska M.* Słowianie i słowianofile. O słowianofilskich dyskursach w literaturze polskiego romantyzmu. Kraków: Collegium Columbinum, 2015. 322 s.

370. *Sapiński A.* The importance of messianic literature in relation to the neo-messianic view of contemporary security of Poland – selected issue // *Humanum. Międzynarodowe Studia Społeczno-Humanistyczne*. 2018. N 30 (3). P. 13–17.
371. *Skoczyński J.* Koneczny: teoria cywilizacji. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2003. 356 s.
372. *Skoczyński J.* Pesymizm filozoficzny Mariana Zdziechowskiego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983. 113 s.
373. *Sławęcka E.* Literatura i kultura rosyjska w działalności krakowskiego Klubu Słowiańskiego (1901–1914) // *Slavia Orientalis*. 1971. N 3. S. 281–298.
374. *Smak S.* Sewer Maciejowski: Życie i twórczość. Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1971. 278 s.
375. *Smoleński W.* Szkoły historyczne w Polsce: główne kierunki poglądów na przeszłość. Warszawa: Saturnina Sikorskiego, 1898. 160 s.
376. *Snyder Louis L.* Encyclopedia of nationalism. New York: Paragon House, 1990. 445 p.
377. *Sojka M.* Neomesjanizm a recepcja Cieszkowskiego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1986. 104 s.
378. *Solak Z.* Marian Zdziechowski i Klub Słowiański // *Studia Historyczne*. 1987. N 2. S. 217–227.
379. *Stachura-Lupa R.* Poglądy ideowo-estetyczne Stanisława Tarnowskiego. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2016. 380 s.
380. *Stasiak A.M.* Republican and monarchical patriotism in Polish political thought during the Enlightenment // *Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe*. Leiden, Boston, 2010. P. 711–733.
381. *Stroińska M.* Patriotism and Nationalism in the Polish Context: How the meanings of these words kept changing // *Warsaw East European Review*. 2011. T. 1. P. 183–200.
382. *Swakoń R.* Józefa Kazimierza Plebańskiego krytyka tzw. krakowskiej szkoły historycznej // *Klio Polska. Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej*. 2020. T. 12. S. 51–71.

383. *Świątek A.* II Zjazd Dziennikarzy Słowiańskich w Krakowie w 1899 roku // *Prace Historyczne*. 2020. T. 2. N 147. S. 375–399.
384. *Tazbir J.* Państwo bez stosów: szkice z dziejów tolerancji w Polsce XVI i XVII w. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1967. 296 s.
385. *Tazbir J.* Polska przedmurzem Europy. Warszawa: Twój Styl, 2004. 216 s.
386. *Tazbir J.* Reformacja w Polsce. Szkice o ludziach i doktrynie. Warszawa: Książka i Wiedza, 1993. 263 s.
387. *Tomasiewicz J.* Ugrupowania neoendeckie w Trzeciej Rzeczypospolitej (1889–1997) // *Dzieje najnowsze*. 2003. T. 35. N 3. S. 115–130.
388. *Toporowicz K.* Geneza i rozwój organizacyjny Towarzystwa Gimnastycznego «Sokół» w Krakowie w latach 1885–1914 // *Rocznik Naukowy WSWF w Krakowie*. Kraków, 1966. T. V. S. 85–110.
389. *Toporowicz W.* Lednicki Aleksander // *Polski Słownik Biograficzny*. T. 16. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1971. S. 611–612.
390. *Tyszkiewicz J.* Bizuteria patriotyczna w Polsce XIX-wiecznej // *Niepodległość i Pamięć*. 1998. N 10. S. 111–120.
391. *Walicki A.* «Prelekcje paryskie» Mickiewicza a słowianofilstwo rosyjskie // *Przegląd humanistyczny*. 1964. N 1. S. 1–36.
392. *Walicki A.* Filozofia a mesjanizm: Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu Polskiego. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1970. 315 s.
393. *Walicki A.* Trzy patriotyzmy. Trzy tradycje polskiego patriotyzmu i ich znaczenie współczesne. Warszawa: Res Publica, 1991. 83 s.
394. *Walicki A.* Zdziechowski: eschatologia a millenaryzm // *Znak*. 1981. N. 4–5. S. 505–518.
395. *Waldoch J.* Kształtowanie polskiego aparatu administracji w b. Galicji. Wydział Krajowy oraz Namiestnictwo wobec projektów ustaw o ustroju administracji publicznej z 1919 r. // *Krakowskie Studia z Historii Państwa i Prawa*. 2025. N 18 (2). S. 235–246.
396. *Wasilewski W.* Marian Zdziechowski wobec myśli rosyjskiej XIX i XX wieku. Warszawa: Neriton, 2005. 281 s.

397. Weiss T. *Romantyczna genealogia polskiego modernizmu. Rekonesans*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974. 317 s.
398. Wierzbicki A. Wokół „czarnej legendy” historiografii krakowskich konserwatystów // *Kwartalnik Historyczny*. 1997. N 2. S. 63–87.
399. Wojtyła W. Miłość ojczyzny i wychowanie patriotyczne w ujęciu Karola Libelta (1807–1875) // *Studia Elckie*. 2019. 21. N. 3. S. 429–439.
400. Woźniewska-Działak M. Patriotyzm w filozofii praktycznej Karola Libelta. Wokół rozprawy O miłości ojczyzny // *Studia Philosophiae Christianae*. 2020. 56. N. 2. S. 163–191.
401. Wroński A., Skoczyński J. Marian Zdziechowski 1861–1938: w 70 rocznicę śmierci. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2009. 135 s.
402. Wyka K. *Młoda Polska*. Vol. 1–2. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1977.
403. Zaczyński M. Odkrywanie Zdziechowskiego // *Znak*. 1984. N 5/6. S. 775–784.
404. Zaczyński M. Trudne drogi porozumienia polsko-ukraińskiego. Marian Zdziechowski i sprawy ukraińskie // *Poszukiwanie realności. Literatura – dokumenty – kresy* / red. S. Gawliński i W. Ligęza. Kraków, 2009. S. 75–88.
405. Ziejka F. Związek Literacki w Krakowie (1891–1899) // *Zarządzanie w Kulturze*. 2012. T. 13. N 1. S. 77–86.
406. Ziętek-Salwik A. Ignacy Sewer Maciejowski w środowisku artystycznym Krakowa // *Rocznik Kolbuszowski*. 2011. T. 11. S. 17–63.